

bibliotheca
classica

Ксенофонт
ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ

bibliotheca
classica

Ксенофонт

ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ

bibliotheca classica

*Античность и Средневековье:
история и культура
в источниках*

Ксенофонт

ЛАКЕДЕМОНСКАЯ
ПОЛИТИЯ

Перевод с древнегреческого,
вступительная статья и комментарии
Л. Г. Печатновой

Санкт-Петербург
2014

УДК 82-311.6
ББК 84(0)3
К86

Ксенофонт

К86 Лакедемонская полития / Пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Л. Г. Печатновой. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2014. — 224 с. — (Серия «Bibliotheca classica»).

ISBN 978-5-93762-099-6

Политический трактат «Лакедемонская полития» древнегреческого историка Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.) посвящен описанию общественного и политического устройства древней Спарты, уникальность которого создавали уже современники писателя.

Открытые симпатии автора к аристократической Спарте и явная ее идеализация привели к тому, что «Лакедемонская полития» стала первым шагом к созданию «спартанского мифа», который благополучно дожил до наших дней.

Новый перевод «Лакедемонской политии» и обширный исторический комментарий к тексту, содержащий в числе прочего важнейший параллельный материал из других источников, сделан профессором исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л. Г. Печатновой.

Издание адресовано преподавателям и студентам гуманитарных факультетов университетов, а также всем, кто интересуется историей античной эпохи.

УДК 82-311.6
ББК 84(0)3

© Л. Г. Печатнова, перевод на русский язык,
вступительная статья, комментарии, 2014

© Издательский Центр

«Гуманитарная Академия», 2014

ISBN 978-5-93762-099-6

МЕСТО «ЛАКЕДЕМОНСКОЙ ПОЛИТИИ» КСЕНОФОНТА В ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ученые разных стран и эпох неоднозначно оценивали и оценивают Спарту. И объясняется это не только и не столько политической конъюнктурой современного им мира, но и тем, что Спарта по многим параметрам и в самом деле весьма сильно отличалась от большинства греческих полисов. Эти отличия были настолько значительны, что уже в древности Спарта в глазах современников заняла особое, только ей одной присущее место. Очень рано — уже в V в. до н. э. — Спарта становится предметом удивления и восхищения для многих греков, которые были очарованы этим удивительным государством; и это очарование оказалось столь долговечным, что впоследствии захватило и римлян. Следует отметить, что при написании всякого рода историй, биографий, анекдотов, философских обобщений касательно Спарты никого не останавливало почти полное отсутствие каких-либо оригинальных материалов, исходящих непосредственно из Спарты. Пишущие довольствовались слухами или рассказами тех, кто посещал Спарту в качестве ее «друзей» или служил вместе со спартанцами в их армии в качестве наемников.

Внешний мир удивляла коллекция экстравагантных обычаев и порядков спартанцев, восхищала их внутривнутриполитическая стабильность и военная мощь. Только в Спарте вплоть

до римского завоевания сохранялась патриархальная царская власть, причем в форме двоевластия, только в Спарте государство начиная с самого раннего периода последовательно боролось с частной собственностью на землю и организовало жизнь своих граждан так, чтобы подчинить личные интересы общественным. Плутарх был, без сомнения, прав, когда говорил об особой атмосфере, царившей в Спарте, где конкретный гражданин воспринимался только как член коллектива (Лус., 25, 5). Спарта была единственным государством в Греции, где контроль государства над обществом носил столь тотальный характер.

Греческие философы, начиная с Платона и Аристотеля, искали ответ на вопрос, как и почему в Спарте сложилась именно такая модель полиса и чем объясняется удивительная эффективность этой модели. Ведь Спарта действительно обладала огромным военным потенциалом, а ее армия на протяжении столетий оставалась самой сильной в Греции. Как отметил Ю. В. Андреев в своей ставшей уже классической статье «Спарта как тип полиса», «среди других греческих государств Спарта бесспорно занимает совершенно особое, только ей одной принадлежащее место. В известном смысле она действительно представляла собой аномалию, исключение из общего правила в истории Греции... В весьма специфической и односторонней форме полисный строй достиг здесь достаточно высокой степени развития, продемонстрировав свою военную и политическую эффективность...»¹.

¹ Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 273.

Репутация Спарты как самого удивительного и загадочного государства привела уже в древности к появлению обширной литературы, посвященной спартанской тематике. Хотя до нас дошла только ее малая часть, в нашем распоряжении имеется достаточное количество источников по истории Спарты. Стоит отметить, однако, что среди них чрезвычайно мало таких, которые имеют спартанское происхождение. Практически полностью отсутствуют спартанские надписи периода архаики и классики. Из документальных материалов до нас дошли только списки спартанских царей и эфоров. Они были использованы Эратосфеном и другими хронографами как необходимый инструмент для освещения темных веков от падения Трои и до Первой Олимпиады (Diod., VII, 8). Сохранились также остатки спартанской литературной традиции — фрагменты произведений поэтов архаической поры, тесно связанных со Спартой, таких как Тиртей или Алкман. К слову, фрагменты элегий Тиртея, спартанского поэта VII в. до н. э. (Tyrte., fr. 4—5, 8—9 Diehl³), являются самым древним и потому наиболее достоверным источником по истории Мессенских войн.

Но основная масса литературных источников по Спарте носит общегреческий, а еще точнее, афинский характер. Все авторы, писавшие о современной им Спарте, как правило, не были беспристрастны: на их восприятие Спарты и всего спартанского влияли их собственные политические взгляды и предубеждения. Для писателей- противников радикальной демократии Спарта стала средоточием всех лучших качеств, которые только имелись в полисном строе. Эти так называемые лаконофилы, естественно, старались представить все, связанное со Спартой, в самом выгодном свете и по возможности опускали любые сведения, компрометирующие

спартанские порядки. Так, писатель-лаконофил Ксенофонт, чей трактат «Лакедемонская полития» является сейчас основным предметом нашего интереса, в другом, более крупном своем произведении «Греческая история» проявил великое мастерство по части сокрытия многочисленных фактов, бросающих мрачную тень на реноме Спарты. Наоборот, сторонниками демократии Спарта и спартанцы изображались в самом мрачном и неприглядном виде. Такой разнобой мнений особенно характерен для 2-й пол. V — 1-й пол. IV в. до н. э., когда спартанская тема была наиболее актуальна. Началась эта эпоха с военно-политического триумфа Спарты, а закончилась ее полным крахом — развалом спартанской державы и потерей ею Мессении, страны, где находилась большая часть спартанских илотов.

Чтобы лучше понять место Ксенофонта и его «Лакедемонской политии» в общем историографическом контексте, назовем греческих писателей, которые так или иначе в своих трудах касались истории Спарты.

Первый наиболее достоверный уровень этой традиции представлен писателями V—IV вв. до н. э. Ведь они, как замечает Честер Старр, были «последними, кто мог иметь информацию об еще живой структуре спартанской жизни и правления, которые сформировались в более ранние дни»².

Спарта и спартанцы занимают важное место в «Истории» Геродота. Геродот, уроженец дорийского Галикарнасса, с детства был преисполнен любви и уважения к Спарте. Он сам посещал Спарту как гость Архия (Her., III, 55). Его

² Starr Ch. The Credibility of Early Spartan History // Historia. Bd. 14. 1965. Hf. 3. P. 263.

данные, относящиеся к древнему периоду спартанской истории, исходят главным образом из устной спартанской традиции. В целом картина, нарисованная Геродотом, «должна была быть благоприятной, если не панегирической по отношению к Спарте»³. Так, Геродот был первым греческим историком, упомянувшим Ликурга и его законодательство. По версии Геродота, законы Ликурга не носили всеобъемлющего характера и касались исключительно политического устройства Спарты. Вариант Геродота по сравнению с более поздними описаниями законодательной деятельности Ликурга очень краток. Очевидно, в то время, когда писал Геродот, легенда о Ликурге еще только складывалась и еще не обросла красочными подробностями. Одно из самых важных мест у Геродота, непосредственно касающееся спартанских реалий, — это его отступление от основной темы, имеющее огромную ценность для понимания места царей в структуре спартанского полиса. В нескольких главах, напоминающих по своему стилю официальные надписи, он изложил целый ряд вопросов, связанных с положением царей в Спарте (VI, 56–59)⁴.

Хотя все его немногочисленные сообщения о спартанских реалиях, относящихся к периоду архаики, очень лаконичны, они, как правило, вызывают полное доверие у современных исследователей. Причину такого доверия объясняет Ч. Старр: «Геродот хорошо знал Спарту еще до того, как Пелопоннесская война замаячила на горизонте, т. е. до того,

³ Tigerstedt E. N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 88.

⁴ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 34–35.

как афинские предубеждения и афинская идеализация внесли серьезные искажения в объективную реальность»⁵.

Но главная заслуга Геродота заключается в том, что именно он впервые выделил спартанцев из общей массы греков и тем самым заложил первый камень в основу легенды о Спарте. Именно Геродот первым в своей «Истории» рассказал о подвиге царя Леонида и дал высочайшую оценку вкладу спартанцев в общую победу греков над персами. Сам Леонид и триста его воинов во многом благодаря рассказу Геродота на века стали знаковыми фигурами — идеальными носителями патриотической идеи. Своими действиями при Фермопилах спартанцы доказали замечательную эффективность законов Ликурга. Созданная еще в эпоху ранней архаики уникальная общественно-политическая система, превратившая всех граждан в воинов, а Спарту — в военный лагерь, полностью оправдала себя. И для современников, и для потомков спартанцы под Фермопилами, изображенные Геродотом, навсегда остались вневременным образцом героического поведения воинов. Так что Геродот, рассказав о массовом героизме спартанцев перед лицом неисчислимых орд варваров, внес огромный вклад в создание спартанской легенды.

Фукидид также писал о Спарте, поскольку последняя наряду с Афинами являлась главной участницей описываемой им Пелопоннесской войны. Но представленный у него материал за редким исключением ограничен временем (периодом означенной войны) и тематикой (только внешнеполитическими событиями). Его реплики по поводу событий, происходящих внутри Спарты, немногочисленны, лаконичны

⁵ Starr Ch. The Credibility of Early Spartan History. P. 263 f.

и точны. Так, в «Археологии» он сообщил об установлении в Спарте так называемого благозакония (евномии), но не упомянул имени Ликурга, автора этой концептуальной новации (I, 18, 1). Фукидид рассказал и о массовой казни двух тысяч илотов (I, 80, 4), вся вина которых состояла только в том, что их численность и хорошая физическая подготовка напугали спартанцев. Он же дал классическое описание тех принципов, на которых строилась иерархия управления в спартанской армии (V, 66, 3—4).

Что касается всякого рода заимствований, то Ксенофонт, возможно, заимствовал у Фукидида прием сравнения Спарты с другими греческими полисами. Так, Фукидид в речи Перикла на церемонии погребения павших афинян (II, 35—46) противопоставляет два государства, Спарту и Афины, и, соответственно, две политические системы и два образа жизни. Фукидид здесь явно на стороне Афин и афинской демократии в той форме, какую она приняла при Перикле. Его младший современник Ксенофонт свою «Лакедемонскую политию» построил по тому же самому принципу, что и Фукидид. Но поскольку трактат Ксенофонта — это апология Спарты и спартанцев, то все умозаключения автора противоположны той оценке, которую дал Афинам и Спарте Фукидид. Фукидида можно считать последним по времени историком, чей рассказ был свободен от идеализации Спарты.

Уже современники Фукидида приступают к созданию произведений, сильно искажающих объективную реальность. Заграничные почитатели Спарты начинают вносить свои коррективы в реальную картину спартанской жизни, создавая идеальный образ Спарты, весьма далекий от исходного образца. Так постепенно начинает складываться

спартанская легенда, с легкой руки французского историка Франсуа Олье названная «спартанским миражом»⁶.

Среди первых создателей утопической традиции о Спарте следует назвать прежде всего известного лаконофила Крития, идеолога и активного участника правления Тридцати в Афинах. Критий — автор двух сохранившихся только в незначительных фрагментах сочинений о спартанском государственном устройстве, где он, в частности, говорит, что в Спарте существует самое полное рабство одних и самая полная свобода других (Critias ap. Liban. Or., XXV F. 63 = fr. 37 Diels). Судя по отрывку, который привел в своей речи «О рабстве» писатель-софист IV в. н. э. Либаний, Критий, в отличие от Ксенофонта, не оставил без внимания важнейшую для спартанцев проблему их взаимодействия с илотами⁷. Оба труда, один в стихотворной, другой в прозаической форме, могли подать идею Ксенофонту сочинить свой собственный панегирик Спарте⁸. Важно отметить, что Ликург, который играет в «Лакедемонской политии» Ксе-

⁶ Среди работ, специально посвященных теме мифологизации Спарты в древности, прежде всего см.: Ollier Fr. *Le Mirage Spartiate*. T. I—II. Paris, 1933—1943; Tigerstedt E. N. *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. Vol. I—II. Stockholm, 1965—1974.

⁷ Либаний со ссылкой на Крития перечисляет некоторые приемы, к которым прибегали спартанцы для нейтрализации илотов: они снимали со щитов ручки, чтобы илоты не могли ими воспользоваться, ставили надежные запоры на своих дверях, а во время военных действий всегда старались держать копье при себе... (Critias ap. Liban. Or., XXV F. 63 = fr. 37 Diels).

⁸ По мнению М. Липки, если Ксенофонт и заимствовал свою тему у Крития, его труд тем не менее имеет совершенно независимый характер, насколько можно судить по немногочисленным

нофонта решающую роль, даже не назван по имени в сохранившихся фрагментах Крития. Общим как для Крития, так и для Ксенофонта является их убеждение, что спартанская конституция — это идеальная конституция *par excellence*. Недаром управленческие новации Тридцати — явно с подачи Крития — включали в себя отдельные элементы, сильно напоминающие спартанские образцы (например, комитет, состоящий из пяти эфоров, или число правителей, равное численности спартанской герусии).

Хотя «спартанский мираж» создавали в основном писатели, творившие за пределами Спарты, в самом спартанском полисе, особенно на рубеже V—IV вв. до н. э., также шел процесс литературной обработки уже носившихся в воздухе идей. Традиция сохранила нам имена трех политических деятелей, взявших за перо ради поиска в далеком прошлом Спарты необходимых обоснований своим реформаторским планам.

Первым таким писателем оказался спартанский наварх и герой Пелопоннесской войны Лисандр. Согласно античной традиции, спустя некоторое время после смерти Лисандра в его доме был найден текст большой речи, общий смысл которой сводился к необходимости реформировать царскую власть (Ephor. ap. Plut. Lys., 30, 3—5 = FgrHist 70 F 207; Diod., XIV, 13, 8; Plut. Ages., 20, 3—5; Nepos. Lys., 3, 5). Речь эту, по-видимому, составил по заказу Лисандра профессиональный ритор Клеон из Галикарнасса (это имя приводит Плутарх в биографии Агесилая, его же упоминает

фрагментам Крития, дающим материал для сравнения (Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution: Introduction. Text. Commentary. Berlin, 2002. P. 19).

и Корнелий Непот). О замыслах Лисандра, правда, в самом общем виде, сообщает Аристотель в «Политике». По его словам, «Лисандр сделал попытку уничтожить царскую власть в Спарте» (V, 1, 5, 1301 b 19). Скорее всего, в основе всех версий относительно реформаторских планов Лисандра лежит один и тот же источник — Эфор.

Исследователи — в зависимости от того, какой группе источников они отдают предпочтение, — так же как и древние авторы, расходятся в оценке сущности реформаторских идей Лисандра. Уже Эд. Мейер и В. Эренберг полагали, что Лисандр думал о замене царской власти Гераклидов выборной монархией. По словам Эд. Мейера, «с помощью выборной монархии Лисандр хотел установить свою тиранию также и над собственной родиной»⁹. Однако более вероятно, что планы Лисандра были менее радикальными и что он только хотел расширить круг претендентов на трон, включив туда всех Гераклидов (к которым по отцу и сам относился)¹⁰. В речи, написанной или им самим или по его заказу и предназначенной для агитации потенциальных сторонников, Лисандр, скорее всего, обратился к авторитету Ликурга, истолковав в нужном для себя ключе его законодательство, касающееся царской власти. Подобный литературный опус, возникший в среде спартанской военной элиты, — факт исключительной важности, свидетельствующий о готовности

⁹ Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*. Bd. V. Stuttgart, 1902. S. 32; Ehrenberg V. *Sparta. Geschichte* // RE. 2.R. Bd. III. Hbbd. 6. 1929. Sp. 1402.

¹⁰ Так, в частности, думает Ч. Гамильтон (*Hamilton Ch. D. Spartan Politics and Policy*, 405–401 B. C. // *AJPh*. Vol. 91. 1970. № 3. P. 311).

и способности некоторых видных спартиатов пользоваться плодами письменной культуры в своей политической борьбе.

Автором второго произведения, которое можно отнести к жанру политического памфлета, является царь Павсаний. Приговоренный заочно к смертной казни и бежавший в 395 г. до н. э. в Тегею (Xen. Hell., III, 5, 25–6; Plut. Lys., 28–29; Diod., XIV, 89, 1), он в изгнании занялся литературным творчеством и уже с помощью пера попытался продолжить политическую борьбу. В стране, давно уже лишенной своих поэтов и прозаиков, сам факт обращения бывших политических лидеров к сочинительству заслуживает пристального внимания¹¹. Эфор сообщает, что Павсаний был автором какого-то сочинения о конституции Ликурга: «Павсаний, после того как он был изгнан Еврипонтадами, другим царским

¹¹ М. Флауэр полагает, что спартиаты независимо от положения в обществе уже в силу узкой направленности своего образования не были способны излагать на бумаге какую-либо связную прозу. По поводу литературной деятельности Лисандра и царя Павсания он замечает, что вряд ли кто-либо из них без посторонней помощи мог составить или даже прочесть сложные литературные композиции. По его словам, Павсаний в лучшем случае «диктовал свое сочинение одному из тегейских друзей» (*Flower M. A. Revolutionary Agitation and Social Change in Classical Sparta // Georgica. Greek Studies in Honour of G. Cawkwell. Bulletin Supplement 58. 1991. P. 81 f., n. 32*). Но не раз высказывалось и противоположное мнение, согласно которому представление о полной безграмотности спартиатов является сильным преувеличением (*Cartledge P. Literacy in the Spartan Oligarchy // JHS. Vol. 98. 1978. P. 25–37; Андреев Ю. В. Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества) // Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 401–409*).

домом, в изгнании сочинил речь о законах Ликурга (который принадлежал к дому, изгнавшему Павсания); в этой речи он говорит об оракулах, данных Ликургу относительно большинства законов» (Ephor. ap. Strab., VIII, 5, 5 p. 366 = FgrHist 70 F 118 / Пер. Г. А. Стратановского с незначительными изменениями). Аристотель в «Политике» вносит важное дополнение к сообщению Эфора: по его словам, царь Павсаний хотел уничтожить эфорат (V, 1, 5, 1301 b 17–21).

Поскольку у Эфора сказано, что Павсаний в своем трактате говорил об оракулах, данных Ликургу, то, вероятно, труд Павсания представлял собою сборник дельфийских оракулов и комментариев к ним, выполненный самим царем. Оракулы, возможно, были подобраны по тематическому признаку: об искажении законов Ликурга, о пользе царской власти, о вреде эфората, об опасности корыстолюбия и т. д. Главным пунктом в этом сочинении могла быть критика в адрес эфоров. Цель этой критики — доказать неликургово происхождение эфората и призвать спартанцев вернуться к первоначальному законодательству в том виде, как оно было сформулировано Ликургом. Как и Лисандр, Павсаний хотел, по-видимому, внести важное изменение в спартанскую конституцию, а именно или вообще уничтожить эфорат, или подчинить его царям. Апелляция к прошлому в трактате Павсания становится общим местом всех вышедших из спартанской среды политических памфлетов, причем Ликург и его реформы стали в этой литературе главной темой на всем протяжении IV—III вв. до н. э.

Почти одновременно с Павсанием сочинение о законах Ликурга и государственном строе Спарты написал друг и сподвижник Лисандра Фиброн (Arist. Pol., VII, 13, 11, 1333b). Трактат Фиброна был написан, очевидно, между

399 и 391 гг. до н. э.¹² О содержании этого памфлета почти ничего не известно, но, судя по краткому замечанию Аристотеля, Ликург был центральной его фигурой. Фиброн в своем сочинении рассматривал также вопросы военного воспитания. Из слов Аристотеля можно понять, что труд Фиброна был написан в хвалебном тоне.

Не подлежит сомнению, что к тому времени, как в Спарте появились политики, способные использовать письменное слово в своей политической борьбе, «в греческой литературе уже сложился целый цикл исторических преданий, новелл, анекдотов, так или иначе связанных со Спартой и спартанцами. В совокупности они составили то, что принято теперь называть “легендой” или “мифом” о Спарте. Основным сюжетным стержнем легенды, по-видимому, с самого момента ее возникновения стала биография великого законодателя Ликурга, в котором древние видели основателя спартанского государства, создателя почти всех его важнейших институтов»¹³.

* * *

Первое дошедшее до нас целиком произведение, специально посвященное Спарте, но возникшее за ее пределами, принадлежит младшему современнику Фукидида Ксенофонт.

Ксенофонт родился в Афинах не позже 444 г., а умер не раньше 356 г. до н. э. Он получил хорошее образование, был знаком с Сократом и приобрел военный опыт во время Пелопоннесской войны. Являясь противником демократии

¹² *Lipka M.* Xenophon's Spartan Constitution. P. 22.

¹³ *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса. С. 246.

и, возможно, скомпрометировав себя во время правления Тридцати тиранов, Ксенофонт был вынужден покинуть родной город после восстановления демократического правления в Афинах. В 401 г. до н. э. он принял деятельное участие в походе Кира Младшего против персидского царя Артаксеркса. О героическом возвращении греческого войска из Азии после гибели Кира Младшего Ксенофонт рассказал в «Анабасисе». По возвращении в Малую Азию Ксенофонт вместе со своим отрядом поступил на службу сперва к фракийскому царю Севфу, а в 399 г. до н. э. — к спартанцам, которые в то время вели войну с персами в Малой Азии. Когда в 396 г. до н. э. спартанскую армию возглавил царь Агесилай, Ксенофонт сблизился с ним и до конца своих дней оставался его верным и восторженным почитателем. В Агесилае Ксенофонт видел идеального правителя и воина. Ему он посвятил не только свою «Греческую историю», но и отдельный трактат — «Агесилай». Ксенофонт участвовал в битве при Коронее (394 г.) на стороне спартанцев, за что заочно был приговорен афинянами к изгнанию из отечества. За многолетнюю верную службу спартанцы подарили Ксенофонту дом и участок земли в местечке Скиллунт в Элиде близ Олимпии (Paus., V, 6, 5—6). Здесь он жил с семьей, занимаясь сельским хозяйством и литературным трудом, вплоть до 371 г. до н. э., когда после поражения спартанцев при Левктрах и захвата фиванцами Элиды вынужден был переселиться в Коринф, где прожил до глубокой старости. В Афины он так и не вернулся, хотя приговор о его изгнании был отменен.

Ксенофонт не был кабинетным ученым: он лично знал многих из тех высокопоставленных спартанцев, которые стали персонажами его произведений; он был участником

важных событий и рассказал о них скорее как сочинитель мемуаров, чем как историк, получивший эти сведения из вторых или третьих рук. Конечно, будучи современником описываемых им событий, он пристрастен, но иная позиция была и невозможна для писателя, считавшего Спарту своей второй родиной, а царя Агесилая — другом и благодетелем. Ксенофонт был плодовитым писателем и работал в разных жанрах. О том, какой известностью и славой он пользовался среди современников и последующих поколений, свидетельствует тот факт, что все его произведения дошли до нас.

Таким образом, уже само имя Ксенофонта придает «Лакедемонской политии» (в дальнейшем также ЛП) вес, который, по мнению некоторых ученых, она вовсе не заслуживает¹⁴. Этот небольшой трактат Ксенофонта, написанный в жанре политического памфлета, имел острую политическую направленность и был, конечно, благожелательно принят спартанским правительством. ЛП представляет собой некритическую евлогию, в которой пропущены многие детали и которая почти бесполезна для изучения исторической Спарты. В ней практически отсутствует какая-либо историческая перспектива: в сущности, Ксенофонт игнорирует историческое развитие. В этом отношении «Лакедемонская полития» радикально отличается от «Афинской политии» Аристотеля. Так, в трактате Ксенофонта полностью опущена важнейшая тема, без раскрытия которой многие странности спартанского образа жизни остаются необъяснимыми, — это эксплуатация илотов¹⁵. Ксенофонт даже избегает

¹⁴ Flower M. A. Revolutionary Agitation and Social Change in Classical Sparta. P. 90, n. 68.

¹⁵ Murray O. Early Greece. 2nd ed. London, 1993. P. 173 f.

употреблять само слово *εἰλωτες*, заменяя его общегреческим термином *δοῦλοι* (6, 3).

ЛП — не столько научное исследование, сколько инструмент политической пропаганды. Цель трактата — оправдание и защита Спарты и спартанских порядков. Ксенофонт, как и авторы более поздних лаконофильских произведений, вовсе не стремился точно отобразить реалии спартанской жизни. Он лишь создавал воображаемую модель для подражания. По определению В. Йегера, ««Лакедемонская полития» — продукт отчасти философского, отчасти политического романтизма IV в. до Р. Х., усматривавшего в спартанском государстве некоторого рода политическое откровение»¹⁶.

Стоит отметить, что Ксенофонт весьма выборочно отбирал свой материал для ЛП. Так, восхищаясь законодательством Ликурга, он тем не менее оставляет в стороне его политическую компоненту. Главный его интерес заключался в другом: он подробно описывает удивительную для прочих греков систему спартанского воспитания, благодаря которой в спартиатах успешно культивировалась такая важная, с точки зрения Ксенофонта, черта, как «гражданская доблесть» (*πολιτικὴ ἀρετή*) (10, 7). В «Лакедемонской политии», явно написанной с целью восхваления спартанского образа жизни, тесно переплелись реальность и утопия. Спарта, особенно после Пелопоннесской войны, отнюдь не была тем благостным уголком порядка, справедливости и нравственности, каким ее изображает Ксенофонт. В то время, когда писалась ЛП, реальная Спарта имела уже мало общего с нарисованной Ксенофонтом картиной. Автор ЛП вполне

¹⁶ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. С. 53.

сознательно создал этот лубочный образ Спарты, где начиная чуть ли не с дорийского нашествия не было ни гражданской борьбы, ни политических потрясений, ни изгнаний, т. е. он создал образ Спарты-утопии, каковой никогда не существовало в действительности. Недаром в этом трактате нет никаких исторических «зацепок» и никаких исторических фигур за единственным исключением одного — «Бога из машины», создавшего весь спартанский порядок с начала и до конца, легендарного законодателя Ликурга. Других действующих лиц в трактате нет. Эта своеобразная политическая наивность — искусный прием, изобретенный Ксенофонтом ради усиления общего эффекта. Описанная Ксенофонтом Спарта с ее системой воспитания детей и упорядоченным образом жизни взрослых повисает в воздухе. Она не имеет никаких хронологических опор, кроме одной: все установления возникли в глубокой древности благодаря гению Ликурга и с тех пор никаким изменениям не подвергались. Иных законодателей после Ликурга Ксенофонт не упоминает, скорее всего, вполне сознательно: они просто не вписывались в нарисованную им идеальную картину, где великий законодатель один, словно демиург, создал великое государство. В этой связи можно вспомнить более реальный подход Аристотеля, который в своей «Политике» объединил Ликурга с последующими реформаторами, такими как царь Феопомп или эфор Хилон, под общим названием «законодатель»¹⁷.

Трактат, по-видимому, предназначался прежде всего афинской аудитории, чье весьма неблагоприятное мнение

¹⁷ Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 226.

о современной Спарте было хорошо известно Ксенофону¹⁸. Желая выделить наиболее привлекательную и в то же время экзотическую сторону жизни спартанского общества, Ксенофонт подробно описал странную, но вызывающую большой интерес у греков систему спартанского воспитания, благодаря которой государство получало отличный человеческий материал — идеально удобных граждан, «заточенных» на выполнение государственных задач и минимально связанных со своей семьей. О самом Ликурге и его политических учреждениях Ксенофонт говорит очень мало, причем названные им детали иные, чем у его предшественника Геродота. Так, Ксенофонт относит Ликурга к более раннему периоду, чем кто-либо из античных писателей: он делает Ликурга современником Гераклидов (XI в. до н. э.) (Лас. pol., 10, 8; Хеп. ар. Plut. Лус., 1, 5). Это позволяет Ксенофону обойти тему «дурного правления», которая существовала в Спарте до Ликурга (Нер., I, 65, 2) и тем самым избавиться от необходимости оценивать роль царей в гражданских смутах, о которых говорит Фукидид (Thuc., I, 18, 1). Возможно, Ксенофонт скомбинировал две традиции: одну, идущую от Гелланика (Hellanic. ар. Strab., VIII, 5, 5, р. 366), а другую — от Геродота (I, 65). В любом случае, Ксенофонт устраивал самый ранний вариант традиции, который бы показывал исключительную древность и самого Ликурга,

¹⁸ М. Липка относит ЛП наряду с двумя спартанскими политиями Крития к группе работ об идеальном государстве и цель ее определяет как дидактическую. По его мнению, трактат предназначался прежде всего для афинской аристократической молодежи, которая видела в Спарте реализованный образчик сократического образа жизни (Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 31 f.).

и всех связанных с его именем спартанских установлений. Точно так же из двух существующих в его время версий происхождения законов Ликурга Ксенофонт останавливается на самой для него подходящей, согласно которой санкцию на введение в Спарте новых законов Ликург получил из Дельф. Критский вариант происхождения спартанского законодательства, встречающийся у Геродота, Ксенофонт даже не рассматривает, поскольку эта версия не отвечала его задачам. Игнорирует Ксенофонт и некоторые наиболее шокирующие факты спартанской действительности, например уничтожение в Спарте физически неполноценных детей (ср.: Plut. Lyc., 16) или существование криптий, осуществлявших террор в отношении илотов (Plat. Leg., I, 633 b, и очень важные схолии, которые сопровождают этот текст; Plut. Lyc., 28; Cleom., 28).

В своем трактате Ксенофонт, где это только возможно, старательно избегает употреблять чисто местные, спартанские, термины, если их можно заменить общегреческими. А о некоторых явлениях спартанской действительности он или говорит намеками, заменяя точные определения эвфемизмами, или полностью их опускает. Так, например, выражение οἱ τὰ μικρὰ ἔχοντες, дословно означающее «обладающие незначительной собственностью» (6, 5), употребляется им как эвфемизм вместо вполне определённого слова πένητες, т. е. «бедные люди», «бедняки». Ксенофонт намеренно избегает этого слова, потому что оно намекает не только на экономическое, но также и на социальное неравенство и таким образом противоречит общей установке Ксенофонта на демонстрацию социальной идиллии в Спарте. Аристотель более правдив, когда называет неимущих спартанцев «бедняками» (πένητες) (Pol., II, 6, 13, 1270 b).

Избегает Ксенофонт употреблять и термин «илот», прекрасно ему известный (Hell., III, 3, 6—8). В ЛП илотов он упоминает дважды, каждый раз прибегая к общегреческим заменителям этого слова (6, 3: οἰκέται; 12, 4: δοῦλοι). Замена специфических спартанских терминов более общими их эквивалентами — это обычная стилизация, характерная для подобного рода трактатов с сильной идеологической компонентой. Стоит отметить, что в «Лакедемонской политике» Ксенофонт сознательно не употребляет местные термины для обозначения различных групп полугражданского населения, такие, например, как гипомейоны, неодамоды или мофаки. Он только намекает на существование подобных групп. Как кажется, Ксенофонт явно имел в виду гипомейонов, когда говорил об исключении из числа «равных» тех, кто «будет малодушно не выполнять законов» (10, 7). Под этим расплывчатым описанием недостойных граждан, скорее всего, скрывалась довольно многочисленная группа бывших спартиатов, потерявших из-за бедности часть своих гражданских прав. Само название — гипомейоны (ὑπομείονες), т. е. «младшие», «меньшие», «опустившиеся», — прекрасно отражает их статус. Ксенофонт знал о гипомейонах (Hell., III, 3, 6), которых довольно много появилось на рубеже V—IV вв. до н. э.

Один из любимых литературных приемов Ксенофонта, к которому он постоянно прибегает, — это нарочитое противопоставление Спарты и спартанцев всей остальной Греции, а точнее Афинам. На этой антитезе как на внутреннем стержне держится вся конструкция ЛП. Ксенофонту нужен был фон, на котором бы достоинства Спарты выступали наиболее рельефно, поэтому он постоянно подчеркивает достоинства одних — милых его сердцу спартанцев,

и недостатки других — прочих греков. Резкая ясность анти-тезы как нельзя лучше подошла для стиля политического памфлета. При этом Ксенофонт постоянно допускает естественные для подобного жанра преувеличения, недомолвки и даже искажения действительного положения дел.

Приведем наиболее яркие примеры подобных искажений. Так, говоря о столь деликатной сфере, как распространение гомосексуальных связей среди спартанцев (2, 12–13), Ксенофонт и тут умудряется подчеркнуть преимущественное отличие спартанцев: по его словам, если среди прочих «испорченных» греков, в частности беотийцев и элейцев, доминировал именно физический аспект педерасти, то в Спарте главной была духовная составляющая. Автор ЛП не мог отрицать очевидного — широкого распространения в среде спартанцев связей между взрослыми мужчинами и юношами, что рассматривалось внутри Спарты как социальная норма. Однако, желая представить Спарту в наиболее привлекательном виде, он попытался уверить, что эти отношения носили платонический характер, ссылаясь на Ликурга, который якобы запретил гомосексуальные связи. Подобные свидетельства апологетического характера находятся в противоречии с имеющимися фактами, сообщаемыми другими авторами. К примеру, Плутарх причислял спартанцев к народам, наиболее склонным к педерастии (Amator. = Mor., 761 c-d).

Другим явным искажением является утверждение Ксенофонта, что только в Спарте наказывают трусов, а у прочих греков трус не подвергается каким-либо преследованиям. У афинского оратора Эсхина мы находим совершенно иную картину: «...и уклоняющегося, и беглеца, и труса наш законодатель отлучает от площади, окропляемой

жертвенною кровью, от венчания венком, от участия во всенародных жертвоприношениях» (Aeschin. Ctes., 176 / Пер. С. Ошерова).

Сильным преувеличением, искажающим реальную картину, являются и слова Ксенофонта, что «все прочие профаны в военном деле, и только одни лакедемоняне — истинные знатоки» (13, 5). Ксенофонт, будучи сам военным, прекрасно знал об истинном состоянии дел в этой сфере и понимал, что в те годы, когда писалась ЛП, никакого особого превосходства в военном отношении у спартанцев уже не было. Но с другой стороны, Ксенофонт, сам долгое время служивший в спартанской армии, не мог отказаться от иллюзии, что она остается лучшей в Греции. Он был убежден в превосходстве спартанской армии над всеми другими армиями и приложил немало сил, чтобы внушить эту мысль своим читателям. И даже став свидетелем полного разгрома спартанцев при Левктрах в 371 г. до н. э., он не отказался от этой своей уверенности. «Для лаконофила Ксенофонта даже бегущие спартанцы — не толпа, а теснящие их фиванцы — ὄχλος!»¹⁹

Общепринятым считается мнение, что «Ксенофонт был горячим поклонником Спарты, этого идола греческой аристократии»²⁰. Действительно, в его лаконофильских пристрастиях не может быть сомнения, и «Лакедемонская политика» — лучшее тому доказательство. Можно сказать, что «спартанский мираж» начинается именно с этого небольшого трактата Ксенофонта. 14-я глава, представляющая краткий

¹⁹ Карпюк С. Г. Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М., 2010. С. 114.

²⁰ Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 398.

критический обзор современной Ксенофонту Спарты, добавлена им вполне сознательно. Она придает достоверность остальным главам, поскольку «Лакедемонская полития» — не совсем утопия. Ксенофонт хотел создать у своих читателей впечатление, что описанная им спартанская «идиллия» существовала в самом недалеком прошлом и при некотором усилии может быть вновь воссоздана.

Однако, судя по содержанию 14-й главы, которая представляет собой критический эпилог всего трактата, Ксенофонт не был безусловным лаконофилом и ясно представлял себе недостатки современной ему Спарты. Некоторые его замечания в «Греческой истории» также подтверждают, что он трезво оценивал состояние дел в послевоенной Спарте: именно в тот момент, когда Спарта достигла высшей точки своего могущества, стали видны знаки ее будущего упадка (V, 3, 27; 4, 1). Историк с одинаковой ясностью видел, как именно Спарта стала самым могущественным из всех греческих полисов и почему она утратила это свое качество. Говоря о глубокой моральной порче и падении нравов в послевоенной Спарте, Ксенофонт объясняет это тем, что спартанцы больше «не повинуются ни богу, ни законам Ликурга» (14, 7). Начиная с Ксенофонта, господствующей тенденцией древних комментаторов стало описывать социальную эволюцию Спарты конца V — начала IV вв. до н. э. в терминах нравственного упадка и растущего неверия в традиционные ценности²¹.

²¹ *Фигейра Т. Дж.* Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2001. Вып. 32. С. 11.

В 15-й, последней, главе, посвященной институту царской власти в Спарте, Ксенофонт останавливается в основном на сюжетах, представляющих в наиболее привлекательном виде царскую власть. Обо всех остальных политических институтах, таких, как герусия, эфорат и народное собрание, Ксенофонт или вообще не говорит, или упоминает их только *ad hoc*. Подобный выбор свидетельствует об огромной, с точки зрения Ксенофонта, значимости царской власти для Спарты.

В первом же параграфе 15-й главы он заявляет, что «царская власть — единственная, которая остается именно такой, какой она была установлена с самого начала». Это очередная «передержка» Ксенофонта: он хотел представить царскую власть как некое идеальное установление, настолько хорошо изначально устроенное, что никакие изменения его не коснулись. Конечно, Ксенофонт, желая выделить царскую власть в качестве единственно устойчивого политического института, допускает сильное преувеличение. В действительности, начиная по крайней мере с сер. VI в. до н. э., власть царей постепенно ослабевала (многие царские полномочия перешли в руки эфоров, — такие важные, например, как председательство в народном собрании), — пока наконец цари не превратились, по определению Аристотеля (Pol., II, 9, 2, 1285 a), только в наследственных и несменяемых военачальников. Ксенофонт преувеличивал реальную власть спартанских царей, не только исходя из своих политических пристрастий, но и находясь под обаянием личности одного из величайших царей Спарты — Агесилая. Наш историк, по-видимому, искренне верил, что такие цари, как Агесилай, смогут возродить Спарту и заставить граждан соблюдать законы Ликурга, руководствуясь которыми спартанцы жили

со времен ранней архаики. Надо сказать, что Ксенофонт оказался провидцем. Он верил в творческие возможности сильной личности, в то, что «люди иногда способны радикально трансформировать даже свои самые фундаментальные институты»²². И действительно, полтора века спустя именно спартанские цари Агис IV и Клеомен III приложили огромные усилия, чтобы возродить Спарту под лозунгами очищения ее от скверны и возврата к старинным установлениям предков²³.

Трактат Ксенофонта успешно выполнил свою задачу. Афиняне, как и прочие греки, мало что знали о спартанских реалиях, и ЛП восполнила недостаток их сведений о Спарте даже в таком, весьма искаженном, виде.

* * *

Если «Лакедемонская полития» — апология Спарте и Ликургу, то его второй трактат, посвященный спартанской тематике, — евлогия, или похвальное слово, спартанскому царю Агесилаю. Таким образом, для Ксенофонта существовало две знаковые фигуры в спартанской истории — Ликург, основатель спартанского космоса, и Агесилай, царь, сделавший Спарту, — правда, на короткий период — госпожой всей Греции. Агесилай, по мнению Ксенофонта, воплотил в себе лучшие качества царя. В последней, 15-й, главе «Лакедемонской политии», Ксенофонт четко определяет

²² Jones N. F. *Politics and Society in Ancient Greece*. Connecticut; London, 2008. P. 44.

²³ По словам Плутарха, царь Агис утверждал, «что ему ни к чему была бы царская власть, если бы не надежда возродить с ее помощью старинные законы и отеческое воспитание» (Agis, 4, 2).

свою позицию: только цари, подобные Агесилаю, могут спасти Спарту и вернуть ей прежний Ликургов порядок и тем самым ведущее положение в Греции.

Лаконофильские симпатии Ксенофонта проявились и в его главном историческом произведении — «Греческой истории». Его «Hellenica» — это, по сути дела, благоприятная для Спарты версия греческой истории. Как и в «Лакедемонской политике», Ксенофонт опускает самые неприятные для реноме Спарты моменты. Так, например, он старательно умалчивает о связях Спарты с Персией или о возмутительном поведении спартанских гармостов за границей.

После Ксенофонта свой вклад в создание «спартанского миража» внесли Эфор и Феопомп — историки следующего поколения, немало писавшие о Спарте и спартанцах. Неясное представление о древнейшей истории Спарты Эфор, вероятно, восполнял более или менее произвольной реконструкцией исторического материала. Но при этом он пользовался источниками, непосредственно исходящими из самой Спарты, — произведениями Тиртея и Алкмана, спартанских поэтов еще архаического периода. Знал Эфор, конечно, и богатую лаконофильскую литературу, у истоков которой стояли Критий, Ксенофонт и Платон. Так, описывая спартанскую конституцию в четвертой книге своей истории (FgrHist 70 F 149), Эфор использовал в качестве одного из источников «Лакедемонскую политику» Ксенофонта.

Произведения Эфора и Феопомпа послужили важным, а иногда и основным источником для писателей поздней античности — Диодора, Плутарха, Корнелия Непота, Помпея Трога и других. Труды поздних авторов ценны в той мере, в какой можно доказать их связь с источниками, восходящими к литературной традиции V—IV вв. до н. э. Степень

достоверности их сведений о Спарте зависела от многих факторов, в том числе и от тех философских концепций, адептами которых они являлись. Судя по частым ссылкам на Эфора у поздних писателей, большая часть наших сведений об архаической Спарте, так или иначе, восходит именно к нему. Принято считать, что особенно резкие выпады Диодора против Спарты взяты им, скорее всего, у Эфора (ср.: Diod., XIV, 6; 10; 21; 40; 82; 110). Феопомп в отличие от Эфора был преисполнен симпатий к Спарте и ее политикам. От Феопомпа через Плутарха до нас дошло немало рассказов, рисующих деятельность спартанских лидеров в самом благоприятном для них свете (Plut. Lys., 30, 2 = Theopomp. FgrHist 115 F 333; Plut. Ages., 10, 10 = FgrHist 115 F 321).

После Ксенофонта, пожалуй, именно Плутарх сделал больше всего для создания «спартанского миража». Из-за утраты огромного пласта литературы Плутарх остается нашим основным, а подчас и единственным информатором по кардинальным проблемам спартанской истории. Так, ему принадлежит самая пространная биография Ликурга, содержащая избыток антикварных фактов и являющаяся как бы итогом многовековой литературной традиции о Ликурге. Она написана в панегирических тонах и принадлежит к той же утопической традиции, что и «Лакедемонская полития» Ксенофонта. Плутарх собрал все, что было известно о Ликурге до него, и таким образом подвел итог долгому процессу складывания мифа о Ликурге. Целый ряд деталей и заимствований свидетельствуют о том, что в основе биографии Ликурга лежит добротная традиция, восходящая к Лакедемонским политиям Ксенофонта и Аристотеля. В своем жизнеописании Ликурга Плутарх неоднократно ссылается на «Лакедемонскую политию» Ксенофонта. А его трактат

«Изречения спартанцев» (*Apophthegmata Laconica* = Mor., 208a-242d), скорее всего, непосредственно основан на ЛП. Степень достоверности сведений Плутарха, конечно, во многом зависит от его источников, однако в целом материал Плутарха с поправками на известную тенденциозность его информаторов и своеобразие жанра исторической биографии представляется нам вполне добротным.

Помимо писателей-историков исключительно важны для воссоздания спартанской истории сообщения авторов, работавших в других жанрах. Речь идет о философах, политических ораторах, периегетах. Среди них в первую очередь следует назвать Аристотеля, который во многом дополняет и расширяет наши сведения о спартанском полисе. Анализ «Политики» показывает, что Аристотель использовал в своей работе «Лакедемонскую политику» Ксенофонта. Влияние ЛП становится особенно очевидным там, где Аристотель рассказывает о совместном владении рабами, конями, собаками и съестными припасами в Спарте (Pol., II, 2, 4, 1263 a 35–39)²⁴. И хотя «Лакедемонская политика» Аристотеля как таковая не сохранилась, от нее мы имеем несколько фрагментов. Кроме того, основные результаты этого исследования были включены в «Политику», большой аналитический труд Аристотеля. Сведения Аристотеля ценны прежде всего своим объективным характером. С именем Аристотеля связан едва ли не самый надежный пласт традиции о Ликурге и его законодательстве, дошедший до нас от IV в. до н. э. В его «Политике» рассыпаны замечания, касающиеся особенностей спартанской конституции, и дана характеристика важнейшим спартанским магистратурам. Аристотель

²⁴ Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 37.

в качестве иллюстрации к своим теоретическим положениям (правда, в самом сжатом виде) перечисляет знаковые события и факты из спартанской истории, такие, например, как заговор Кинадона (V, 6, 2, 1306 б), ретра Эпитадея (II, 6, 10, 1270 а), реформаторские планы Лисандра и царя Павсания (V, 1, 5, 1301 б) и т. д. Во фрагментах из утерянной «Лакедемонской политии» Аристотеля (fr. 532—545 Rose³) сохранились кое-какие сведения о Ликурге и его законодательстве²⁵. По-видимому, вся поздняя традиции о Ликурговой Спарте основывалась главным образом на двух источниках — Эфоре и «Лакедемонской политии» Аристотеля.

Из поздних авторов, в работах которых встречаются отдельные сведения о Спарте и Ликурге, следует назвать Страбона, Павсания, Полиена, Элиана, а из представителей римской литературы — Корнелия Непота и Помпея Трога. В «Географии» Страбона подчас встречаются исключительно важные сведения о формировании спартанского полиса, в том числе и по проблеме илотии. У Страбона мы также находим сообщение о царе Павсании как авторе трактата о конституции Ликурга (VIII, 5, 5).

В целом источники по Спарте имеют свои особенности: это, во-первых, абсолютное преобладание общегреческой традиции над местной лаконской, во-вторых, почти полное отсутствие эпиграфических документов, и наконец, невозможность однозначного толкования археологического материала.

«Лакедемонская полиция» Ксенофонта занимает свое — исключительно важное — место среди всего массива источ-

²⁵ Возможное содержание «Лакедемонской политии» Аристотеля блестяще реконструировал А. И. Доватур (Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. С. 213—252).

ников по Спарте. Это — первый и единственный трактат, посвященный Спарте, написанный в жанре политического памфлета и дошедший до нас полностью. Ото всех остальных трактатов подобного рода в лучшем случае сохранились только фрагменты.

* * *

Перед тем как привлечь внимание читателя непосредственно к «Лакедемонской политии», нам бы хотелось также сказать несколько слов об истории публикации и исследований самого текста, а также сделать несколько предварительных замечаний касательно нашего перевода.

Название «Лакедемонская полития», скорее всего, не принадлежит Ксенофону, а дано поздним издателем, возможно, по аналогии с «Афинской политией», которая могла сохраниться вместе с ЛП среди неопубликованных работ Ксенофонта²⁶.

Уже в древности не все были уверены в принадлежности ЛП Ксенофону (Diog. Laert., II, 57). В Новое время сомнения на этот счет высказывались неоднократно. В сравнительно недавних работах также предпринимались попытки, хотя и не очень удачные, доказать, что этот трактат не принадлежал Ксенофону, а был, скорее всего, политическим памфлетом, относящимся ко времени реформ Агиса и Клеомена²⁷.

²⁶ *Lipka M.* Xenophon's Spartan Constitution: Introduction. Text. Commentary. Berlin, 2002. P. 9, n. 58.

²⁷ См., в частности: *Chrimes K. M. T.* The Respublica Lacedaemoniorum Ascribed to Xenophon. Manchester, 1948; *Wüst F. R.* Laconica // *Klio*. Bd. 37. 1959. S. 53–60.

Но в конце XIX в. Ипполит Базен, изучив как рукописную традицию, так и другие работы Ксенофонта, особенно «Греческую историю» и «Агесилая», пришел к выводу, что именно Ксенофонта надо считать автором «Лакедемонской политии», несмотря на некоторые сомнения, вызванные репликой Деметрия Магнесийского (Diog. Laert., II, 57)²⁸. Та же точка зрения высказывается и в большинстве последующих исследований. Так, М. Липка, автор подробнейших комментариев к ЛП, убедительно доказал принадлежность этого трактата Ксенофонту на основании сравнительного филологического анализа особенностей его языка и стиля, присущих всем его произведениям, включая и «Лакедемонскую политию»²⁹. Большинство современных ученых смотрят на ЛП как на подлинную работу Ксенофонта³⁰.

Относительно даты написания трактата полного единодушия среди ученых нет. Единственной опорой, помогающей установить датировку, является 14-я глава, в которой упомянуты гармоствы, если, конечно, считать эту главу интегральной частью ЛП. Поскольку институт гармоств был ликвидирован после битвы при Левктрах, то 371 г. до н. э., как правило, принимают за *terminus ante quem*. Так, например, Франсуа Олье, не оспаривая подлинности «Лакедемонской политии», считает, что она была написана вскоре после 394 г. до н. э. Однако, по его мнению,

²⁸ *Bazin H. Le République des Lacédémoniens de Xénophon. Étude sur la situation intérieure de Sparte. Paris, 1885.*

²⁹ *Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 46–55.*

³⁰ Полемику относительно аутентичности «Лакедемонской политии» см.: *Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 5–9.*

14-я глава была добавлена позже, около 378 г.³¹ В результате Ф. Олье в своем издании помещает 14-ю главу в конец текста, поменяв ее местами с 15-й главой, которая в рукописном варианте является завершающей. В сравнительно недавних исследованиях, специально посвященных этому вопросу, время написания «Лакедемонской политики» помещают обычно между 394 и 371 г.³² Причем 394 г. до н. э. в качестве *terminus post quem* принимают, как правило, исходя из разного рода соображений, в частности, утверждая, что в десятилетие между 404 и 394 г. Ксенофонт занимался исключительно военными делами (участвовал в далеких походах и служил под началом Агесилая) и не мог уделять время литературным штудиям.

Иногда в качестве *terminus ante quem* предлагают более позднюю датировку, чем 371 г. до н. э. Так, по мнению Э. Д. Фролова, трактат был написан в последний период жизни Ксенофонта, по-видимому, уже после переселения его в Коринф в 371 г.³³ В поддержку такой датировки

³¹ Ollier Fr. *La République des Lacédémoniens*. Lyon, 1934. P. VII–XI; XVIII s. Э. Дельбек также считает 14-ю главу более поздней вставкой, датируя сам трактат 387 г. до н. э., а 14-ю главу — 369 г. (*Delebecque Ed. Essai Sur la Vie de Xénophon*. Paris, 1957. P. 194–199; 329–331).

³² См., в частности: Aristotle and Xenophon on Democracy and Oligarchy. Ed. J. M. Moore. University of California Press, 1975. P. 71 f.; Humble N. The Author, Date and Purpose of Chapter 14 of the Lakedaimonion Politeia // Xenophon and his world. Ed. Ch. Tuplin. Stuttgart, 2004. P. 215–228.

³³ Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 398. Однако в более ранней своей работе Э. Д. Фролов склонялся к традиционной датировке. По его словам, «время создания трактата... может быть определено

можно привести то соображение, что все датированные произведения Ксенофонта были написаны им после 365 г. до н. э. и у нас нет серьезных оснований для того, чтобы делать исключение для «Лакедемонской политии». В защиту поздней датировки высказывают также следующий аргумент: 14-я глава, входящая в состав ЛП, настолько критическая по отношению к Спарте, что вряд ли она могла быть опубликована при жизни Агесилая³⁴. Иногда замечание Ксенофонта

только лишь приблизительно. Каких-либо прямых указаний на этот счет в трактате нет, и мы должны довольствоваться лишь незначительными косвенными данными... Поскольку практика назначения гармостов в чужие города впервые стала осуществляться спартанцами в широких масштабах лишь после сражения при Эгоспотамах... и продолжалась вплоть до поражения спартанцев при Левктрах, то очевидно, что создание произведения относится ко времени между 405 и 371 гг. Далее, по некоторым замечаниям автора видно, что к моменту написания трактата лакедемоняне уже потеряли свою гегемонию в Греции и прилагали все усилия к тому, чтобы вновь возвернуть ее себе (14, 5—6). Следовательно, время создания трактата должно быть ограничено периодом от заключения Анталкидова мира (387/386) до образования второго Афинского морского союза (378/377). Наконец, следующее замечание автора позволяет, по-видимому, еще более уточнить время написания трактата. «Теперь многие (эллины) призывают друг друга к тому, чтобы воспрепятствовать лакедемонянам снова начать властвовать» (14, 6). Новейшие исследователи с полным основанием видят в этом замечании намек на создание второго Афинского морского союза. Таким образом, можно предполагать, что трактат был написан Ксенофонтом около 378/377 г., — либо в самом этом году, либо немного времени спустя» (Фролов Э. Д. Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. С. 174 сл.).

³⁴ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London; Baltimore, 1987. P. 57.

о малолетстве (1, 1) рассматривают как косвенное свидетельство того, что «Лакедемонская полития» была написана после 371 г. до н. э., т. е. после сражения при Левктрах, где погибло четыреста из семисот спартиатов, участвовавших в бою (Xen. Hell., VI, 4, 15).

Об аргументах, к которым часто прибегают для установления датировки «Лакедемонской политии», дает представление одна из недавних работ, непосредственно посвященных анализу этого трактата. М. Липка сделал очередную попытку установить дату написания ЛП, причем с редкой для такого рода спекуляций точностью³⁵. Приведем его аргументы, которые нам кажутся интересными, но отнюдь не бесспорными. По мнению М. Липки, Ксенофонт в 14-й главе, описывая поведение гармостов за границей, имел в виду ситуацию, характерную скорее для рубежа V—IV вв. до н. э., чем для более позднего периода. Именно тогда гармосты были окружены лестью и подвергались ее губительному влиянию (14, 2). В той же главе в § 4 речь идет о первых людях в государстве, которые прилагают все усилия, чтобы продолжать служить за границей в качестве гармостов (14, 4). Это опять-таки ситуация, характерная для начала IV в. до н. э. Достаточно в этой связи вспомнить Деркилида, Клеарха или Фиброна, чья служба за границей началась еще в период Пелопоннесской войны, а закончилась к концу 90-х годов IV в. М. Липка полагает, что Ксенофонт имел в виду гармост-систему в Малой Азии, Фракии и на островах, созданную Лисандром и достигшую пика своего могущества как раз в 90-е годы. Почти полностью уничтожена она была после поражения спартанского

³⁵ Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 9—13.

флота при Книде в 394 г. (Xen. Hell., IV, 3, 11–12). Таким образом, по мнению М. Липки, для 14-й главы 394 г. и является *terminus ante quem*. В этой же главе он находит намек и на *terminus post quem*. Как известно, первая серьезная оппозиция спартанскому правлению после Пелопоннесской войны имела место в 395/4 г. до н. э.: против Спарты объединилось несколько крупных государств, включая Афины, Коринф и Аргос (Diod., XIV, 82, 1–4), воодушевленных поражением и гибелью Лисандра у Галиарта (Xen. Hell., III, 5, 18–25; Plut. Lys., 28, 9). По словам М. Липки, «заманчиво видеть в этих союзниках многих из тех, которые “призывают друг друга всячески препятствовать спартанцам снова захватить власть над ними” (14, 6)»³⁶. «Другими словами, — продолжает он, — сочинение 14-й главы падает на промежуток времени между поражением у Галиарта (конец лета 395 г.) и изгнанием гармостов из Малой Азии после поражения при Книде (конец лета 394 г.)»³⁷. М. Липка полагает, что и вся «Лакедемонская

³⁶ Но с тем же успехом можно видеть в этих словах намек на создание Второго Афинского морского союза. В таком случае 14-я глава была написана после 378 г. до н. э. Эта точка зрения, кстати, является весьма распространенной в научной литературе (см. ссылку: *Humble N. The Author, Date and Purpose of Chapter 14 of the Lakedaimonion Politeia*. P. 219, n. 14).

³⁷ *Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution*. P. 12. Примерно те же самые аргументы приводит известный английский антиковед Дж. Коуквелл для доказательства того, что как 14-я глава, так и весь трактат не принадлежат Ксенофону. Он согласен с тем, что 14-я глава была написана в 90-е годы IV в., а еще точнее — в 395/4 г. Аргументы у него те же, что и у М. Липки: именно в этот период гармосты жаждали как можно дольше оставаться за границей, а многие греки опасались, что Спарта снова учредит

полития» была написана в этот же период. Более общие соображения, по его мнению, также подтверждают эту дату (например, лингвистическая простота ЛП, нехарактерная для других сочинений Ксенофонта). В конечном итоге греческий ученый приходит к выводу, что «Лакедемонская полития» — самая ранняя работа Ксенофонта.

Хочется отметить, что уверенность М. Липки, будто только в 90-е годы IV в. до н. э. возможна была ситуация, описанная Ксенофонтом в 14-й главе «Лакедемонской политии» (14, 2; 4 и 6), вряд ли может быть полностью поддержана. Судя по нашим источникам, Спарта и после 394 г. до н. э. не раз восстанавливала свою гармост-систему, пока она не была окончательно уничтожена в 371 г. до н. э.³⁸ Так

декархии. Но выводы Дж. Коуквелл делает совершенно противоположные. По его мнению, «совершенно невероятно, чтобы в то самое время, когда Ксенофонт в полном восхищении служил в Азии под началом Агесилая и не имел еще опыта общения со спартамцами в самой Спарте, он бы написал подобную главу». Таким образом, Дж. Коуквелл не оспаривает раннюю датировку всего трактата, но отрицает авторство Ксенофонта, полагая, что в это время Ксенофонт просто не был «в состоянии столь полно описать спартанскую систему» (*Cawkwell G. L. The Decline of Sparta // CQ. N. S. Vol. 33. 1983. № 2. P. 395, n. 38*).

³⁸ Институт гармостов, пережив кризис в начале 90-х годов, когда вместе с уничтожением декархий, по-видимому, были отозваны и многие гармосты, вероятно, в полном объеме был восстановлен Агесилаем в 396—395 гг. (Hell., IV, 2, 5; Dem., XVIII, 96). Но последующие военные неудачи привели к тому, что после 394 г. Спарта фактически утрачивает контроль над малоазийским побережьем, а вскоре и над островами. В 394 г. после победы при Книде Фарнабаз и Конон поплыли вокруг Эгейды, прогоняя спартанских гармостов и давая городам заверения, что

что предложенная М. Липкой слишком точная датировка, конечно, очень соблазнительна, но она может рассматриваться только как гипотеза. Мы согласны с теми, кто считает вероятной датой сочинения «Лакедемонской политии» промежуток времени между 394 и 371 гг. «Тяжело быть более точным»³⁹.

* * *

ЛП была опубликована после смерти Ксенофонта около 350 г. до н. э.

Трактат ясно делится на две части. Первая часть, а именно главы с первой по десятую, посвящены описанию образа жизни спартанцев⁴⁰. Во второй части, в главах

их автономия будет восстановлена в полном объеме (Hell., IV, 8, 1). Таким образом, Спарта после 394 г. фактически потеряла большую часть своей империи, расположенной в Эгеиде (Diod., XIV, 84, 3—4; Paus., VI, 3, 16). В 387 г. по Анталкидову миру Спарта отзывает своих гармостов из Малой Азии, но оставляет их, несмотря на свои обещания, во многих других греческих городах (Polyb., IV, 27, 5). В 383 г. после взятия спартанцами Кадмеи гармосты снова появляются в Фивах (Diod., XV, 20, 2—3), а немного позже — в Платеях и Феспиях (Xen. Hell., V, 4, 15; Isocr., XIV, 13). В 374 г. Спарта в очередной раз пообещала в договоре, заключенном с Афинами, убрать все свои гарнизоны (Diod., XV, 38), но окончательно гармосты вместе с гарнизонами исчезли только после битвы при Левктрах (Xen. Hell., VI, 3, 18; Paus., VIII, 52, 4; IX, 6, 4).

³⁹ Humble N. The Author, Date and Purpose of Chapter 14 of the Lakedaimonion Politeia. P. 220.

⁴⁰ Некоторые исследователи полагают, что Ксенофонт уделил такое большое внимание воспитанию детей в Спарте исключительно потому, что его покровитель и друг царь Агесилай сам прошел

с одиннадцатой по тринадцатую и в пятнадцатой, рассматриваются два сюжета — военное дело и царская власть. Почти каждая глава ЛП построена на противопоставлении Спарты остальному греческому миру. Диссонирует со всем трактатом четырнадцатая глава, которая посвящена критике современной Ксенофону Спарты. Что касается стилистических особенностей «Лакедемонской политики», то они в общем и целом соответствуют стилю других его произведений⁴¹.

В Оксфордском издании⁴² в так называемой Лебовской серии выделены четыре наиболее ценные рукописи ЛП:

A = Vatican Gr. 1335 (XI в.)

B = Vatican Gr. 1950 (XIV в.)

C = Modena Gr. 145 (XV в.)

M = Venice, Marc. Gr. Z. (XIII/XIV вв.)

Самой важной считается наиболее ранняя рукопись — A⁴³.

все ступени спартанского общественного воспитания (*Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. P. 24; 104; Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 30; 34*). Согласно Плутарху, наследники трона освобождались от этой принудительной обязанности (*Ages., I. 2–5*). Но Агесилая это правило, по-видимому, не коснулось, поскольку он изначально не считался наследником и стал царем не столько благодаря удачному для него стечению обстоятельств, сколько благодаря ловко организованной им совместно с Лисандром кампании по диффамации законного наследника.

⁴¹ Ссылки на литературу см.: *Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 46*.

⁴² *Xenophontis opera omnia. Ed. E. C. Marchant. Oxford: Clarendon Press, 1920 (repr. 1969). Vol. 5.*

⁴³ Подробнее об этом см.: *Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution. P. 56*.

Полный перевод «Лакедемонской политии» см. в изданиях:

1) Ксенофонт. Сочинения в пяти выпусках. 2-е изд. Вып. V: Мелкие статьи / Пер. Г. А. Янчевецкого. Ревель, 1895. С. 45–64. Этот перевод основательно устарел, в том числе и из-за неудовлетворительной интерпретации некоторых мест.

2) Курилов М. Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005. С. 68–83.

Отдельные главы, параграфы и фрагменты «Лакедемонской политии» помещены в следующих базовых пособиях:

1) Древний мир в памятниках его письменности / Сост. Д. А. Жаринов. Ч. 2: Греция. 3-е изд. М., 1921. С. 89–112 (главы 1–4, 5–7, 8–10, 13–15).

2) Ксенофонт. Лакедемонская полития / Пер. М. Н. Ботвинника (неполный) // Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. М., 1964. С. 123–126, 129–133, 135–136 (главы 2–4, 5, 13–15).

Наиболее подробно и основательно биография Ксенофонта изложена в статьях:

1) Грабарь-Пассек М. Е. Ксенофонт // История греческой литературы. Т. II. М., 1955. С. 101–126;

2) Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Ученые записки ЛГУ. № 251. Сер. ист. наук. Вып. 28. Л., 1958. С. 41–74;

3) Соболевский С. И. Ксенофонт, его жизнь и сочинения // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С. 265–281.

Специальный разбор «Лакедемонской политики» можно найти в работах:

1) *Рославский-Петровский А. П.* Очерк быта и правления Древней Спарты. Сочинение Ксенофонта Λακεδαιμονίων Πολιτεία, разобранное и представленное в связи с другими источниками. Харьков, 1838;

2) *Bazin H.* Le République des Lacédémoniens de Xénophon. Paris, 1885;

3) *Breitenbach H. R.* Xenophon // RE. 2 Reihe. Bd. IX. Hbbd. 18. 1967. Sp. 1746–1753;

4) *Lipka M.* Xenophon's Spartan Constitution: Introduction. Text. Commentary. Berlin, 2002⁴⁴.

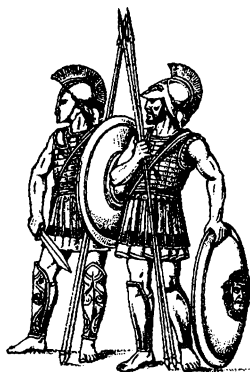
Нами учтены все имеющиеся на русском языке переводы или фрагменты переводов ЛП, а также общепринятые конъектуры, которые даны в скобках < >. В квадратные скобки [] внесены необходимые для лучшего понимания текста пояснения или дополнения, не имеющиеся в оригинале. При переводе мы старались как можно ближе следовать тексту Ксенофонта.

Л. Г. Печатнова

⁴⁴ У М. Липки см. также подробный список комментированных изданий «Лакедемонской политики» (Р. 59–61).

Ксенофонт

ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ

Глава I

1. Но задумавшись как-то раз над тем, что Спарта, будучи одним из самых малонаселенных государств, оказалась самым могущественным и самым славным государством в Элладе, я удивился: каким все-таки образом это произошло? Однако, после того как я вдумался в образ жизни спартиатов, я уже более не удивлялся.

2. Ликургу только, давшему им законы, повинуюсь которым они достигли процветания, — ему я и удивляюсь, и считаю его в высшей степени мудрым человеком. Ведь он, отнюдь не подражая другим государствам, но, наоборот, придерживаясь мнения, противоположного мнению большей части других государств, добился исключительного процветания для своего отечества.

3. Начну по порядку — хотя бы с деторождения. Девушкам, которым в будущем предстоит стать матерями и которые, как считают, получают хорошее воспитание, остальные греки дают есть по возможности самое умеренное количество хлеба и как можно меньше изысканных продуктов, а что касается вина, то требуют или полного от него воздержания, или употребления его в разбавленном виде. Точно так же как многие из ремесленников ведут сидячий образ жизни, так и прочие эллины требуют, чтобы их дочери спокойно пряли шерсть. Разве можно ожидать, что женщины, воспитываемые таким образом, родят отличное потомство?

4. А Ликург посчитал, что одежду способны изготавливать и рабыни, а для свободных женщин он признал самым важным делом рождение детей и потому прежде всего установил, что женщины должны не менее мужчин заниматься физическими упражнениями; затем он установил состязания в беге и силе как для мужчин, так и для женщин, считая, что от обоих сильных супругов и потомство рождается более крепкое.

5. Когда же жена отправлялась к своему мужу, то Ликург, зная обычную на первых порах неумеренность супругов, и в этом случае поступил не так, как другие; ибо он постановил, что стыдно супругу быть замеченным как входящим, так и выходящим [из комнаты его жены]. При таком ограничении общения взаимное желание неизбежно должно усиливаться, и дети таких родителей рождаются более сильными, чем дети, рождаемые при взаимном пресыщении.

6. Кроме того, он вывел из обычая жениться, когда кому захочется, и установил, чтобы браки совершались в расцвете жизненных сил, полагая, что и это помогает плодovitости.

7. Если же, однако, случалось старику иметь молодую жену, Ликург, видя, что люди такого возраста особенно тщательно следят за своими женами, и в этом случае поступил вопреки общепринятой норме, ибо он устроил так, что старый муж приглашал в дом для деторождения такого человека, чьими физическими и моральными качествами восхищался.

8. С другой стороны, если кто-либо не хотел жить со своей собственной женой, но желал иметь детей, которыми мог бы гордиться, он и здесь постановил, что

этот человек может с согласия мужа иметь от его жены детей, если сочтет ее плодovитой и благородной.

9. И многое встречалось в том же роде. Ибо как женщины [в Спарте] хотят владеть двумя домашними хозяйствами, так и мужчины хотят присоединять к своим сыновьям братьев, которые, становясь членами рода, пользовались бы влиянием семьи, но не претендовали бы на имущество.

10. Таким образом, в отношении деторождения он счел нужным поступить иначе, чем это было принято у других; пусть же всякий желающий исследует, добился ли он того, чтобы люди в Спарте превосходили других и ростом и силой.

Глава II

1. Сказав о рождении детей, я хочу разъяснить и воспитательную систему тех и других [Спарты и других государств]. Все остальные эллины утверждают, что они лучше всего воспитывают сыновей, приставляя к ним слуг в качестве педагогов, как только дети начинают понимать речь. Затем они посылают мальчиков в школы, чтобы те изучали там письмо, мусические искусства и гимнастические упражнения в палестре. Кроме того, они изнеживают их ноги обувью, а тела — переменами одежды. Мерой питания детей они считают вместимость их желудков.

2. Вместо того чтобы приставлять к каждому мальчику рабов-педагогов, Ликург установил, чтобы мальчиками распоряжался человек из числа тех, кого назначают на должность высшие власти. Он называется

педономом. Ему Ликург дал власть и собирать детей и, надзирая за ними, строго наказывать тех, кто окажется нерадивым. Ликург дал ему биченосцев из числа юношей, чтобы они, когда потребуется, наказывали детей. Поэтому в Спарте дети очень стыдливы и отличаются большим послушанием.

3. Вместо того чтобы изнеживать ноги детей обувью, Ликург потребовал укреплять их хождением босиком. Он считал, что, отказавшись от обуви, они гораздо легче будут подниматься в гору и более безопасно спускаться вниз. Привыкшие ходить босыми, они легче, чем обутые, будут прыгать, подскакивать и быстрее бегать.

4. Вместо того чтобы расслаблять тело одеждой, Ликург постановил, чтобы они в течение всего года носили один и тот же гиматий. Он полагал, что так юноши лучше будут подготовлены и к жаре, и к холоду.

5. А что касается пищи, он рекомендовал ирену вносить вскладчину (συμβολεύειν)¹ такое количество ее, чтобы его воспитанники никогда не наедались до пресыщения. Он хотел, чтобы пища не отягощала их и чтобы они привыкли жить в нужде. Ликург считал, что воспитанные таким образом юноши, если возникнет необходимость, легче смогут переносить трудности. Более того, если будет приказано, они смогут растянуть запас хлеба на больший промежуток времени и меньше будут нуждаться в приправах; они приспособятся ко

¹ В лучших рукописях — συμβολεύειν. Сегодня большинством издателей принято предложенное в 1596 г. Ф. Портом исправление συμβολεύειν. Συμβολεύειν, конечно, һарах legomenon, но приемлемый и дающий удовлетворительный смысл.

всякой пище, и образ жизни их будет более здоровым. Ликург предпочитал, чтобы пища способствовала росту юношей и делала их тела более гибкими, полагая, что это будет лучше, чем если они будут толстеть от питания.

6. Он не хотел заставлять юношей чрезмерно страдать от голода, но не давал им возможности получать без труда то, в чем они нуждались; поэтому он разрешил им воровать, чтобы они не страдали от голода.

7. Я думаю, никто не сомневается в том, что Ликург разрешил воровать пищу не по причине недостатка продовольствия; ведь ясно, что готовящемуся к краже приходится ночью бодрствовать, а днем обманывать и подстерегать. Тот, кто намеревается что-либо украсть, должен также позаботиться о том, чтобы поставить дозорных. Отсюда ясно, что, воспитывая мальчиков таким образом, Ликург стремился сделать их более ловкими и более воинственными.

8. Могут спросить, почему, если Ликург считал воровство хорошим делом, он назначал попавшемуся жестокую порку. Я считаю, что он это делал потому, что при любом обучении люди наказывают того, кто плохо выполняет задание. Так и спартанцы наказывают уличенных в воровстве за то, что они плохо воруют.

9. Установив, что почетно похитить как можно больше сыра у Орфии², Ликург предписал их товарищам бить ворующих. Он хотел этим показать, что ценой недолгого страдания можно наслаждаться славой длительное время. Это также показывало, что в тех случаях, когда

² Т. е. с алтаря Артемиды Орфии.

требуется быстрота, нерасторопный принесет меньше всего пользы и получит больше всего неприятностей.

10. Чтобы в отсутствие педонома мальчики никогда не оставались без начальника, Ликург установил, что любой присутствующий гражданин также имеет право приказывать мальчикам все, что найдет нужным, и наказывать их, если они в чем-нибудь провинятся. Сделав это, он добился того, что мальчики стали более скромными, ибо и мальчики и взрослые никого так не почитают, как своих начальников.

11. Если случится, что возле мальчиков не окажется взрослых, Ликург постановил, чтобы и тут они не оставались без надзора. Он приказал, чтобы в каждой иле командовал самый дельный из иренов. Таким образом, в Спарте дети никогда не бывают предоставлены самим себе.

12. Считаю нужным сказать и о любви к мальчикам, так как и это относится к воспитанию. У других эллинов, как, например, у беотийцев, взрослый и мальчик живут в самой тесной связи как супруги; элейцы же пользуются благосклонностью тех, кто вступил в цветущий возраст, с помощью всякого рода благодетелей. А есть и такие, которые полностью запретили поклонникам вступать в сношения с мальчиками.

13. Ликург и здесь поступил иначе: если кто-либо, будучи сам человеком достойным, восхищался душой мальчика и пытался сделать из него безукоризненного друга и товарища, то он одобрял это и считал такое воспитание прекраснейшим. Если же окажется, что вожделеют тело мальчика, то Ликург, сочтя это позорнейшим явлением, устроил так, что в Лакедемоне

влюбленные в мальчиков воздерживались от них точно так же, как родители воздерживаются от сексуальных связей с детьми или братья и сестры — от любовных отношений друг с другом.

14. Я не удивляюсь, что некоторые не верят этому, ведь во многих государствах законы не противодействуют влечению к мальчикам.

15. Итак, было рассмотрено как лаконское воспитание, так и воспитание прочих эллинов. А какое из них создает мужей и более послушных, и более скромных, и лучше всего владеющих собой, пусть каждый желающий решит это для себя.

Глава III

1. Когда мальчики становятся отроками, все эллины освобождают их из-под надзора рабов-педагогов и учителей. Никто уже не распоряжается ими, и они становятся самостоятельными. Ликург и в данном случае ввел совершенно иные установления.

2. Он заметил, что подросткам, более чем другим возрастам, свойственно самомнение и что наглость легко прививается им; стремление к удовольствиям также присуще им в высшей степени. Поэтому Ликург возложил на юношей больше всего работ и обременил их многочисленными занятиями.

3. А решив, что тот, кто будет уклоняться от этих трудов, не будет допущен к занятию высоких постов, Ликург обязал присматривать за ними не только представителей государственной власти, но и частных лиц, имеющих попечение о каждом из них, чтобы из-за

пренебрежения своими обязанностями они не стали презренными в государстве людьми.

4. Кроме того, желая приучить молодежь к скромности, Ликург предписал, чтобы юноши на улице держали руки под гиматием и ходили молча, не оглядываясь, глядя себе под ноги. Тогда-то и стало ясно, что и в отношении скромности мужской пол намного превосходит женский.

5. Скорее можно заставить заговорить каменные изваяния, чем спартанских юношей, и легче привлечь взор бронзовых статуй. Можно подумать, что они даже скромнее девушек, пребывающих в своих опочивальнях. Подростки, приходя в филитии, должны были отвечать только тогда, когда их спрашивали. Такую заботу проявил Ликург о подростках.

Глава IV

1. Что касается юношества, то на него законодатель обратил особенное внимание, считая, что для государственного благополучия имеет очень большое значение, если молодые люди будут воспитаны надлежащим образом.

2. Ликург исходил из тех соображений, что хоры наиболее приятны для слушателей, а гимнастические соревнования интересны для зрителей у тех народов, для которых особенно характерна любовь к соревнованию. Поэтому он считал, что если возбуждать соревнование между юношами ради доблести, то они и достигнут высшей степени мужества. Я расскажу, как он добился этого.

3. Эфоры выбирают из людей, достигших зрелости, трех человек, которые называются гиппагретами. Каждый из них набирает в свой отряд по 100 человек, разъясняя всем, по каким причинам он предпочитает одних и отвергает других.

4. Те, кто не попали в число избранных, враждуют с теми, кто их отверг, и с теми, кого выбрали вместо них. Они следят друг за другом, не совершит ли кто необдуманно поступка, противоречащего кодексу чести.

5. Так возникает это соперничество, в высшей степени угодное богам и возбуждающее гражданские чувства в людях: каждому становится ясно, что следует делать благородному человеку. Обе группы соперников стараются показать свое превосходство друг над другом, чтобы в случае надобности всеми силами помочь государству.

6. Им необходимо заботиться и о поддержании своего здоровья в хорошем состоянии, ибо из-за соперничества, где бы они ни встретились, они вступают в кулачный бой. Однако каждый прохожий имеет право разнять дерущихся. Если кто отказывается повиноваться разнимающему их, того педоном ведет к эфорам. Они сурово наказывают виновного, стремясь добиться того, чтобы гнев никогда не брал верх над уважением к законам.

7. Все остальные греки освобождают от забот о своем физическом развитии тех, кто уже вышел из юношеского возраста и получил право занимать в государстве высшие должности; вместе с тем их заставляют принимать участие в походах. А Ликург установил для людей этого возраста прекраснейший обычай — заниматься охотой,

если какое-либо государственное дело не препятствует им в этом. Он сделал это для того, чтобы и зрелые люди могли ничуть не хуже юношей переносить тяготы военной жизни.

Глава V

1. Таковы занятия, установленные Ликургом для каждого возраста. А теперь я постараюсь рассказать и о том образе жизни, который он учредил для всех граждан.

2. Застав у спартиатов порядок, при котором они, подобно другим грекам, обедали каждый в своем доме, и увидев в этом обстоятельстве причину весьма многих легкомысленных поступков, Ликург сделал публичными их совместные обеды, считая, что таким образом меньше всего будут нарушаться его предписания.

3. Пищу он предписал им употреблять в таком количестве, чтобы чрезмерно не пресыщаться, но и не испытывать в ней недостатка. Впрочем, много добавляется к их рациону благодаря дичи, полученной на охоте, а богатые люди приносят иногда и пшеничный хлеб, так что стол их, пока они вместе питаются в своих палатках, никогда не бывает ни слишком скромным, ни чрезмерно дорогостоящим.

4. А что касается питья, то Ликург, положив конец излишним попойкам, ослабляющим и физически и душевно, позволил каждому пить лишь для удовлетворения жажды, полагая, что питье при таких условиях будет и наиболее безвредным, и наиболее приятным. А при общих обедах разве кто-нибудь рискнул бы

погубить и себя и свой дом, предаваясь чревоугодию или пьянству?

5. Ведь, в самом деле, в других государствах сверстники по большей части общаются исключительно между собой, вследствие чего и меньше всего стесняются друг друга; Ликург же в Спарте смешал <...> [возрасты так, что] молодежь воспитывается под сильным влиянием опыта старшего поколения.

6. И действительно, на общественных обедах рассказывают в основном о подвигах, совершенных во имя государства, так что там остается очень мало места для наглости, пьяного разгула, разврата и сквернословия.

7. Кроме того, обеды вне дома несут с собой следующие положительные стороны: ведь они [молодые люди] вынуждены возвращаться домой пешком и конечно должны заботиться о том, чтобы не шататься под действием вина, зная, что они не могут остаться там, где обедали и что им следует действовать в темноте так же, как днем, ибо не позволяется ходить с факелом тому, кто еще является военнообязанным.

8. Ликург, заметив также, что занимающиеся физическими упражнениями благодаря питанию становятся цветущими, здоровыми и сильными, а бездельники — одутловатыми, уродливыми и слабосильными, не оставил без внимания и это. Но имея в виду, что и в том случае человек выглядит физически крепким, когда он сам усиленно трудится по своему собственному усмотрению, Ликург постановил, что, кто бы из старших ни находился в каждой гимнасии, он должен следить, чтобы никто и никогда не становился чревоугодником.

9. И я думаю, он не ошибся и в данном случае. Ведь нелегко, пожалуй, найти людей более здоровых и физически сильных, чем спартиаты, ибо равным образом они упражняют и ноги, и руки, и шею.

Глава VI

1. Более того, его решения сильно отличались от большинства в отношении следующих вопросов. Ведь в остальных государствах каждый распоряжается сам своими детьми, рабами и имуществом, а Ликург, желая устроить так, чтобы граждане ни в чем не вредили бы друг другу, а, наоборот, извлекали бы пользу, предоставил каждому одинаково распоряжаться как своими детьми, так и чужими.

2. Ведь если всякий будет знать, что эти вот люди являются отцами тех детей, которыми он сам распоряжается, то неизбежно он будет руководить ими так же, как он хотел бы, чтобы руководили его собственными детьми. А если же какой-либо мальчик, получив удары от человека постороннего, пожалуется отцу, то считается постыдным, если отец не побьет сына еще раз. До такой степени они уверены, что никто из них не прикажет мальчикам ничего позорного.

3. Он также разрешил пользоваться чужими рабами всякому, кому это понадобится. Он придумал и общность охотничьих собак, так что не имеющие [своих собак] просят для охоты [чужих], а тот, кто сам не обладает досугом, охотно отпускает их. Точно так же они пользуются и лошадьми; ибо любой заболевший, или нуждающийся в конной повозке, или пожелавший

куда-либо быстро поехать, если где увидит коня, берет его и после использования возвращает назад в хорошем состоянии.

4. Он ввел и обычай, безусловно, не встречающийся у других греков. Он постановил, что если кто-либо, задержавшись на охоте и испытывая нужду в съестных припасах, не запасся заранее продовольствием, то чтобы те, кто имеют запасы, оставляли бы приготовленное ими, а нуждающиеся в пище, вскрыв печати и взяв столько, сколько им необходимо, после запечатывания кладовой оставляли бы все в сохранности.

5. При таком взаимном обмене услугами, у них даже те, кто обладают незначительной собственностью, в случае нужды в чем-либо имеют долю во всем том, что производит страна.

Глава VII

1. Также и следующие установления Ликурга прямо противоположны установлениям прочих элинов. Ведь в других государствах все, конечно, обогащаются как только могут: один занимается земледелием, второй становится судовладельцем, третий занимается торговлей, некоторые же кормятся ремеслом.

2. В Спарте же Ликург запретил свободным людям касаться чего-либо, имеющего отношение к погоне за наживой; он повелел, чтобы они считали своим делом только то, что доставляет государствам свободу.

3. И действительно, разве богатство может быть предметом серьезных устремлений там, где он, установив равные взносы на обеды и одинаковый для всех

образ жизни, сделал так, что никто больше не стремился к деньгам ради роскошной жизни? Но и ради одежды нет смысла обогащаться, ибо не пышность платья, а крепость тела служит украшением.

4. Не стоит копить деньги и ради того, чтобы тратить их на товарищей, ибо более почетно помогать им личным трудом, а не деньгами; первое Ликург считал делом души, а второе — лишь делом богатства.

5. И нечестно наживать богатство он также запретил вот каким образом: прежде всего он ввел такую монету, что появление в доме даже 10 мин никогда не осталось бы скрытым ни от хозяев, ни от рабов, поскольку для этих 10 мин потребовалось бы много места и целая телега для перевозки.

6. Более того, тщательно разыскиваются также золотые и серебряные монеты, и если где они обнаружатся, владелец наказывается. Так зачем же стремиться к обогащению там, где обладание доставляет больше огорчений, чем использование — радости?

Глава VIII

1. Все мы, конечно, знаем, что в Спарте более всего повинуются властям и законам. Я, однако, полагаю, что Ликург до тех пор не приступал к установлению такого порядка, пока не сделал своими единомышленниками самых влиятельных людей в государстве.

2. Я сужу об этом вот на каком основании: в других государствах люди более могущественные не желают, чтобы о них даже думали, будто они боятся властей, но считают это недостойным свободного человека;

в Спарте же самые влиятельные люди и угождают более всего властям, и гордятся своим смирением и тем, что когда их зовут, они исполняют приказание бегом, а не шагом; ибо они полагают, что, если сами станут строго повиноваться властям, то и другие последуют их примеру; так именно и произошло.

3. Вероятно, что те же самые люди совместно наделили силою и эфорат, так как они понимали, что повиновение является величайшим благом и в государственных, и в военных, и в хозяйственных делах, а ведь чем большей силою располагает власть, тем более считают ее способной внушить гражданам страх и таким образом заставить их повиноваться.

4. Действительно, эфоры вправе наказывать всякого, кого захотят, властны они и сразу же взыскивать наложенный штраф; они также вправе отстранить от должности магистратов до окончания их срока, подвергнуть их тюремному заключению и привлечь к суду по обвинению, грозящему смертной казнью. Располагая столь большой силой, они, в отличие от практики, существующей в других государствах, не позволяют выбранным магистратам править непрерывно в течение года по своему усмотрению, но, подобно тиранам и руководителям гимнастических состязаний, как только заметят, что кто-либо в чем-нибудь поступает противозаконно, тотчас же и безотлагательно наказывают.

5. Ликургу принадлежит и много других прекрасных средств, направленных на то, чтобы внушить гражданам желание повиноваться законам. К числу самых прекрасных относится, по моему мнению, и то, что он объявил народу свои законы лишь после того, как

вместе с самыми знатными людьми побывал в Дельфах и спросил бога, желательнее ли и лучше ли будет для Спарты повиноваться тем законам, которые он установил. А когда бог возвестил, что во всех отношениях будет лучше, тогда только он их опубликовал, объявив при этом, что неповиновение законам, возведенным Пифийским богом, является делом не только незаконным, но и кощунственным.

Глава IX

1. Следующее достижение Ликурга также достойно восхищения: он добился, чтобы в государстве прекрасная смерть стала предпочтительнее позорной жизни. И действительно, при внимательном рассмотрении найдут, что меньше умирает тех, [кто предпочитает почетную смерть], <чем> тех, кто из-за страха предпочитает отступить.

2. Говоря по правде, спастись от преждевременной смерти скорее можно с помощью мужества, чем с помощью трусости; и действительно, мужество и легче, и приятнее, и достижимее, и надежнее. Ясно также, что и слава следует прежде всего за мужеством, ибо все хотят быть в союзе именно с храбрыми.

3. Нельзя пропустить и те способы, с помощью которых он сумел достичь такого результата. Он явно уготовил счастливую участь храбрым и злую участь трусам.

4. Ибо в прочих государствах, когда кто окажется трусом, то приобретает лишь репутацию труса, но по-прежнему трус показывается на площади рядом с доблестным гражданином, сидит с ним рядом и посещает

тот же самый гимнасий, если пожелает. В Лакедемоне же всякий постыдился бы принять труса в сотрапезники или в сотоварищи по гимнастическим состязаниям.

5. Часто такой человек остается без места, когда разделяются на команды те, кто собирается играть друг с другом в мяч; во время праздничных хоров его загоняют на самые позорные места; и на улицах ему следует уступать дорогу и вставать со своих мест даже перед младшими; своих незамужних дочерей ему приходится содержать дома, и он должен нести вину перед ними за то, что их не берут замуж; ему приходится мириться с тем, что очаг остается без жены и еще за это платить штраф; ему не следует прогуливаться с безмятежным видом или подражать людям безупречным, иначе его могут побить лучшие граждане.

6. И поскольку такое бесчестие налагается на трусов, я нисколько не удивляюсь, что там предпочитают смерть столь позорной и постыдной жизни.

Глава X

1. Прекрасный, по моему мнению, закон установил Ликург и о том, как до самой старости упражняться в добродетели: ибо, отнеся избрание в герусию на конец жизни, он сделал так, чтобы и в старости не пренебрегали бы высокими нравственными нормами.

2. Достойно удивления и то, как он помог добродетельным людям, достигшим старости. Ибо предоставив геронтам полномочия в процессах, касающихся жизни и смерти, он добился того, что старость оказалась в большем почете, чем полный силы цветущий возраст.

3. И конечно, вполне естественно, что такая вот борьба [за герусию] является для людей предметом величайшего старания. Правда, прекрасны и гимнастические состязания, но они подвергают испытанию только телесные силы. А борьба за должность геронта позволяет судить о нравственных достоинствах. Ведь насколько душа превосходит тело, настолько и состязания, требующие душевных качеств, более заслуживают усердия, чем те, что требуют телесных.

4. А разве не достойно великого восхищения и следующее установление Ликурга? Когда он понял, что граждане, желающие [только] в частном порядке проявлять заботу о добродетели, не способны увеличить мощь и славу своих отчизн, он в Спарте заставил всех упражняться во всяческих добродетелях публично по решению государства. Ведь как частные граждане, упражняясь в добродетели, превосходят тех, кто этим пренебрегает, так и Спарта, естественно, превосходит своей добродетелью все государства, поскольку только она заботится о нравственном совершенстве своих граждан в государственном порядке.

5. Разве не прекрасно и то, что если в других государствах наказывают только за преступления, совершенные одним гражданином против другого, то в Спарте не меньшее наказание накладывается на того, кто открыто пренебрегает тем, чтобы быть как можно лучше?

6. Ибо он верил, по-видимому, что порабощение, мошенничество или воровство являются преступлениями, которые наносят вред только их жертвам, а трусы и малодушные предают целые города. Так что заслуженно,

как мне кажется, он наложил на них весьма тяжелые наказания.

7. Ликург ввел и абсолютно безусловную необходимость упражняться во всяческих гражданских добродетелях. Ибо для всех в равной степени исполняющих законы он сделал государство родным домом, и он нисколько не обращал внимания ни на телесную слабость, ни на недостаток средств. Но если кто-нибудь будет малодушно не выполнять законов, того он провозгласил не считать более принадлежащим к числу «равных».

8. А в том, что эти законы очень древние, не может быть никакого сомнения, ведь Ликург, говорят, жил во времена Гераклидов; но, будучи столь древними, эти законы и теперь еще весьма удивительны для других. И самое удивительное то, что все хвалят подобные обычаи, подражать же им не желает ни одно государство.

Глава XI

1. И эти достоинства распространяются как на мирное, так и на военное время. А если есть желание узнать, что он и в военном деле придумал лучше, чем у других, то можно послушать и об этом.

2. Итак, прежде всего эфоры заранее объявляют, какие возрасты призываются на военную службу в качестве всадников, гоплитов, а также и ремесленников, так что и в походе лакедемоняне прекрасно обеспечены всем тем, чем люди пользуются в гражданской жизни. А все те инструменты, которые могут понадобиться войску в целом, согласно приказу доставляются одни — на телегах, другие — на вьючных животных. Таким

образом, нехватка чего-либо, скорее всего, не будет упущена.

3. А для вооруженной борьбы он придумал вот какие вещи: пурпурную одежду, считая, что она меньше всего похожа на женскую и выглядит очень воинственно, и медный щит, ибо он очень быстро чистится и медленно пачкается. Тем, кто вышел из юношеского возраста, он разрешил носить длинные волосы, полагая, что так они будут казаться и выше, и благороднее, и грознее.

4. Устроив всё таким образом, он разделил всадников и гоплитов на 6 мор. Каждая мора, состоящая из гоплитов, имеет одного полемарха, четырех лохагов, восемь пентеконтеров, шестнадцать эномотархов. Из этих мор по слову команды формируются подразделения то по три, а то и по шесть эномотий в ряд.

5. А если большинство считает, будто лаконское построение очень сложное, — это абсолютно не так. Ибо в лаконском строю воины первого ряда руководят, и каждая колонна имеет все, что нужно для ее сохранения.

6. Это построение настолько легко понять, что любой, кто только разбирается в людях, не ошибется в его отношении, ибо одним предоставлено командовать, а другим приказано подчиняться. Так, приказы о фланговых передвижениях отдаются эномотархами наподобие глашатаев <...>. Фаланга при этом становится то небольшой глубины, то вытянутой в глубину. В этом нет абсолютно ничего тяжелого для понимания.

7. И даже если ряды расстроены, они все равно будут сражаться с появившимся неожиданно врагом. Такое военное устройство уже трудно понять тем, кто не был воспитан по законам Ликурга.

8. Очень легко лакедемоняне делают и то, что инструкторам по тактике кажется весьма затруднительным. Ибо всякий раз, когда они идут походной колонной, одна эномотия, конечно, следует за другой. А если в такой момент с противоположной стороны покажется вражеская фаланга, эномотарху предписывается развернуть своих в одну линию слева и стоять так до тех пор, пока против них будет стоять фаланга неприятелей. Если же враги, когда они находятся в таком вот положении, покажутся сзади, каждый ряд разворачивается так, чтобы лучшие воины всегда оказывались лицом к лицу с врагами.

9. А то, что военачальник оказывается на левом крыле, в этом, как они полагают, не только нет никакого ущерба, но иногда даже заключается преимущество. Ибо если враги захотят окружить их, то окажутся не на открытой, а на защищенной стороне. А если же по какой-либо причине покажется, что военачальнику выгоднее занимать правое крыло, то они, повернув войско во фланг, развертывают фалангу до тех пор, пока военачальник не окажется на правом фланге, а аррьергард — на левом.

10. Если же, когда они идут походной колонной, войско врагов показывается с правой стороны, то они предпринимают только одно: поворачивают каждый лох словно триеру, обращенную носовой частью к противнику, и таким образом лох, стоявший в аррьергарде, оказывается на правом крыле. А если же враги подходят с левого фланга, то они и этого не допускают, но сами наступают на них или поворачивают соответствующие лохи; и таким образом опять же лох, находящийся в тылу, оказывается на левом фланге.

Глава XII

1. Я расскажу и о том, как, по мнению Ликурга, нужно было устанавливать лагерь. Ибо из-за того, что углы четырехугольника бесполезны, он установил круглую форму лагеря, если сзади не имелось защищающей от опасности горы, или стены, или реки.

2. Дневные караулы он устроил так, чтобы они наблюдали за тем, что происходит внутри лагеря, ибо они устанавливаются не ради врагов, а ради друзей; а за неприятелями поставлены следить всадники из таких мест, откуда они лучше всего могут увидеть, не приближается ли кто к лагерю.

3. Он постановил, чтобы в ночное время в случае ухода фаланги из лагеря лагерь охранялся скиритами; а теперь уже и наемниками <...>, если кто-либо из них есть налицо.

4. А что касается того, что они всегда ходят с копьями, то следует хорошо понимать, что это происходит по той же самой причине, по какой и рабов они не допускают к оружию; не следует также удивляться и тому, что воины, уходящие по естественной надобности, не отходят ни друг от друга, ни от оружия далее, чем это могло бы стать причиной несчастья для них; ведь и это они делают ради безопасности.

5. К тому же они часто перемещают лагерь — и для того чтобы нанести вред врагам, и для того чтобы помочь друзьям. Законом также предписывается всем лакедемонянам во время похода заниматься гимнастическими упражнениями, так что они больше блистают красотой и кажутся благороднее других. Дóлжно, чтобы и прогулка

и бег совершались только в пределах занимаемого морой участка, с тем чтобы никто не удалялся от своего оружия.

6. После упражнений первый полемарх отдает через глашатая приказ садиться, что является своего рода смотром; затем он приказывает завтракать, а после завтрака быстро удалиться дозорным. После этого следует время для бесед и отдыха вплоть до вечерних тренировок.

7. После этого через глашатая объявляется ужин, и как только они пропоют пеан в честь тех богов, жертвоприношения которым оказались успешными, они ложатся отдыхать, положив рядом с собой оружие. Не нужно удивляться, что я много пишу об этом. Ведь у лакедемонян, пожалуй, найдется меньше всего упущений в военном деле, которые требовали бы заботы.

Глава XIII

1. Теперь я хочу изложить, какую власть и какие почетные права Ликург дал царю над войском. Во-первых, во время похода государство снабжает царя и его свиту продовольствием. С ним питаются полемархи, чтобы, находясь всегда при нем, скорее подавать в случае необходимости советы. Вместе с царем также питаются три человека из числа «равных»; их задача — заботиться обо всем необходимом для царя и его свиты, чтобы ничто не препятствовало им всецело посвятить себя военным делам.

2. Я хочу вынести на рассмотрение то, каким образом царь выступает с войском в поход. Прежде всего, находясь еще дома, он приносит жертву Зевсу-Агетору

и божествам, его спутникам. Если жертвы благоприятны, «носитель огня» берет огонь с алтаря и несет его впереди всех до границы государства. Здесь царь вновь приносит жертвы Зевсу и Афине.

3. Только в том случае, если оба божества благоприствуют начинанию, царь переходит границы страны. Огонь, взятый от жертвенного костра, несут все время впереди, не давая ему угаснуть; за ним ведут жертвенных животных различных видов. Каждый раз царь начинает приносить жертвы в предрассветных сумерках, стремясь заранее снискать благосклонность божества.

4. При жертвоприношениях присутствуют полемархи, лохаги, пентекостеры, командиры наемников, начальники обоза, а также всякий желающий из военачальников союзных городов.

5. Также присутствуют два эфора, которые ни во что не вмешиваются, пока их не призовет царь. Наблюдая за действиями каждого, они всех вразумляют, как следует себя вести. По окончании жертвоприношения царь, призвав всех, отдает приказания. Так что, глядя на это, можно подумать, что все прочие — профаны в военном деле, и только одни лакедемоняне — истинные знатоки.

6. Когда войско находится на марше и врага еще не видно, никто не идет впереди царя, за исключением скиритов и конных разведчиков. Если предстоит битва, царь берет агему первой моры и ведет ее, повернув вправо, пока не окажется с нею между двумя морами и двумя полемархами.

7. А тех, кому надлежит стоять за ними, выстраивает самый старший из царских советников. Есть тут «равные», которые питаются вместе с царем, а также

и прорицатели, и врачи, и флейтисты, <и> войсковые командиры, и добровольцы, если таковые имеются. Таким образом, ничто не мешает действиям людей, так как все предусмотрено заранее.

8. Удачными мне кажутся и те приемы, которые придумал Ликург для сражения. Закон предписывает, чтобы, когда перед лицом неприятеля приносят в жертву молодую козу, все флейтисты играли, а каждый спартанец надел венок и всё оружие блестело.

9. Молодому человеку также следует идти в бой, умастив себе волосы, чтобы выглядеть бодрым и стремящимся к славе. А приказания передают эномотарху, ибо они не могут быть услышаны через всю эномотию каждым эномотархом, который стоит снаружи. Полемарх должен заботиться, чтобы все шло хорошо.

10. Когда наступает время располагаться на ночлег, царь выбирает и указывает место для лагеря. Однако право отправлять посольства к друзьям или врагам не принадлежит царю. И всякий раз, когда хотят чего-либо добиться, все начинают с обращения к царю.

11. Так, если кто-нибудь приходит искать правосудия, царь отправляет его к элланодикам, если добывается денег — к казначею, если приносит добычу — к лафирополам. Таким образом, в походе царь не имеет других обязанностей, кроме обязанностей жреца и военачальника.

Глава XIV

1. Если бы кто-нибудь меня спросил, считаю ли я, что законы Ликурга еще и теперь продолжают оставаться

в своем неизменном виде, то, право, я не смог бы со всей смелостью ответить на этот вопрос утвердительно.

2. Мне известно, что прежде спартанцы предпочитали скорее жить в своем отечестве, имея скромный достаток и общаясь друг с другом, чем быть гармостами в городах и, будучи окруженными лестью, подвергаться ее губительному влиянию.

3. Я знаю также, что раньше, если у кого было золото, они боялись показать это. Теперь же некоторые даже гордятся тем, что им владеют.

4. Знаю я, что в прежнее время для того и существовали ксенеласии и не разрешалось ездить за границу, чтобы граждане не заражались от чужеземцев легкомыслием; теперь же, как мне известно, лица, считающиеся первыми в государстве, прилагают все усилия к тому, чтобы постоянно находиться в качестве гармостов на чужбине.

5. Было время, когда спартанцы стремились к тому, чтобы достойно предводительствовать; теперь же они больше хлопочут о том, чтобы достигнуть власти, чем о том, чтобы быть достойными ее.

6. Вот почему прежде элины, приходя в Лакедемон, просили спартанцев предводительствовать в их борьбе против тех, кого они считали своими обидчиками; теперь же многие призывают друг друга всячески препятствовать спартанцам снова захватить власть над ними.

7. Ничуть, однако, не следует удивляться тому, что у них происходят такие достойные порицания дела, так как совершенно очевидно, что они не повинуются ни богу, ни законам Ликурга.

Глава XV

1. Я хочу также рассказать, какое соглашение Ликург устроил царю с гражданской общиной, ибо царская власть — единственная, которая продолжает оставаться именно такой, какой она была установлена с самого начала. Другие государственные установления, как всякий может убедиться, уже изменились и продолжают изменяться даже сейчас.

2. Ликург предписал, чтобы царь, ведущий свое происхождение от бога, совершал все общественные жертвоприношения от лица государства и командовал войском везде, куда только его пошлет государство.

3. Ликург дал царю также право получать в качестве почетного дара лучшие части жертвенных животных и постановил выделять во многих городах периеков участок земли такого размера, чтобы, с одной стороны, царь не был лишен необходимого, а с другой — не превосходил бы прочих своим богатством.

4. А чтобы и цари столовались вне дома, он назначил им общественную палатку и даже почтил двойной порцией за обедом — не для того, чтобы они могли пожирать вдвое больше, а для того, чтобы имели возможность почтить от этой порции того, кого пожелают.

5. С другой стороны, он даровал каждому из них право выбирать дополнительно двух сотрапезников, которые назывались пифиями. Царям также было предоставлено право получать поросенка от каждой опоросившейся свиньи — это было сделано для того, чтобы у царя не было недостатка в жертвенных животных, если у него возникнет необходимость посоветоваться с богами.

6. А озеро, находящееся поблизости от дома [царя], обеспечивает [его] водой. Насколько это полезно, лучше знают те, кто не имеет такого водоема. И все встают с сиденья перед царем, кроме эфоров, которые продолжают сидеть на своих эфоровых креслах.

7. Эфоры и цари ежемесячно обмениваются клятвами: эфоры присягают от лица полиса, царь — от своего имени. Царь клянется править, сообразуясь с законами, установленными в государстве, а полис обязуется сохранять царскую власть неприкосновенной, пока царь будет верен своей клятве.

8. Таковы почести, воздаваемые царю в Спарте при его жизни. Они лишь немногим отличаются от почестей, оказываемых частным лицам. Ибо Ликург не желал ни внушать царям стремление к тирании, ни возбуждать зависть сограждан к их могуществу.

9. Что касается почестей, воздаваемых царю после смерти, то из законов Ликурга видно, что лакедемонских царей чтили не как обыкновенных людей, но как героев.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К «ЛАКЕДЕМОНСКОЙ ПОЛИТИИ» КСЕНОФОНТА

Комментируемые отрывки из «Лакедемонской политики» (ЛП) набраны курсивом. При необходимости, кроме русского перевода, в скобках дан греческий вариант. Это в основном касается терминов.

При цитировании имена переводчиков не указываются в том случае, если используются наиболее известные и распространенные русские переводы, ставшие классическими для отечественного антиковедения: для Геродота, Фукидида и Страбона — это переводы Г. А. Стратановского, для «Греческой истории» Ксенофонта — перевод С. Я. Лурье, для «Анабасиса» Ксенофонта — перевод М. И. Максимовой, для «Агесилая» Ксенофонта — перевод В. Г. Боруховича, для «Законов» Платона — перевод А. Н. Егунова, для «Политики» Аристотеля — перевод С. А. Жебелева, для «Всеобщей истории» Полибия — перевод Ф. Г. Мищенко, для биографий Ликурга, Агиса и Клеомена у Плутарха — перевод С. П. Маркиша, для биографии Лисандра — перевод М. Е. Сергеенко, для биографии Агесилая — перевод К. П. Лампсакова, для «Изречений спартанцев» и «Древних обычаев спартанцев» Плутарха — перевод М. Н. Ботвинника, для «Описания Эллады» Павсания — перевод С. П. Кондратьева, для «Пестрых рассказов» Элиана — перевод С. В. Поляковой.

При составлении наших комментариев мы самым активным образом использовали комментарии к «Лакедемонской политике» Михаэля Липки, профессора университета в Патрах. Выражаю ему огромную благодарность за возможность ознакомиться с его работой в полном объеме¹.

Глава I

§ 1

...Спарта, будучи одним из самых малонаселенных государств (ἡ Σπάρτη τῶν ὀλιγαριθμωποτάτων πόλεων οὖσα)...

Ксенофонт не случайно говорит именно о Спарте, а не обо всем Лакедемоне, так как проблема малолюдства касалась исключительно граждан Спарты и никак не касалась периеков, населявших территорию Лаконии. О лакедемонянах он будет говорить во второй части трактата, где речь пойдет о спартанской армии, поскольку периеки служили в ней наравне со спартанскими гражданами.

Замечание Ксенофонта о малолюдстве иногда рассматривают как косвенное свидетельство того, что «Лакедемонская политика» была написана после 371 г.², т. е. после сражения при Левктрах, где погибло 400 из 700 спартиатов. Ксенофонт первым употребил прилагательное ὀλιγαριθμωπος, причем в превосходной степени, противопоставляя тем самым Спарту Афинам, городу, по его же словам, самому многолудному (πολυαριθμωποτάτη) в Элладе (Hell., II, 3, 24).

¹ Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution: Introduction. Text. Commentary. Berlin; New York, 2002.

² Все даты — до н. э.

Ксенофонт ничуть не преувеличивает, называя Спарту одним из самых малолюдных городов Греции. Так, рассказывая о нападении Эпаминонда на Спарту, он объясняет панику, начавшуюся в городе, крайне малым числом защитников (Hell., VI, 5, 28). О том же феномене свидетельствует и Аристотель. По его словам, «одного вражеского удара государство не могло вынести и погибло именно из-за малолюдства» (Pol., II, 6, 12, 1270 a). В Спарте начиная с V в. шел процесс постепенного сокращения именно гражданского населения. Олигантропия (ὀλιγαυθρωπία — досл. «малолюдство») стала для Спарты тяжелейшей социальной проблемой. Объяснить олигантропию только традиционной для спартиатов низкой рождаемостью невозможно. Существовала известная связь между упадком гражданского сословия в Спарте и кастовым характером ее социальной политики. Упорное нежелание правящей корпорации расширить круг спартанских граждан или хотя бы положить конец исключению из числа полноправных граждан беднейшей их части привело Спарту к катастрофическим последствиям: за полтора века, с начала V и до сер. IV в., количество граждан призывного возраста сократилось с 10 до 1 тысячи (Her., VII, 234; Arist. Pol., II, 6, 12, 1270 a). Спартиаты, проникнутые духом исключительности, никогда, по крайней мере в классический период, не прибегали к обычному для прочей Греции способу пополнения своего гражданства — кооптированию новых граждан из наиболее богатой и влиятельной верхушки метеков и иностранцев. В этом, по мнению Аристотеля, главная причина спартанской олигантропии, которая ко времени написания «Политики» приобрела уже необратимый характер. Ксенофонт в «Лакедемонской политике» указал на существование самой проблемы, но в отличие от Аристотеля не объяснил ее причину.

...Спарта... оказалась самым могущественным и самым славным государством в Элладе...

Уже до Ксенофонта в литературе встречается указание на несоответствие скромного внешнего облика Спарты реальному могуществу спартанского государства. Самый знаменитый пример такого диссонанса — реплика Фукидида в его «Археологии» (I, 10, 2). Ко времени Ксенофонта такое наблюдение стало уже общим местом (Isocr. VI, 81). Мысль, что величие государства не всегда зависит от его размеров или числа граждан, встречается и у греческих философов, для которых классическим образцом была именно Спарта (Plat. Resp., IV, 423 a-b; Arist. Pol., VII, 4, 3—4, 1326 a).

§ 2

Ликургу только, давшему им законы (νόμους)... я и удивляюсь, и считаю его в высшей степени мудрым человеком (σοφόν).

Ксенофонт говорит о себе в первом лице и в некоторых других своих работах, например в «Агесилае» (I, 1). Кроме «Лакедемонской политики» Ликург появляется у Ксенофонта еще один раз — в «Воспоминаниях о Сократе» (Memorab., IV, 4, 15).

Ксенофонт не первый, кто приписывал спартанскую конституцию Ликургу, но он первый, кто сделал это с таким исключительным подчеркиванием его заслуг. Как и большинство греков, Ксенофонт имел тенденцию приписывать Ликургу все законы, действующие в Спарте. Для него это бесспорно исторический персонаж. Ксенофонт считал Ликурга «в высшей степени мудрым человеком». Эта оценка останется неизменной для всех последующих писателей.

Само имя Ликурга как спартанского законодателя впервые упоминается Геродотом. Отец истории заявляет, что именно от Ликурга спартанцы получили евномию (досл. «благозакононие»). Геродот датирует это событие временем правления малолетнего царя Леобота (начало X в.), дядей и опекуном которого был Ликург. Ксенофонт упоминает о Ликурге в том же кратком и сухом стиле, что и Геродот. О самом Ликурге Ксенофонт говорит очень мало, причем названные им детали иные, чем у его предшественника Геродота.

Но самый надежный пласт традиции относительно Ликурга и его законодательства, дошедший до нас от IV в., связан с именем Аристотеля. Ликург для Аристотеля исторический персонаж такой же значимости, как и Солон. По его словам, Ликург и Солон были не просто создателями отдельных законов. Введя новую конституцию, они тем самым создали новый государственный строй, или даже больше того — новое полисное государство (Pol., II, 9, 1, 1273 b 33–34). Таким образом, по Аристотелю, у истоков спартанского полиса стоял Ликург. Если вспомнить, что Аристотель упрекал современных ему спартанцев за недостаточное, с его точки зрения, почитание ими Ликурга³, его собственная оценка деятельности спартанского реформатора была очень высокой (Arist. ap. Plut. Lyc., 31). С течением веков легенда о Ликурге обрастала все большими

³ Став главной фигурой спартанской истории, Ликург после смерти почитался как герой. По словам древних авторов, в Спарте существовал храм Ликурга, где ему приносили ежегодные жертвоприношения и оказывали почти божественные почести (Her., I, 66; Ephor. ap. Strab., VIII, 5, 5, p. 366; Arist. ap. Plut. Lyc., 1; Paus., III, 16, 6).

подробностями. Самая пространная его биография, с массой фактического материала, дана Плутархом. Плутарх собрал все, что было известно о Ликурге до него, и таким образом подвел итог долгому процессу складывания мифа о Ликурге.

Античная традиция о Ликурге весьма противоречива. Нет единства во мнениях как относительно сущности законов Ликурга, так и относительно времени их введения. Хронологический разнобой у древних авторов очень велик: он составляет чуть ли не 350 лет, от конца XII до первой пол. VIII в. Но если в древности историчность Ликурга не оспаривалась, то в науке нового и новейшего времени есть немало исследователей, склонных считать Ликурга фигурой неисторической. Однако в настоящее время в науке преобладает скорее позитивное отношение к Ликургу, которого причисляют к крупнейшим греческим законодателям архаической эпохи, наподобие Драконта или Солона в Афинах.

Говоря о законах Ликурга, Ксенофонт употребляет общегреческий термин «номос» (νόμος) вместо местного лаконского термина «ретра» (ῥήτρα). В этом сказывается его стремление адаптировать трактат для лучшего его восприятия афинской публикой. Ксенофонт называет Ликурга «мудрым» (σοφός). Это типичный атрибут греческих законодателей. Но, несмотря на свой огромный авторитет, Ликург не попал в число семи мудрецов, в отличие от эфора Хилона (Her., I, 59; VII, 235; Plat. Protag., 343 a; Plut. De aud. poet., 14, 35 sq.; Diog. Laert. Praef., 13; I, 3, 69–73).

Ведь он... добился исключительного процветания (εὐδαιμονίαι) для своего отечества.

Слово εὐδαιμονία обычно переводят как «процветание, счастье, преуспевание, богатство». У философов оно может

означать «высшее счастье, блаженство». Представление об этом понятии сформировалось у Ксенофонта, скорее всего, под влиянием Сократа. Такой вывод следует из его сократических сочинений, особенно «Воспоминаний о Сократе» (Memorab., I, 6, 10). Ксенофонт ссылается на уникальное спартанское «процветание-счастье», которого можно достигнуть в рамках Ликургова государства благодаря сдержанности и самоконтролю.

§ 3

...остальные греки...

Ксенофонт с самого начала противопоставляет спартанцев «остальным грекам». На этой антитезе строится весь трактат. Ксенофонт тем самым подчеркивает исключительность спартанского образа жизни и способствует складыванию представления о Спарте как идеальном полисе.

...что касается вина, то требуют или полного от него воздержания, или употребления его в разбавленном виде.

Ксенофонт здесь сообщает о практике, господствующей во многих греческих полисах. В источниках сохранилось немало сведений о подобного рода запретах, которые, как правило, касались только женщин и детей⁴. Так, согласно Аристотелю (fr. 611. 28 Rose), детям и незамужним женщинам с Кеоса позволялось пить только воду. Одна архаическая надпись с Крита запрещает (или по крайней мере ограничивает) потребление вина вне религиозных церемоний (SEG 41. 739 /1991/). Любопытно, что в «Законах» Платона

⁴ Перечень источников см. в кн.: Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution... P. 104.

потребление вина было полностью запрещено детям и юношам до 18 лет (Leg., II, 666 а).

...прочие эллины требуют, чтобы их дочери спокойно пряли шерсть.

По общепринятым в Греции представлениям, идеальная женщина не должна была выходить из дома. Плутарх в «Римских вопросах» так характеризует женский идеал: «... женщина подобна кубу — устойчива, домоседлива, неподвижна» (Quaes. Rom. 102 = Mor., 288 d). Умение прясть считалось обязательным женским навыком со времен Гомера (Od., VI, 305–307). Так, в «Домострое» Исхомах говорит, что его жена до замужества «умела сделать плащ из шерсти, которую ей дадут» (Хен. Оес., 7, 6). Платон в «Законах» подобно Ксенофону выделяет спартанок из всех греческих женщин, говоря, что они не должны, как прочие, трудиться над пряжей шерсти (VII, 806 а).

§ 4

А Ликург посчитал, что одежду способны изготовлять и рабыни (δοῦλας)...

Под рабынями Ксенофонт, скорее всего, имел в виду илотов. Он старался не употреблять специфически спартанские термины там, где этого можно было избежать. Плутарх называет служанок Тимеи, жены царя Агиса II, илотками (είλωτίδες), ссылаясь при этом на Дурида (Plut. Ages., 3, 2).

А Ликург... прежде всего установил, что женщины должны не менее мужчин заниматься физическими упражнениями...

Мысль, что постоянные физические тренировки и здоровая пища влияет на здоровье потомства встречается также у Крития (Diels В 32)⁵.

Далеко не все в Греции одобряли подобное воспитание девушек в Спарте. Это не соответствовало патриархальным представлениям греков о месте женщин в семье и обществе. Так, Еврипид в «Андромаче» весьма негативно отзывался о системе воспитания спартанок:

А впрочем,
Спартанке как и скромной быть, когда
С девичества, покинув терем, делит
Она палестру с юношей и пеплос
Ей бедра обнажает на бегах...
Невыносимо это... Мудрено ль,
Что вы распутных растите?

(Andr., 595–602 /

Пер. И. Ф. Анненского).

Плутарх в духе лаконофильской традиции, наоборот, хвалит спартанцев за их подход к женскому воспитанию и возражает против широко бытовавшего взгляда на спартанок как на распущенных, наглых и развратных женщин: «При этом нагота девушек не заключала в себе ничего дурного, ибо они сохраняли стыдливость и не знали распущенности, напротив, она приучала к простоте, к заботам о здоровье и крепости тела, и женщины усваивали благородный образ

⁵ Свидетельства древних о Критии и фрагменты его сочинений включены в классический свод «Фрагменты досократиков» Дильса-Кранца (Diels H.; Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. 9. Aufl. Bd. II. Berlin, 1959).

мыслей, зная, что и они способны приобщиться к доблести и почету» (Лус., 14, 4).

Девушек в Спарте вопреки общегреческому обычаю выдавали замуж уже в достаточно зрелом возрасте, вероятно, между восемнадцатью и двадцатью годами⁶. Как и юноши, они к этому возрасту уже успевали получить обычное для спартанцев образование, включавшее в себя прежде всего физическую и музыкально-хоровую подготовку. Уровень социальной активности спартанских женщин был по греческим стандартам чрезвычайно высок. Это объяснялось не только их воспитанием и более высоким, чем в остальной Греции, образовательным уровнем. Степень независимости и самоуважения спартанских женщин во многом определялась их экономическим положением. По спартанским законам женщины могли быть наследницами наравне с мужчинами. В результате, как свидетельствует Аристотель, уже в его время они владели двумя пятими всей земли (Pol., II, 11, 1270 a), а веком позже большая часть спартанских земель принадлежала женщинам (Plut. Agis, 7, 3–4). Экономическая независимость спартак явно способствовала росту их социальной и политической активности (Arist. Pol., II, 6, 7, 1296 b-1270 a). Об особом самосознании спартак дает представление небольшой и, вероятно, незаконченный трактат Плутарха «Изречения спартанских женщин» (Lacaenarum apophthegmata = Mor., 240 c-242 d).

⁶ Об особом положении женщин в Спарте см.: Андреев Ю. В. Спартак гинекратия // Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб, 2003. С. 410–432.

§ 5

...стыдно супругу быть замеченным как входящим, так и выходящим [из комнаты его жены].

Вне Спарты также считалось позорным для мужчины и женщины открыто показывать свои отношения, и порицалась демонстративная сексуальная активность. Такое поведение греки считали характерным исключительно для варваров (Xen. Anab., V, 4, 33–34). Однако все авторы, начиная с Ксенофонта, говоря о поведении спартанцев, подчеркивали их особую стыдливость (αἰδώς) даже во взаимоотношениях между супругами (Plut. Lys., 15, 8–11).

При таком ограничении общения взаимное желание неизбежно должно усиливаться, и дети таких родителей рождаются более сильными, чем дети, рождаемые при взаимном пресыщении.

Этому высказыванию Ксенофонта можно найти параллели в греческой литературе. Так, дельфийский оракул советовал бездетному Эгею, который хотел иметь сына, избегать половых связей до своего возвращения (Euryp. Med., 665–681; Plut. Thes., 3, 5).

§ 6

...он вывел из обычая жениться, когда кому захочется...

Семья и брак в Спарте были объектами государственного надзора и регулирования. Спартанцы фактически не обладали правом на частную жизнь. Это касалось всех сторон их семейного бытия. Подробно об ограничениях, налагаемых на частную жизнь спартиатов, рассказывает Плутарх. Его замечания можно рассматривать как комментарии к кратким

репликам Ксенофонта. Так, до 30 лет даже женатый спартиат продолжал скорее принадлежать государству, чем семье. Его частная жизнь носила полулегальный характер, и семейные отношения скорее скрывались, чем открыто демонстрировались. Конечно, картина, которую рисует Плутарх, несколько утрирована, но вряд ли она полностью вымышлена. По его словам, молодой человек мог посещать жену только тайно, под покровом ночи, а днем он продолжал пребывать вместе со сверстниками в казарме, и так «тянулось довольно долго: у иных уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете» (Plut. Lyc., 15. 7–10).

По-видимому, после двадцати лет спартанцы обязаны были жениться (Plut. Arophth. Lac., 53, 16–17 = Mor., 228 a-b). Спартанская община осуществляла контроль, а при необходимости и прямое давление на своих молодых сограждан, принуждая их к своевременному вступлению в брак. Безбрачие грозило спартанцам как материальными, так и моральными потерями. Холостяки (ἄγαμοι) становились изгоями общества (Plut. Lyc., 30, 7; Athen., XIII, 2, 555 c; Pollux., III, 48; VIII, 40). Даже высокие чины не защищали их от всеобщего презрения, специально культивируемого властями. Как свидетельствуют источники, холостяки подвергались настоящему моральному террору со стороны общества. Плутарх приводит примеры, дающие представление о степени нетерпимости общества к такого рода отступлениям от общепринятой нормы (Lyc., 15, 1–3).

...он... установил, чтобы браки совершались в расцвете жизненных сил (ἐν ἀκμαΐς τῶν σωματικῶν)...

В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт также указывает на важность рождения детей от родителей, находящихся

в цветущем возрасте (Memorab., IV, 4, 23). По греческим меркам мужчина достигал своего расцвета (акмэ, ἀκμή) к 28 годам, а женщина — к 20. Для мужчин «цветущий возраст» продолжался до 35 лет (Arist. Rhet., II, 1390 b 9—11). Наилучшим для вступления в брак считался возраст от 30 до 37 лет. Слишком ранняя женитьба была явлением исключительным и объяснялась, как правило, соображениями династического порядка (Plut. Cleom., 1, 1). Замечание Ксенофонта, что спартанцы женились в зрелом возрасте, т. е. в возрасте около 30 лет, подтверждает и Плутарх, по словам которого, полная дееспособность гражданина в Спарте наступала после 30 лет.

Женщины должны были выходить замуж, согласно Гесиоду, Платону и Аристотелю, между 16 и 20 годами. На практике же как в Греции, так и в Риме они выходили замуж начиная с 12-летнего возраста. Минимальный возраст замужества для спартанских женщин не засвидетельствован. По свидетельству Плутарха, их выдавали замуж, когда им было около 20 лет (Num., 26, 1). В Спарте, так же как и в Афинах, позволялось жениться на племянницах (Her., V, 39, 1).

§ 7—8

В брачных отношениях спартанцев, по-видимому, сохранились пережитки группового брака. Супружеская верность не рассматривалась как обязательная норма, если только это не касалось царей. Ксенофонт признает, что некоторые обычаи спартанцев, связанные с браком и семьей, не соответствуют общегреческим представлениям о морали, но он оправдывает такую систему семейных отношений, ибо она отвечает интересам государства. Государство вправе, по его

мнению, контролировать и направлять процесс деторождения в масштабах всей гражданской общины. Аргументацию лаконофила Ксенофонта повторяет в более детализированном виде Плутарх в жизнеописании Ликурга (15). Аристотель характеризует положение женщин в Спарте как ненормальное, ибо, с сожалением констатирует он, «многое находилось у них в ведении женщины» (Pol., II, 6, 7, 1269 b 31–32).

§ 7

...он устроил так, что старый муж приглашал в дом для деторождения такого человека, чьими физическими и моральными качествами восхищался.

Плутарх вслед за Ксенофонтом сообщает примерно то же самое, но, как обычно, подвергнув сообщение Ксенофонта литературной правке и внеся туда некоторые новые детали: «Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим» (Лус., 15, 12).

Ситуация, описанная Ксенофонтом, засвидетельствована также и для архаических Афин. Плутарх называет «нелепым и смешным» закон Солона, «позволяющий богатой сироте, в случае неспособности к брачному сожителству ее мужа... вступить в связь с кем-либо из ближайших родственников мужа» (Plut. Sol., 20, 2).

§ 8

С другой стороны, если кто-либо не хотел жить со своей собственной женой, но желал иметь детей, которыми мог бы гордиться, он и здесь постановил, что

этот человек может с согласия мужа иметь от его жены детей, если сочтет ее плодovитой и благородной.

См. парафраз этого места у Плутарха: «С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодovитая и целомудренная, он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родственниками добрых граждан» (Лус., 15, 13).

Из этого отрывка Ксенофонта следует, что самым важным для спартанца было наличие как можно большего числа сыновей, независимо от того, в каких отношениях он сам находился с их матерями. От наличия сыновей зависел гражданский статус спартанцев, ибо холостяки не пользовались в обществе уважением и подвергались всякого рода унижениям. По словам Плутарха, «лишив холостых мужей права смотреть выступления во время Гимнопедий и наложив на них атимию и другие знаки бесчестия, Ликург предусмотрительно позаботился о деторождении. Он отнял у холостяков то уважение и заботы, которыми юноши окружали пожилых людей» (Aporphth. Лас., 53, 14 = Mor., 227 f.). Если жена оказывалась бездетной, спартанец имел право прибегнуть к следующим, не всегда приемлемым для прочих греков, средствам: во-первых, развестись и жениться на другой, во-вторых, завести вторую жену, в-третьих, официально усыновить своего собственного незаконнорожденного сына, и наконец, усыновить ребенка из обедневшей семьи. Спартанские власти поощряли все вышеназванные способы обретения наследника. Так, эфоры заставили царя Анаксандрида (правил ок. 560—520), не имевшего детей от законной жены, взять вторую жену, дабы не пресекался род Агиадов (Her., V, 39).

§ 9

И многое встречалось в том же роде.

Не совсем понятно, что Ксенофонт имел в виду, поскольку выражение слишком неопределенное. Возможно, он вполне сознательно не хотел упоминать некоторые практики, неприемлемые для большинства греческих государств, но терпимые в Спарте, такие, например, как сожителство нескольких мужчин, чаще всего братьев, с одной женщиной (Polyb., XII, 6 b, 8).

...женщины [в Спарте] хотят владеть двумя домашними хозяйствами...

Из этого замечания Ксенофонта следует, что спартанка фактически могла вести два домашних хозяйства — своего мужа и того спартанца, с кем она завела детей с согласия мужа. Трудно сказать, как далеко распространялось влияние женщины при наличии детей как от законного мужа, так и от любовника, и получала ли она какие-либо доходы от клера отца своих внебрачных детей. По-видимому, подобный вариант семейной жизни на два дома, если и не был широко распространен, все же имел место в Спарте и в общественном мнении считался вполне приемлемым. В таких экзотических, с точки зрения прочих греков, брачных отношениях было заинтересовано все государство, желавшее любыми способами увеличить численность гражданского населения, не прибегая при этом к кооптации новых граждан извне. Об этом вслед за Ксенофонтом говорит и Плутарх: «Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей» (Лус., 15).

На два дома, очевидно, мог жить и мужчина, если имел двух жен. Правда, Геродот, рассказывая о царе Анаксандриде, который по настоянию эфоров взял вторую жену и стал вести два хозяйства, замечает, что это было «совершенно вразрез со спартанскими обычаями» (V, 40, 2). Это свидетельство того, что, как и в других греческих полисах, полигамия не была институализирована в Спарте.

...мужчины хотят присоединять к своим сыновьям братьев, которые, становясь членами рода, пользовались бы влиянием семьи, но не претендовали бы на имущество.

Из этого сообщения следует, что сводные братья вроде бы не имели своей доли в наследстве, и, таким образом, их статус походил на статус клиентов, зависящих от доброй воли своего патрона. С другой стороны, они обладали определенными правами и преимуществами, правда, описываемыми Ксенофонтom весьма обтекаемо («пользовались бы влиянием семьи»). В целом эта фраза указывает на то, что побочные сыновья были в известном смысле под защитой рода своего отца. Это давало им некоторые привилегии, самая важная из которых заключалась в возможности пройти полный курс общественного воспитания.

Ксенофонт, говоря о «братьях законных сыновей», имел в виду, скорее всего, мофакон (или мофонон) — особую категорию лиц, получавших спартанское воспитание вместе с сыновьями спартиатов. Как и в других местах «Лакедемонской политики», Ксенофонт избегает употреблять чисто спартанские термины, которые потребовали бы от него дополнительных объяснений. В число мофакон входили и побочные сыновья самих спартиатов. Возможно, рожденным вне брака сыновьям граждан статус мофака давал шанс

на полную или частичную социальную реабилитацию. Но подобные случаи были редки и носили исключительный характер. Основную же группу мофаков составляли дети гипомейонов. Их отцы по какой-либо причине были ущемлены в своих правах и не могли дать своим сыновьям подобающего гражданину воспитания и образования. Спартанский полис, поощряя усыновление, предоставлял возможность детям своих обедневших или осужденных граждан пройти полный курс общественного воспитания (ἀγωγή). Их дальнейшая судьба во многом зависела от знатности и авторитета семьи, в которой они воспитывались. Видимо, часть военной элиты, обогатившаяся во время Пелопоннесской войны, могла взять на себя заботу и расходы по воспитанию сыновей своих менее удачливых сограждан. Не исключено, что и само государство побуждало их к этому. Богатые спартиаты широко использовали мофаков, вербуя их в качестве окружения для своих собственных сыновей. Вероятно, почти каждый знатный спартанский юноша имел сотоварищей из числа мофаков (Phyl. ap. Athen., VI, 271 e). Хотя мофаки считались членами семьи, их имущественные права были ограничены: они не были полноправными наследниками своих усыновителей.

Государство было заинтересовано в увеличении гражданского населения и побуждало своих граждан к деторождению или усыновлению с помощью серии поощрительных мер. Так, по свидетельству Аристотеля, в Спарте существовал «даже закон, что отец трех сыновей освобождается от военной службы, а отец четырех сыновей свободен от всех повинностей» (Pol., II, 6, 13, 1270 b). Когда этот закон был принят, неизвестно, но скорее всего — после 371 г., когда демографическая ситуация приобрела уже катастрофический

характер. Существовало несколько причин, почему члены семьи были заинтересованы в увеличении ее численности за счет мофаков. Самое главное — это, конечно, престиж: отцы мофаков, давая средства на их содержание в спартанских школах-агелах, выполняли важную государственную задачу, что высоко ценилось в Спарте.

Глава II

§ 1

...я хочу разъяснить и воспитательную систему тех и других [спартанцев и остальных греков] (τὴν παιδείαν ἑκατέρων).

Вторая глава полностью посвящена воспитанию и образованию спартанцев. Воспитание, или по-гречески «пайдейя» (παιδεία), начиналось в Спарте с семи лет, а до этого имело место «вскармливание», «выращивание», т. е. «трофэ» (τροφή). Пайдейя в Спарте происходила вне семьи, в то время как трофэ — исключительно внутри семьи. По свидетельству Плутарха, «едва мальчики достигали семилетнего возраста, Ликург отбирал их у родителей...» (Лус., 16, 7). Термин «агогэ» (ἀγωγή) в применении к спартанскому общественному воспитанию появляется не ранее III в. до н. э. Спартакское образование по набору изучаемых предметов не отличалось радикальным образом от других подобных систем, но в нем особое внимание уделялось некоторым аспектам, важным для подготовки будущих воинов. Для спартанской системы образования были характерны большие нагрузки на учеников и большая строгость по отношению к ним, чем это практиковалось у прочих греков (Thuc., II, 39, 1). Ссылаясь на эту строгость, уже Симонид

назвал Спарту «укрощающей смертных» (Simon. ap. Plut. Ages., 1, 3). А Аристотель, критически относящийся ко всякого рода крайностям, заметил, что постоянные тяжелые упражнения делают спартанских детей звероподобными (Pol., VIII, 3, 3, 1338 b).

...приставляя к ним слуг в качестве педагогов...

Ниже (2, 2) Ксенофонт точнее определяет социальный статус педагогов, называя их рабами. Как правило, педагоги (παῖδαυνοί) относились к категории слуг (θεράποντες). Уже в том месте у Геродота, где педагог упоминается впервые в греческой литературе (VIII, 75, 1), он назван ойкетом (οἰκέτης), т. е. домашним слугой, что почти наверняка свидетельствовало о его несвободном статусе. У Платона педагог — это раб-слуга, который отводит мальчика в школу и приводит его обратно (Plat. Lys., 208 c). Хотя считается, что педагоги-слуги никакого отношения к обучению детей не имели, нельзя исключить их участия в домашнем воспитании и образовании хозяйских детей.

Затем они посылают мальчиков в школы, чтобы те изучали там письмо, мусические искусства и гимнастические упражнения в палестре.

Ксенофонт здесь перечисляет обычный набор предметов, изучаемых школьниками во всем греческом мире. Об особенностях воспитания спартанской молодежи в этом параграфе ничего не сказано. Однако из его дальнейшего рассказа следует, что спартанцы получали в своих школах усиленную физическую подготовку и обучались хоровому пению. Никакие другие предметы обучения не упоминаются. Во времена Ксенофонта, вероятно, общим местом было

представление о спартанцах как людях невежественных, не умеющих ни писать, ни читать, ни считать. Так, по словам Исократы, спартанцы «не знают даже грамоты» (XII, 209). Платон утверждал, что многие из них не умеют считать (Hipp. Maj., 285 с). Плутарх не столь категоричен. Он говорит, что «грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись» (Лус., 16, 10).

§ 2

Вместо того чтобы приставлять к каждому мальчику рабов-педагогов, Ликург установил, чтобы мальчиками распоряжался человек из числа тех, кого назначают на должность высшие власти. Он называется педоном (παιδονόμος).

Аристотель в «Политике» приводит аргументы в пользу того, почему воспитание должно быть общественным, а не индивидуальным: «Так как государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех нужно единое и одинаковое воспитание, и забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь, когда всякий печется о своих детях частным образом и учит частным путем тому, что ему вздумается» (VIII, 1, 2, 1337 а 21–26).

Воспитанием и обучением в Спарте руководили специальные магистраты, называемые педономами (термин, образованный из двух слов: παῖς — мальчик, и νόμος — закон, обычай). Само слово «педоном» впервые встречается именно здесь, в ЛП. Ксенофонт, по-видимому, не стал заменять этот специфически спартанский термин, поскольку он не требовал дополнительных пояснений и был понятен греческой аудитории. Эти «комиссары народного образования»

назначались, по определению Ксенофонта, «высшими властями», т. е., вероятно, эфорами и подчинялись непосредственно им.

Неизвестно, из какой возрастной группы назначались или выбирались педономы, на какой срок и какова была их численность. Предполагают, что педономы как обычные республиканские магистраты могли выбираться на год, но доказать это невозможно. Из данного текста, так же как из параллельного места у Плутарха (Лус., 17, 2), вроде бы следует, что одновременно в Спарте действовал только один педоном. Он полностью отвечал за воспитание всей молодежи за исключением, может быть, иренов: для них высшей проверяющей и оценивающей инстанцией были уже эфоры. Педономы обладали такой же тиранической властью над детьми, как эфоры над взрослыми. Из гражданских магистратов педономы по значимости стояли непосредственно за эфорами. Сами педономы, по-видимому, непосредственно в процессе обучения не участвовали. Они были высшими надзирателями или инспекторами, а обучали спартанских детей чтению и письму, скорее всего, нанятые для этих целей учителя. Такими учителями могли быть или периеки, или друзья Спарты из числа иностранцев, нашедших здесь политическое убежище. За чей счет содержались учителя, неизвестно. Возможно, по крайней мере в архаический период, за счет государства. Сохранилось любопытное свидетельство Диодора, который, описывая законодательство Харонда, сообщает, что «все дети граждан должны были учиться читать и писать, обучаясь за счет государства, нанимавшего учителей» (XII, 12).

Педономы засвидетельствованы также вне Спарты, например на Крите (Ephor. ap. Strab., X, 4, 20, p. 483).

В Афинах магистрат, напоминающий педонома, назывался косметом. Он осуществлял высший надзор за эфебами, избирался, скорее всего, на год или два из всех граждан старше 40 лет (Arist. Ath. pol., 42, 2).

Ликург дал ему биченосцев (μαστιγοφόρους) из числа юношей, чтобы они, когда требуется, наказывали детей.

Биченосцы, или мастигофоры, — блюстители общественного порядка, вооруженные плетью. В спартанских школах биченосцев назначал педоном из воспитанников старших возрастных групп. По-видимому, о биченосцах идет речь и у Плутарха (хотя самого термина он и не употребляет), когда он говорит, что «во главе отряда Ликург ставил того, кто превосходил прочих сообразительностью и был храбрее всех в драках» (Лус., 16, 8). Возможно, особой формой наказания, которую применяли спартанские ирены по отношению к своим младшим подопечным, было кусание их за большой палец (Plut. Лус., 18, 5).

Наказание в виде порки было широко распространенной практикой, и учитель, бьющий своих учеников, стал частым персонажем в античной литературе (например, «драчливый Орбилий» (Orbilius plagosus) у Горация (Epist., 2, 1, 70 sq.)).

Поэтому в Спарте дети очень стыдливы и отличаются большим послушанием.

Таких результатов, по мнению Ксенофонта, можно было добиться только путем государственного регулирования воспитательного процесса. Таких же взглядов придерживались Платон и Аристотель. Так, Аристотель в «Никомаховой

этике» пишет: «Жить благоразумно и выдержанно большинству не доставляет удовольствия, и особенно молодым. Именно поэтому воспитание и занятия должны быть установлены по закону...» (Eth. Nic., X, 10, 1179 b 32–36). Аристотель высоко ценил спартанский опыт и рассматривал его как идеальную модель воспитания, учитывающую как интересы государства, так и интересы всего общества. «Только в государстве лакедемонян и, [может быть], в немногих других законодатель, видимо, уделил внимание воспитанию и занятиям [молодежи], а в большинстве государств к таким вещам нет внимания, и каждый живет, наподобие киклопа, “право творя над детьми и супругой”» (Eth. Nic., X, 10, 1180 a 25–29).

В идеальном государстве Платона школы должны были посещать все дети граждан независимо от желания их отцов, «ведь дети больше принадлежат государству, чем своим родителям» (Leg., VII, 804 d).

§ 2 (а также III, 5; IV, 1)

Мальчик, подросток, юноша (παῖς, παῖδίσκος, ἡβών).

Это, по всей видимости, официальные термины для обозначения последовательных возрастных подразделений спартанской молодежи (мальчики с 7 до 12 лет, подростки с 12 до 18, юноши с 18 до 20). Система возрастных классов пронизывает всю общественную структуру Спарты. Граждане с детства и до преклонных лет непрерывно переходили из одной возрастной группы в другую, каждый раз повышая свой социальный статус. В «Киропедии» Ксенофонт поет гимн этой системе. Тот факт, что мальчики изымались из-под опеки семьи очень рано — в 7 лет, свидетельствует о девальвации семьи и семейных отношений. Вся жизнь

спартанских граждан от рождения до смерти проходила по большей части вне семьи, что способствовало формированию своеобразного склада психики, привитого общественным воспитанием. Сущность спартанской системы воспитания, или агогэ (ἀγωγή), заключалась в том, что все мальчики гражданского происхождения, начиная с семилетнего возраста и до 18–20 лет, получали одинаковое стандартизированное воспитание в закрытых полувоенных школах (агелах), где основное внимание обращалось на их физическую и идеологическую подготовку (Plut. Лус., 16, 7–18). По словам Аристотеля, «в Лакедемоне дети богатых живут в такой же обстановке, что и дети бедных, и получают то же самое воспитание, какое могут получать и дети бедных» (Pol., IV, 7, 5, 1294 b 23–25).

Последней группой перед уже зрелым возрастом являлась категория молодежи, называемая гебонтами (ἡβῶντες) (около 18–20 лет). Возможно, во времена Ксенофонта это был специфически спартанский термин. Слово ἡβη означал возраст, когда молодые люди становились военнообязанными. Они уже могли вступать в брак и посещать сисситии, но еще не имели всех гражданских прав. Полная правоспособность спартанцев наступала после 30 лет: только с этого возраста они могли становиться магистратами. Прохождение общего для всех образовательного курса являлось обязательным условием для инкорпорирования молодых спартанцев в гражданский коллектив (Plut. Inst. Лас., 21 = Mor., 238 e). Успешное прохождение всех этапов воспитания было настолько самоценно, что иногда использовалось как решающий аргумент на суде со стороны защиты. Так, Сфодрий, бывший гармостом в Феспиях в 378 г. и совершивший не санкционированное властями

вторжение в Аттику, благодаря поддержке царя Агесилая был оправдан. Ибо, по словам Агесилая, «тяжело предать смертной казни человека, который держал себя, как настоящий спартиат и в детстве, и в отрочестве, и в юности (παῖς τε ὢν καὶ παιδίσκος καὶ ἡβῶν)» (Hell., V, 4, 32). Как мы видим, в «Греческой истории» Ксенофонт употребляет те же термины для обозначения возрастных групп, что и в «Лакедемонской политике».

Спарта была единственным государством в древнем мире, где образование и воспитание молодого поколения было полностью национализировано. Только такое единое для всех спартиатов воспитание способно было гарантировать стопроцентную адаптацию граждан к заранее заданным условиям. Ведь вся система ἀγωγή была смоделирована таким образом, чтобы исключить саму мысль о вариативном подходе к будущей профессии: все воспитанники спартанских школ без всякого исключения должны были стать профессиональными военными.

§ 4

...Ликург постановил, чтобы они в течение всего года носили один и тот же гиматий.

Гиматий (ἱμάτιον) — плащ, верхняя одежда; платье, носившееся поверх хитона и представлявшее собой длинный кусок ткани, который перебрасывался через левое плечо и укреплялся над или под правым. Хитон — нательная одежда, обычно из льняной ткани. Синонимом гиматия в источниках является трибон (τρίβων). Мальчики в Спарте должны были носить гиматий на голое тело, но взрослым разрешалось надевать под него хитон. Плутарх рассказывает, что царь Агесилай даже в холодную погоду не носил

хитон, поскольку считал, что «старые люди, стоящие во главе государства, должны служить молодым примером для подражания» (Aporphth. Lac., 2, 23 = Mor., 210 b).

Плутарх прибавляет к сообщению Ксенофонта в ЛП красочные подробности: «В двенадцать лет они уже расхаживали без хитона, получая раз в год по гиматию, грязные, запущенные; бани и умощения были им незнакомы — за весь год лишь несколько дней они пользовались этим благом» (Лус., 16, 12; также Inst. Lac., 5 = Mor., 237 b). Тот факт, что спартанцы выглядели грязными, заросшими и нечистоплотными, стал предметом насмешек уже у Аристофана в его «Птицах» (Av., 1281—83). Философ Диоген, однако, оценивал такой внешний вид спартанцев как своего рода спесь и хвастовство (Aelian. V. h., IX, 34; ср. Arist. Eth. Nic., IV, 13, 1127 b 26—29). Антифонт упрекал Сократа за то, что он подобно спартанцу носит один и тот же гиматий летом и зимой, ходит босой и без хитона (Xen. Memorab., I, 6, 2).

§ 5

...ирен (εἰρήν)...

Ирены — спартанское название эфебов (в Афинах к эфебам относили молодых людей 18—20 лет). Признанные официально гражданами государства, они еще не могли фактически осуществлять своих прав, а только готовились к этому. Именно из иренов формировались отряды спартанской молодежи, принимавшие участие в криптиях. Так, в эксцерптах Гераклида читаем: «Говорят, что он (Ликург. — Л. П.) ввел и криптию, на основании которой они еще и теперь, выходя днем, прячутся, а по ночам [выходят] с оружием и убивают столько илотов, сколько оказывается

удобным» (fr. 611, 10 Rose³ / Пер. А. И. Доватура). В участниках криптий иногда видят элитное подразделение иренов, члены которого, становясь взрослыми, пополняли корпус «всадников»⁷. Спартанские власти рассматривали участие молодежи в криптиях как завершающий этап их подготовки к военной службе.

Здесь Ксенофонт имеет в виду так называемого «главного ирена» (πρωτεύρας) — достигшего 20-летнего возраста выпускника спартанской школы-казармы. Как старший товарищ и куратор он столовался с тем классом, за который нес ответственность. Он фактически был помощником педонома и подчинялся непосредственно ему. Подобную педагогическую практику проходили многие, если не все, ирены. Она входила в обязательный образовательный цикл. На иренов распространялись ограничения, касавшиеся их внешнего вида. Однако им уже позволялось украшать свое оружие и платье во время сражения (Plut. Лус., 22, 1).

А что касается пищи, он рекомендовал ирену вносить вкладчину такое количество ее, чтобы его воспитанники никогда не наедались до пресыщения.

Возможно, речь здесь идет о детских сисситиях, финансирование которых государство, частично или полностью, переложило на плечи самих граждан. Граждане ежемесячно должны были вносить определенные взносы — как в натуральном, так и в денежном исчислении — на содержание своих детей в общественных школах. Ирен как младший

⁷ Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 358.

воспитатель и помощник педонома, вероятно, осуществлял сбор средств и руководил закупкой продуктов питания.

Он хотел, чтобы пища не отягощала их и чтобы они привыкли жить в нужде.

С детства спартанских мальчиков приучали питаться очень скромно. Рацион для всех воспитанников был одинаков независимо от знатности и богатства их отцов. Это равенство как в пище, так и в одежде было важным элементом воспитательной системы. Сохранилось немало анекдотов о непритязательности спартанцев в еде. Так, Плутарх рассказывает, что царь Агесилай отослал назад все присланные ему жителями Фасоса в подарок деликатесы и оставил только муку, заявив, что «спартанцам эти лакомства не нужны» (Arophth. Lac., 2. 24 = Mor., 210 c).

В «Киропедии» Ксенофонт часто говорит об умеренности персов в отношении пищи и питья (I, 2, 8; 2, 16; V, 2, 17). Такой аскетизм был характерен и для самого царя Кира (I, 6, 17). Разумная мера потребления продуктов стала общим местом в сочинениях философов об идеальном государстве: к примеру, Сократ у Платона легко переносит голод и питается очень скромно, предпочитая самую простую пищу (Plat. Symp., 219 e-220 a; ср. Xen. Memorab., I, 3, 5–7) подобно гражданам в его идеальном государстве (Resp., II, 372 a-b).

§ 6

...он разрешил им воровать, чтобы они не страдали от голода.

Как становится очевидным из Исократа (XII, 21–212) и Плутарха (Лус., 17, 4–6; Arophth. Lac., 35 = Mor., 234 a-b; Inst. Lac., 12 = Mor., 237 e), спартанские мальчики и юноши регулярно использовали воровство пищи в качестве

важного дополнительного средства к существованию, причем воровали везде, даже в сисситиях: «Всё добывается кражей: одни идут на огороды, другие с величайшей осторожностью, пуская в ход всю свою хитрость, пробираются на общие трапезы мужей» (Plut. Лус., 17, 4). Если Плутарх прав, мальчики занимались воровством только по приказу их «вожатого», ирена (17, 4). Утверждение Исократа (XII, 212), что умение воровать высоко ценилось и в дальнейшем способствовало карьерному росту спартиата, может служить доказательством того, что воровство было одним из предметов обучения спартанских мальчиков. В идеальном государстве персов умение воровать также входило в образовательный курс (Хеп. Сутор., I, 6, 31–33).

Ксенофонт в ЛП подробно рассматривает эту практику воровства, поскольку именно для ее оправдания очень тяжело найти аргументы. Он интерпретирует обучение воровскому делу как необходимый элемент подготовки к войне. О тренировке в воровстве как обязательном элементе воспитания юных спартиатов Ксенофонт говорит и в «Анабасисе»: «Насколько мне известно, Хирисоф, вы, лакедемоняне... с самого детства упражняетесь в воровстве, и воровать, если только это не коснется особо оговоренных законом предметов, считается у вас не дурным, а хорошим поступком. А для того чтобы вы совершали кражу как можно быстрее и таким образом старались остаться незамеченными, законным считается у вас подвергать бичеванию того, кто оказывается захваченным при совершении кражи. Поэтому теперь для тебя наступил вполне удобный момент показать нам плоды твоего воспитания и позаботиться о том, чтобы нас не накрыли при тайном захвате горы и не дали нам основательной встряски» (Anab., IV, 6, 14–15).

Обязательное для спартанских мальчиков и узаконенное воровство иногда принимается за рудимент племенных инициаций, особенностью которых является временная отмена или видоизменение обычных социальных норм.

§ 7

...ведь ясно, что готовящемуся к краже приходится ночью бодрствовать, а днем обманывать и подстерегать.

Возможно, здесь Ксенофонт намекает на криптии (само слово ἡ κρυπτεία означает «засада» или «тайник»). Обычай криптий, скорее всего, вырос из древних обрядов инициаций. Для спартанских юношей криптии были важной частью последнего этапа их воспитания, своеобразным экзаменом на зрелость. Платон в «Законах» ничего не говорит о целях криптий и описывает их как безобидную военно-спортивную организацию молодежи: «С нею связано хождение зимой босиком, спанье без постелей, обслуживание самого себя без помощи слуг, скитание ночью и днем по всей стране» (Leg., I, 633 b-c). Для Платона криптии — чудесное средство воспитания выносливости.

Действительно, первоначально задача криптий состояла в формировании необходимых для будущих воинов навыков ведения военных операций в любом месте и в любое время. Но после Мессенских войн, когда резко увеличилось число илотов, криптии стали использовать как важный элемент устрашения илотского населения. Поклонники Спарты, в число которых входил и Платон, зная о повсеместном негативном отношении к этому институту, или вообще не упоминают криптии, или никак не связывают деятельность этой организации с илотами.

Самое подробное и, вероятно, близкое к действительности описание криптий оставил нам Плутарх: «Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, а ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах...» (Лус., 28, 3–5).

§ 9

Установив, что почетно похитить как можно больше сыра у Орфии (пар' Ὀρθίας), Ликург предписал их товарищам бить ворующих.

Имеется в виду древнее святилище Артемиды Орфии. Каменный храм был построен в VI в. на месте очень примитивного сооружения из сырцового кирпича, датированного IX в. Артемида являлась наиболее почитаемой в Спарте богиней и считалась покровительницей иренов/эфебов. Хотя в этом сообщении Ксенофонта алтарь не упомянут, само выражение пар' Ὀρθίας (т. е. от Орфии, у Орфии) предполагает, что сыр уже принадлежал богине, т. е. был посвящен ей заранее. Возможно, мальчики посвящали сыр Артемиде перед совершением его ритуального похищения. Наказание было интегральной частью всей процедуры. Ксенофонт упоминает похищение сыра как пример того, какими важными воспитательными средствами были оба ритуала: ритуальное воровство и наказание за его ненадлежащее исполнение. Похищение сыра, как оно описано здесь, — единственная информация в классической литературе о культовых практиках в святилище Артемиды Орфии. Косвенно это подтверждает

Платон (Leg., 633 b), когда говорит о выносливости спартанцев в перенесении боли.

Согласно Плутарху (Лус., 18) и Павсанию (III, 16, 7–11), вплоть до самых поздних времен на алтаре храма Артемиды Орфии происходило ежегодное ритуальное бичевание спартанских мальчиков и юношей. Этот обычай являлся частью обряда инициаций и никак, по-видимому, не был связан с наказанием тех, кого ловили за настоящее, а не театрализованное воровство с алтаря. Во времена Рима ритуальное избиевание юношей на алтаре Артемиды Орфии стало одним из туристических шоу. По словам Плутарха, «мальчики нередко погибали под ударами» (Inst. Lac., 40 = Mor., 239 c-d).

Сыр, приносимый в жертву Зевсу, Деметре и Коре, засвидетельствован во фрагментарной надписи из Лаконии I в. н. э. (IG V /1/ 363. 12).

§ 10

...ибо и мальчики и взрослые никого так не почитают, как своих начальников (τοὺς ἄρχοντας).

Слово οἱ ἄρχοντες («те, кто имеют власть», т. е. власти, правители) в отношении спартанских магистратов используется довольно часто (Her., III, 46, 1; VI, 106, 1; Thuc., I, 90, 5; Xen. Hell., I, 6, 8). Это может быть следствием переноса афинского термина «архонты» на спартанские институты. Но чаще в контексте, где речь идет о спартанских властях, употребляется слово τὰ τέλη («высшая власть», «должностные лица»). Это, скорее всего, слово, употребляемое в самой Спарте для обозначения собственных властных структур (Schol. in Thuc., I, 58).

§ 11

Он приказал, чтобы в каждой иле командовал самый дельный из иренов.

Ила (ἴλη, дор. ἴλα — группа, стая, отряд) — группа спартанской молодежи одного возраста. Возможно, ила — это официальное название, принятое в Спарте. В каждой иле, или классе, был свой куратор из числа иренов (около 20 лет). Вероятно, существовало три илы: мальчиков, подростков и юношей. Для иренов надзор за младшими товарищами был прекрасной школой, где они приобретали навыки управления людьми.

§ 12

Считаю нужным сказать и о любви к мальчикам, так как и это относится к воспитанию. У других эллинов, как, например, у беотийцев, взрослый и мальчик живут в самой тесной связи как супруги; элейцы же пользуются благосклонностью тех, кто вступил в цветущий возраст (τῆ ὥρα), с помощью всякого рода благодеяний.

Подходящим («цветущим») возрастом для младших партнеров считался возраст от 12 до 18 лет.

Ксенофонт и в этой очень деликатной сфере подчеркивает положительное отличие спартанцев: он говорит о том, что если среди прочих греков, в частности беотийцев и элейцев, доминировал именно физический аспект педерасти, то в Спарте главной была духовная составляющая. Разница между беотийцами и элейцами, которую Ксенофонт хотел здесь подчеркнуть, заключается в том, что среди беотийцев педерастия носила более узаконенный характер, и согласие мальчика не было принципиально важным, в то время как

у элейцев возлюбленные (эрасты) старались завоевать благосклонность мальчиков с помощью подарков и других знаков внимания. Ксенофонт не случайно выбрал беотийцев: в его дни фиванец Лай, отец Эдипа, считался изобретателем педерастии (Plut. Pelop., 19, 1). В Элиде и Беотии гомосексуальные пары воевали бок о бок (Xen. Symp., 8, 34). «Священный лох» у фиванцев, как говорят, состоял из гомосексуальных пар (Plut. Pelop., 18, 2; Athen., XIII, 78, 602 a). В Беотии эрасты дарили своим возлюбленным к их совершеннолетию полный комплект вооружения гоплита — паноплию.

А есть и такие, которые полностью запретили поклонникам вступать в сношения с мальчиками.

Ксенофонт, по-видимому, намекает на Афины (Xen. Symp., 8, 34), где такого рода любовные отношения отнюдь не всегда приветствовались и многими считались «чем-то весьма постыдным». Платон добавляет, что отцы старались оградить своих сыновей от нежелательного общения с их поклонниками (Plat. Symp., 183 c-d). Ксенофонт вообще старается избегать упоминания Афин в сомнительных контекстах, вероятно, не желая вызывать дополнительную враждебность к себе со стороны своих бывших сограждан.

§ 13

Ликург и здесь поступил иначе: если кто-либо, будучи сам человеком достойным, восхищался душой мальчика и пытался сделать из него безукоризненного друга и товарища, то он одобрял это и считал такое воспитание прекраснейшим.

Педерастия не была институализирована в Спарте, но сам феномен был широко распространен в спартанском обществе. Старшие товарищи, как правило, помогали своим юным друзьям успешно пройти все этапы воспитания и стать членами элитарных «обеденных клубов». При своих младших товарищах они исполняли несколько ролевых функций, являясь для вновь поступающих в сисситии и сексуальными партнерами, и воспитателями, и покровителями. Они старались устроить своих юных друзей или в собственную сисситию, или в другую, наиболее для них подходящую. Такой тип отношений, как следует из Ксенофонта, считался в Спарте «прекраснейшим», т. е. наилучшим и наиболее полезным для воспитания нового поколения. Не исключено, что в Спарте точно так же, как на Крите (Strab., X, 4, 21, р. 483) и в Фивах, считалось приличным для взрослых друзей одаривать полным комплектом вооружения своих младших возлюбленных.

...Ликург, сочтя это позорнейшим явлением, устроил так, что в Лакедемоне влюбленные в мальчиков воздерживались от них...

Ксенофонт писал свой трактат в основном для афинской публики и потому счел нужным защитить спартанцев от обвинений в половой распущенности. Автор «Лакедемонской политики» не мог отрицать очевидного — широкого распространения в среде спартанцев связей между взрослыми мужчинами и юношами. Однако как адвокат Спарты он попытался уверить читателей, что эта форма общения носила чисто платонический характер. В другом своем трактате Ксенофонт восхваляет тех спартанцев, которые, несмотря на страсть, сумели отказаться от любовных отношений

и ограничились похвальной духовной близостью. В его глазах это настоящий подвиг. Так, он хвалит царя Агесилая за отказ от связи с мальчиком, в которого тот был страстно влюблен (Xen. Ages., 5. 4—6), хотя «за его поцелуй отдал бы все сокровища, которые когда-либо видел» (Plut. Ages., 11). Правда, в «Оксиринхской истории» самообладание Агесилая не столь очевидно (Hell. Оху., 16, 4).

Ксенофонт не упоминает каких-либо конкретных санкций за нарушение целомудрия. Плутарх, строго следуя за Ксенофонтом, утверждает, что в Спарте преследовалась телесная страсть, а «человек, обвиненный в позорной связи с мальчиком, на всю жизнь лишался гражданских прав» (Inst. Lac., 7 = Mor., 237 c). Примерно то же самое говорит и Элиан. У него оба партнера приговаривались «к изгнанию, а в иных случаях даже к смерти» (Aelian. V. h., III, 12). Конечно, оба источника — поздние, от классического же периода не сохранилось ни одного свидетельства о наказании в Спарте за «физическую педерастию».

Позиция Ксенофонта в его трактате-апологии понятна, но в условиях казармы, где проводили свою жизнь все спартиаты от мала до велика распространение педерастии было неизбежно. Все свидетельства Ксенофонта апологетического характера находятся в противоречии с имеющимися фактами, сообщаемыми тем же Плутархом и другими авторами. Спартанцы почти не имели практики семейной жизни и мало ценили ее. Все их дружеские и любовные связи завязывались вне дома. Плутарх причисляет спартанцев к народам, наиболее склонным к педерастии (Amator. = Mor., 761 c-d).

В Спарте самые знаменитые пары, связанные подобного рода отношениями, — это, вероятно, Лисандр и Агесилай

(Xen. Hell., III, 3, 1–3; Plut. Lys., 22, 6–13; Ages., 3; Paus., III, 8, 7–10; Nepos. Ages., 1) и — совершенно точно — Архидам и Клеоним (Xen. Hell., V, 4, 25 и 33). В обществах военизированных, с сильно развитой половой сегрегацией, гомосексуальные связи являются обычным явлением. Кроме Спарты такая практика засвидетельствована, например, на Крите (Ephor. ap. Strab., X, 4, 21, p. 483).

Глава III

§ 3

...тот, кто будет уклоняться от этих трудов, не будет допущен к занятию высоких постов (τῶν καλῶν)...

Выражение τὰ καλά, которое здесь мы переводим как «высокие посты», довольно неопределенное. Образовано от прил. καλός (прекрасный, благородный, славный). Применительно к спартанскому обществу τὰ καλὰ означает все то, что относится к воспитанию и жизненному укладу полноправных спартиатов. Это слово может также означать права и блага, которыми обладали спартиаты в силу своего гражданского статуса. Именно в таком значении употребил это выражение Ксенофонт в рассказе о составе войска царя Агесиполида (381 г.): «В его войске было также много добровольцев, очень почтенных людей, из числа периеков, были и иностранцы из числа так называемых «воспитанников», а также дети от брака спартиатов с неспартиатами, люди образцового телосложения и не чуждые тех благ (τῶν καλῶν), которые достаются в удел спартиатам» (Hell., V, 3, 9). Правоммерно поэтому в данном контексте перевести это выражение как «почетная должность» или «высокий пост».

§ 5

Скорее можно заставить заговорить каменные изваяния, чем спартанских юношей... Подростки, приходя в филитии, должны были отвечать только тогда, когда их спрашивали.

Примерно то же самое, но с бóльшей детализацией сообщает Плутарх в биографии Ликурга: «Детей учили говорить так, чтобы в их словах едкая острота смешивалась с изяществом, чтобы краткие речи вызывали пространные размышления... под немногими скупыми словами должен был таиться обширный и богатый смысл, и, заставляя детей подолгу молчать, законодатель добивался от них ответов метких и точных» (Plut. Лус., 19). Уже во времена Геродота спартанцы славилась способностью кратко выражать свою мысль (Her., III, 46). Существует немало изречений, приписываемых спартанцам, в которых демонстрируется это их умение. Самые известные и остроумные высказывания собраны Плутархом в его трактате «Изречения спартанцев». Благодаря спартанцам (лаконцам) краткая и простая форма выражения получила название «лаконизм». К такому способу изложения своих мыслей молодежь приучали с детства. Их тренировали подолгу хранить молчание, избегать общения с иностранцами и как военную тайну скрывать все, что происходило внутри Спарты. Весь воспитательный процесс проходил в обстановке нарочитой засекреченности. Так, подросткам и юношам, еще не ставшим членами сисситий, разрешали, а может быть, даже предписывали присутствовать на общественных обедах, но запрещали говорить о том, что они там слышали. Все это, по словам Плутарха, делалось для того, чтобы заставить молодежь следовать общепринятым нормам поведения

(Plut. Lys., 12; Inst. Lac., 1 = Mor., 236 f). Хотя молодые люди еще не были членами сисситий, возможно, по аналогии с Критом (Athen., IV, 143 с), их принято было угощать, хотя и весьма скромно.

Список гармостов см.: Bockisch G. 'Αρμοσταί (431—387) // Klio. Bd. 46. 1965. S. 236—239.

Глава IV

§ 2

Ликург исходил из тех соображений, что хоры (χοροὺς) наиболее приятны для слушателей... у тех народов, для которых особенно характерна любовь к соревнованию.

Часто Ксенофонт связывает любовь к соревнованиям, филоникию, с хоровыми представлениями, в которых, по его мнению, соревновательный момент был развит в высшей степени (Memorab., III, 4, 3; Hier., 9, 6; Hipparch., 1, 26). Спартанские хоры восходят к VII в. О них писали уже Терпандр и Пиндар (Plut. Lys. 21). Два спартанских праздника, Гимнопедии и Гиакинфии, были знамениты в том числе благодаря своим хоровым представлениям (Xen. Hell., IV, 5, 11; VI, 4, 16). Эти праздники просуществовали вплоть до поздней античности.

Единственным гуманитарным предметом, изучение которого всячески поощрялось в Спарте, была музыка. Мальчиков обучали хоровому пению и обращению с такими музыкальными инструментами, как кифара и флейта. Репертуар хоров соответствовал духу государства и призван был на эмоциональном уровне воспитывать в молодежи

глубокое чувство патриотизма и единения с товарищами по оружию. Хоровое пение, наиболее консервативное из всех видов музыкального искусства, служило еще одной цели — воспитанию в молодых людях чувства безусловного уважения к своим отцам и дедам путем фиксирования заслуг старшего поколения перед государством. Об идеологической составляющей музыкального образования спартанцев прекрасно сказано у Плутарха в биографии Ликурга: «Пению и музыке учили с не меньшим тщанием, нежели четкости и чистоте речи, но и в песнях было заключено своего рода жало, возбуждавшее мужество и понуждавшее душу восторженным порывам к действию. Слова их были просты и безыскусны, предмет — величав и нравоучителен. То были в основном прославления счастливой участи павших за Спарту и укоры трусам, обреченным влачить жизнь в ничтожестве, обещания доказать свою храбрость или — в зависимости от возраста певцов — похвальба ею» (Plut. Lyc., 21).

Музыка и пение были для спартиатов наследием предков, которое они тщательно культивировали. На это часто обращали внимание древние писатели, которых удивляло, что столь малообразованный в остальных отношениях народ достиг прекрасных результатов в этом искусстве. Так, согласно Афиней, «спартанцы из всех греков лучше всего сохранили музыкальное искусство, потому что они очень много практиковались в нем» (Athen., XIV, 632 f.). Плутарх также отмечает эту особенность образования спартанцев. По его словам, даже такие знаменитые поэты, как Терпандр и Пиндар, «изображают спартанцев одновременно и самым музыкальным и самым воинственным народом» (Lyc., 21, 4). В эпиграмме Иона Самосского,

высеченной на пьедестале статуи Лисандра в Дельфах, Спарта названа «городом прекрасных хоров»⁸. В хоровом пении принимали участие все спартиаты. Во время военных кампаний армейские подразделения каждый вечер пели вместе военные песни, пеаны.

...любовь к соревнованию (φιλονικία).

Одна из любимых тем Ксенофонта — роль соревновательного момента в воспитании и обучении воинов. По его мнению, хороший полководец всегда старается организовать соревнования между отдельными армейскими подразделениями, культивируя в своих воинах дух соперничества и страсть к победе. Большое значение Ксенофонт придавал и наградам за победу в соревнованиях (Hell., III, 2, 10). В «Греческой истории» он с воодушевлением описывает методы царя Агесилая по повышению боеспособности своей армии: «Желая приучить его (войско. — Л. П.) к военным упражнениям, он назначил награды тем из тяжеловооруженных отрядов, у которых окажется наилучшая военная выправка, и тем из конных, которые лучше всех владеют конем. Он назначил награды также тем из пельтастов и стрелков, которые исполняли лучше других свое назначение. Поэтому гимнасии наполнились упражняющимися, ипподром — обучающимися в верховой езде, а метатели дротиков и стрелки целый день упражнялись в своем деле» (III, 4, 16).

⁸ О музыкальной культуре Спарты см.: Зайков А. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 5–15.

Тема соревнований и наград за победу в них развита им в «Киропедии» (II, 1, 22–24; VII, 1, 18; VIII, 2, 26). Так, Кир Старший, «зная, что воины охотнее занимаются на учениях, когда между ними возникает соревнование, учредил состязания по всем видам боевой выучки, в которой совершенствуются воины» (Сугор., II, 1, 22).

Спартанская любовь к соревнованию и соперничеству стала общим местом в сочинениях древних (Plat. Alc. I., 122 с). Плутарх в жизнеописании Лисандра говорит, что «честолюбие и жажда победы были прочно внушены Лисандру лаконским воспитанием», а вовсе не являлись его природными свойствами (Lys., 2, 2). В Спарте состязания сопровождали жизнь любого гражданина с детства и до самого преклонного возраста. Общество, проповедовавшее экономическое и социальное равенство своих граждан, культивировало их физическое и духовное неравенство. Ксенофонт в «Лакедемонской политике» эту особенность менталитета спартанцев объясняет их «любовью к соревнованию» и одобрительно отзываясь о соперничестве между ними как «в высшей степени угодное богам и возбуждающее гражданские чувства в людях» (4, 5). В Спарте даже выборы в корпус «всадников» (4, 3–5) и герусию происходили в форме своеобразного состязания (Plut. Lys., 26). Правда, в отличие от Ксенофонта, у других авторов излишнее честолюбие спартанцев и их любовь к соревнованию часто становились предметом осуждения (Arist. Pol., II, 6, 19, 1271 а), ибо, по словам Плутарха, «слишком далеко идущее соревнование вредит государству и приносит много бедствий» (Ages., 5).

...соревнование между юношами ради доблести (περί ἀρετῆς)...

Арете (ἀρετή — добродетель, доблесть) здесь, как уже у Тиртея (fr. 12, 11–14 Bergk), — это воинская доблесть, т. е. особого рода добродетель, имманентным свойством которой является решимость принести себя в жертву ради спасения отечества. Аристотель называет воинскую доблесть только частью добродетели, которую спартанцы культивировали, «так как она полезна для приобретения господства» (Pol., II, 6, 22, 1271 b). Такая добродетель в высшей степени присуща спартанцам. По словам Плутарха, «лакедемонский законодатель бросил в свое государство как бы зажигательное средство для добродетели в виде честолюбия и соперничества, желая, чтобы спор и соперничество всегда существовали в среде лучших граждан» (Ages., 5, 5).

§ 3

Эфоры выбирают из людей, достигших зрелости, трех человек, которые называются гиппагретами. Каждый из них набирает (καταλέγει) в свой отряд по 100 человек...

Гиппагреты (ἵππαγρέται — досл. «начальники конницы») впервые с полной определённой упомянуты здесь и в «Греческой истории» (Xen. Hell., III, 3, 9). Три гиппагрета, вероятно, ежегодно выбирались или назначались эфорами и являлись военными магистратами, подчиняющимися дома эфорам, а на войне — царям. Они возглавляли элитарный отряд из 300 «всадников», куда входили молодые люди от 20 до 29 лет, принадлежавшие «к самым славным домам» Спарты (Dionys. Hal., II, 13, 1). Корпус

«всадников» был особым подразделением спартанской армии. К спартанской коннице он не имел никакого отношения. Название сохранилось еще от тех стародавних времен, когда ядро войска составляла аристократическая конница. Очевидно, первоначально каждая из трех дорийских фил должна была выставять по сотне всадников. Это традиционное деление осталось неизменным и в классической Спарте. Во время военных действий корпус «всадников» сражался рядом с царем (Thuc., V, 72, 4), правда, не всегда в полном составе. По-видимому, обычно в качестве царских телохранителей выступала только одна «центурия» во главе с гиппагретом (Her., VI, 56). Этот особый отряд в отличие от обычной армии никогда не распускался.

Как подразделение быстрого реагирования корпус «всадников» в основном действовал внутри Спарты — в качестве полицейской силы для подавления внутренних смут в государстве (Xen. Hell., III, 3, 9), но при необходимости мог быть мобилизован и направлен на фронт (Thuc., V, 72, 4). Сюда на конкурсной основе попадали те молодые спартиаты, которые уже сумели проявить себя (Plut. Lys., 25, 6). Возможно, существовали особые списки, куда заносились кандидаты, и гиппаглеты производили набор, руководствуясь именно этими «каталогами». «Всаднический корпус, сохранивший традиционное наименование *κόροι*, продолжал существовать в Спарте как единственная признанная законом корпорация сверстников, вступление в которую являлось для знатной молодежи началом политической карьеры»⁹.

⁹ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004. С. 219.

§ 6

...каждый прохожий имеет право разнять дерущихся. Если кто отказывается повиноваться разнимающему их, того педоном ведет к эфорам.

Следуя Ксенофону, можно сделать вывод, что в Спарте взрослые проявляли необычайный интерес к процессу воспитания молодежи и в отсутствие соответствующих магистратов брали воспитательные функции на себя.

В рамках своей цензорской власти эфорам принадлежал высший надзор за воспитанием юношества, в чем принимали участие и другие магистраты, непосредственно подчиненные эфорам. Особенно строптивых и недисциплинированных юношей педономы отводили к эфорам, которые подвергали их суровому наказанию, добиваясь того, чтобы у них «гнев никогда не брал верх над уважением к законам». Особенно тщательному надзору со стороны эфоров подлежали ирены, т. е. те воспитанники, которые уже вышли из детского возраста и заканчивали свое обучение в спартанских школах-казармах. Для иренов характерен был двойственный статус: они еще находились под надзором педономов, но, как и взрослых граждан, подвергать наказанию их могли уже только эфоры. Эфоры также регулярно проверяли их физическое состояние и внешний вид. По словам Элиана, «эфебам полагалось каждые десять дней голыми показываться эфорам. Если они были крепки и сильны, словно высеченные из камня, благодаря телесным упражнениям, то удостоивались одобрения. Если же эфоры замечали в них следы дряблости и рыхлости, связанные с наросшим от недостатка трудов жиром, юноши подвергались телесному наказанию. Эфоры ежедневно осматривали их одежду, следя, чтобы все в ней соответствовало установленным предписаниям» (Aelian. V. h., XIV, 7).

§ 7

...прекраснейший обычай — заниматься охотой...

Письменные и археологические свидетельства подтверждают, что охота культивировалась в Спарте уже в архаический период. Охота была предметом обсуждения в сисситиях, а совместная охота укрепляла дружеские связи (Хен. Нелл., V, 3, 20). Для спартанцев охота была единственным видом досуга, который поощрялся властями, поскольку подобная деятельность рассматривалась как важная часть военной подготовки. Тесная связь охоты с военным делом в Спарте подтверждается тем, что именно Артемиде Агротере (Охотнице) приносили жертвы перед битвой. В «Киропедии» Ксенофонт характеризует охоту как лучшее упражнение в военных делах, особенно в искусстве верховой езды (VIII, 1, 34). Только пребывание на охоте и совершение жертвоприношений освобождали спартанцев от обязательного посещения сисситий. Убитые на охоте животные составляли значительную часть рациона спартанцев (Plut. Лус., 12). Удачливые охотники пользовались особым уважением в кругу своих сотрапезников. В своих сочинениях Ксенофонт неоднократно рекомендует гражданам заниматься охотой. По его мнению, это лучшее средство для подготовки к военной деятельности, ибо «охота представляется... занятием, более всего похожим на войну» (Сугор., I, 2, 10). Насколько большое значение придавал Ксенофонт охоте, видно из того, что он посвятил этому вопросу специальный трактат — «Об охоте». Особую ценность в глазах Ксенофонта охота имела еще и потому, что она считалась по преимуществу аристократическим времяпровождением.

Глава V

§ 2

...Ликург сделал публичными их совместные обеды (τὰ συσκήνια)...

Объединяющим началом для всех взрослых спартиатов было членство в сисситиях (τὰ συσσίτια — «совместное питание», «общий стол»). Кроме этого генерализующего термина употреблялись также следующие синонимы: андрия, фидития, филития или, как здесь, сюскения (досл. «обитание в одной палатке», т. е. за общим столом). Ксенофонт в ЛП употребляет параллельно два термина для обозначения сисситий: φιλίτια (филития) (3, 5) и συσκήνια (сюскения) (5, 2). Последний термин (συσκήνια), — очевидно, спартанский. На это может указывать глосса Гезихия, в которой слово συσκήνια имеет дорийскую огласовку (α вместо η) — συσκάνια. Для классического периода этот термин зафиксирован только здесь, в ЛП. Оба термина — и φιλίτια и συσκήνια — характеризуют особый тип отношений между членами сисситий: отряд воинов-друзей, живущих и столующихся в одной палатке (φίλιος — досл. «дружеский»; σύσκηρος — досл. «сосед по палатке», перен. «сотрапезник или сотоварищ»).

Участие в сисситиях воспринималось как знак принадлежности к числу «равных». В Спарте каждый гражданин ежемесячно должен был поставлять для сисситий строго фиксированное количество продуктов и денег. Плутарх (Лус., 12, 3) и Дикеарх Мессенский (Dicaearch. ap. Athen., IV, 141 а-с) приводят их перечень. Установление твердой нормы взносов традиция приписывает Ликургу. Сисситии были центром общественной жизни Спарты. Руководство

над ними осуществляли эфоры. Согласно описанию Плутарха, новые члены попадали в сисситии отнюдь не автоматически. Каждый участник сисситий обладал правом вето, ограничивая тем самым круг возможных претендентов. Плутарх подробно объясняет, как действовала эта избирательная система (Лус., 12, 9–11). Описанный механизм был надежным залогом сохранения аристократических традиций внутри общества с сильно выраженными уравнительными принципами. Семейные связи могли играть определенную роль при выборе новых членов. Самыми аристократическими и наиболее закрытыми для рядовых граждан были те обеденные клубы, среди членов которых были цари и геронты.

В каждую сисситию, а их было около пятнадцати (Plut. Лус., 12, 3), входили представители разных возрастных групп. Благодаря такому смешению возрастов молодые люди попадали под строгий контроль более пожилых граждан. В этой организации культивировался дух воинского братства. Мнение узкого круга сотрапезников для любого члена сисситии было настолько значимо, что полностью определяло стиль его поведения. Сисситии способствовали закреплению определенных ценностных установок и выработке чувства групповой идентичности. На основе подобного самосознания в Спарте успешно формировалась массовая военная элита. Благодаря совместным трапезам ее участники начинали чувствовать себя в некотором роде братьями, словно члены средневекового рыцарского ордена, которые стали так себя называть уже официально. Отдельные сисситии конкурировали между собой. В условиях слабости семейных связей сисситии заменяли спартанцу семью, являясь, по сути дела, ее эрзацем.

Сисситии не были изобретением спартанцев. Подобные обеденные клубы существовали в целом ряде греческих и даже варварских общин: в Италии (Arist. Pol., VII, 9, 2, 1329 b), Карфагене (II, 8, 2, 1272 b), на Липараских островах, где поселились книдяне и родосцы (Diod., V, 9, 1–4), в Мегарах (Theogn. 309 Bergk), а также, возможно, как свидетельствует Платон (Leg., I, 636 b), в Милете, Беотии и Фуриях. Нельзя исключить, что отдельные сисситии в условиях войны были самым мелким военным подразделением (Her., I, 65, 6; Polyae., II, 3, 11).

§ 3

Пищу он предписал им употреблять в таком количестве, чтобы чрезмерно не пресыщаться, но и не испытывать в ней недостатка.

Спартанская идея воздержания заключена в выражении μηδὲν ἄγαν, т. е. «ничего слишком», которое приписывают знаменитому эфору Хилону. Об умеренности спартанцев в еде и питье говорит Критий:

Жизни уклад равномерный спартанских мужей отличает,
Есть они могут и пить в полном согласье с трудом,
Также и с разумом твердым. Особый у них не назначен
День для того, чтоб вином тело без меры грузить

(фр. 3, 26–28 / Пер. Р. Златинского)¹⁰.

Скромность спартанского обеда была широко известна уже со времен Геродота (IX, 82). Царю Агесилаю приписывали наряду с прочими спартанскими добродетелями

¹⁰ Текст приводится по изд.: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. М., 1999.

строгий контроль как за собственным питанием, так и за питанием своих солдат (Theopomp. ap. Athen., XIV, 657 b-c; Plut. Ages., 36, 10; Apophth. Lac., 2, 24 = Mor., 210 c). Однако Аристофан, будучи противником Спарты и всего спартанского, высмеивал афинских лаконофилов, которые, подражая спартанцам, «ходили... голодные...» (Av., 1282–83).

...а богатые (οἱ δὲ πλούσιοι) люди приносят иногда и пшеничный хлеб...

Греки употребляли обычно ячменный хлеб. Пшеничный, или белый хлеб (ἄρτος), был более дорогим, он часто выпекался из привозного зерна. Это сообщение Ксенофонта полностью совпадает с наблюдением Аристотеля, что пшеница была неизвестна в Спарте и что спартанцы использовали в основном продукты из ячменя (fr. 611, 13 Rose). Но уже Алкман (fr. 19 PMGF) упоминает белый хлеб. В Афинах во времена Солона белый хлеб считался дополнительным блюдом, подаваемым во время праздников (Athen., IV, 137 e).

Дополнения к основному обеду, одинаковому для всех, складывались обычно из двух компонентов: охотничьей добычи и пожертвований богачей. В качестве таких добровольных пожертвований Дикеарх перечисляет рыбу, зайцев и голубей (Dicaearch. ap. Athen., IV, 141 c). О дополнительных взносах богатых сообщают также Сфер и Мольп (Sphaer. ap. Athen., IV, 141 c; Molpis ap. Athen., IV, 141 d-e). Ксенофонт и Плутарх пишут, что богатые соотрапезники, кроме положенных взносов, добавляли к общему столу мясо и пшеничный хлеб (Plut. Lys., 12). В этом сказывалась тенденция, характерная для любого греческого полиса, — благотворительность богачей по отношению

к своим малоимущим согражданам. В Спарте дотации к столу стали основной формой литургий. Подобные дополнительные натуральные взносы служили прославлению имени дарителя и таким образом были источником создания иерархической структуры внутри каждой сисситии. Согласно определению Персея, сиссития представляла собой «маленькое государственное установление», где строго определено, «кому возлежать за столом первым, кому вторым, а кому сидеть на скамье» (Persaeus ap. Athen., IV, 140 f / Пер. Н. Т. Голинкевича).

Ксенофонт не отрицает того факта, что в Спарте были богатые люди. Но, по его мнению, они охотно исполняли свой долг по отношению к менее обеспеченным согражданам, уделяя им часть продуктов сверх установленной нормы. Конечно, несмотря на государственные лозунги «равенства и братства», в Спарте, как в любом греческом полисе, задолго до Ксенофонта существовали богатые и бедные. Судя по данным просопографии, большинство спартанцев, участвовавших в конных агонах в Олимпии, были представителями знатных и богатых семей (Paus., VI, 1, 7: Анаксандр, олимпионик 428 г., и его дед, также олимпионик; VI, 2, 1—2: Аркесилай и его сын Лихас; VI, 1, 7; 12, 9; X, 34, 8: Поликл с сыновьями). Таким образом, для имущих спартанцев участие в конных ристалищах стало чем-то вроде семейной традиции. Согласно Геродоту, содержание лошадей — неизменный знак большого богатства (VI, 125).

§ 4

А что касается питья, то Ликург, положив конец излишним попойкам... позволил каждому пить лишь для удовлетворения жажды...

Источников об отношении спартанцев к вину немного, но среди них есть и те, которые относятся к архаическому периоду. Так, уже Алкман упоминает о виноградарстве в Спарте (fr. 92 PMGF). На архаических лаконских вазах сохранились изображения симпосиев. От периода классики дошло свидетельство о пьянстве царя Клеомена: будто бы он, «общаясь со скифами, научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие» (Her., VI, 84). Спартанцы, по-видимому, пили вино перед битвой (Xen. Hell., VI, 4, 8). Но в целом традиция свидетельствует скорее о сдержанности спартанцев в потреблении вина (Plat. Leg., 637 a-b). По словам Платона, спартанцы научились воздержанности в винопитии у критян, которым Минос «запретил совместную попойку до опьянения» (Min., 320 a). О нормированном потреблении вина в спартанских сисситиях с похвалой отзывался современник Ксенофонта Критий (Athen., X, 432 d; XI, 463 f). По словам Крития, манера пить вино у спартанцев была иной, чем у прочих греков: каждый пил из одного и того же килика, очевидно, не больше определенной нормы¹¹. Позднее циркулировали многочисленные анекдоты о спартанской умеренности в питье по сравнению с прочими греками (Plut. Apophth. Lac., 13 = Mor., 232 f-233 a; 240 d; Aelian. V. h., II, 15).

В качестве «наглядной агитации» за трезвый образ жизни спартанским юношам показывали пьяных, неопрятных илотов, чтобы воспитать в гражданской молодежи глубокое

¹¹ «Этот обычай, его соблюдение принято в Спарте:

Кубок вина на пиру только один выпивать»

(Критий, фр. 3. 1—2 / Пер. Р. Златинского.

Цит. по изд.: Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э.).

отвращение к пьянству. По словам Плутарха, спартанцы «заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодежи, что такое опьянение» (Лус., 28). Внушение презрения и отвращения к илотам как существам низшего порядка было одним из обязательных воспитательных моментов спартанской образовательной системы. С точки зрения правящего класса, непристойное поведение за столом — черта, характерная для низших слоев общества. В своих наставлениях знатному юноше Феогнид призывает его вести себя за столом так, чтобы не уподобляться подлой черни: «Из-за стола поднимайся, пока допьяна не напился, чтоб не блевать за столом, словно поденщик иль раб» (Theognis, 485 sq. Bergk / Пер. В. Вересаева).

§ 5

...Ликург же в Спарте смешал <...> [возрасты так, что] молодежь (τοὺς νεωτέρους) воспитывается под сильным влиянием опыта старшего поколения.

Употребление здесь термина οἱ νεώτεροι (сравн. ст. от прилаг. νεός — молодой, юный) вместо специфически спартанских терминов παῖς, παιδίος и ἡβών (мальчик, подросток и юноша) не случайно. Этот нейтральный термин охватывает все группы молодежи. По-видимому, Ксенофонт полагал или точно знал, что сисситии были доступны всем возрастным группам. Тот факт, что сисситии были открыты для мальчиков, подтверждает и Афиней (IV, 140 d).

Ксенофонт считал принципиально важным моментом деятельное участие старшего поколения в воспитании молодежи. С этой целью, по его словам, в Спарте подросткам

разрешали присутствовать на общественных обедах, дабы они могли слушать поучительные для них разговоры взрослых. Главной темой обеденных бесед были воспоминания о подвигах предков и о тех почестях, которые они за это получали. Плутарх дополняет рассказ Ксенофонта, также указывая на смешение возрастов в сисситиях (Лус., 12, 6). По его словам, в сисситии детей приводили «точно в школу здравого смысла, где они слушали разговоры о государственных делах, были свидетелями забав, достойных свободного человека, приучались шутить и смеяться без пошлого кривляния и встречать шутки без обиды» (Лус., 12, 6). В таком морально-нравственном климате вырабатывались поведенческие стереотипы: молодежь проникалась уважением к старшему поколению, органически воспринимая модель поведения, гарантирующую им успешную карьеру внутри спартанского социума. А старики имели возможность даже в самом преклонном возрасте сохранять важные для них социальные связи, посещая хотя бы изредка обеденные клубы. После шестидесяти лет спартанцы, скорее всего, освобождались от обязанности ежедневно столоваться в сисситиях, но за ними, вероятно, сохранялось право их время от времени посещать. Сисситии были центральным местом в Спарте, где старшее поколение передавало свой опыт молодежи.

§ 7

...ибо не позволяется ходить с факелом тому, кто еще является военнообязанным.

Во многих труднообъяснимых нормах поведения спартанцев явно присутствует церемониально-игровой момент. К таким, в частности, относится требование к уже взрослым

спартиатам возвращаться из сисситий домой в темноте, не зажигая факелов. Ходьба в темноте без света представлена здесь как часть военной тренировки. Плутарх разъясняет, что это делалось для того, чтобы приучить спартанцев «уверенно и бесстрашно передвигаться в ночной темноте» (Лус., 12, 14).

Из этого параграфа следует, что спартиат, посещающий фидитий, считался военнообязанным (ἐμφοῦρος). Продолжительность военной службы в Спарте равнялась, по словам Ксенофонта (Hell., VI, 4, 7), сорока годам, считая от наступления совершеннолетия (τέτταράκοιτα ἄφ' ἡβης). Таким образом, верхней возрастной границей для пребывания спартиата в составе фидития можно считать 60 лет. Плутарх (Лус., 26), правда, рассказывает, что члены герусии продолжали посещать свои фидитии и получали там двойную порцию. Геронты, возможно, сохраняли в фидитиях права «почетных членов», не участвуя, однако, в систематических обедах¹².

Глава VI

§ 1

...Ликург... предоставил каждому одинаково распоряжаться как своими детьми, так и чужими.

Несмотря на общественное воспитание отцы принимали участие в воспитании как своих, так и чужих сыновей. Плутарх повторяет утверждение Ксенофонта, что

¹² Андреев Ю. В. Мужские союзы... С. 124 и примеч. 43.

воспитание детей находилось в руках всех отцов-спартиатов (Lyc., 17, 1; Inst. Lac., 11–12 = Mor., 237 d-e). Трудно сказать, является ли эта информация исторической и действительно характерной для Спарты. В идеальном государстве Платона старшему поколению было предписано совместно руководить молодыми людьми и наказывать их за проступки (Resp., V, 465 a).

§ 3

Он также разрешил пользоваться чужими рабами (οἰκέταις)...

Под ойкетами, или домашними рабами, в данном контексте имеются в виду по большей части илоты. Служба илотов в домах спартиатов не была редким явлением. Из данного отрывка можно сделать вывод, что Ксенофонт считал домашних рабов частной собственностью своих господ. Илоты в качестве домашних слуг находились, скорее всего, в привилегированном положении по сравнению с илотами, привязанными к клерам.

Он придумал и общность охотничьих собак...

Ксенофонт здесь говорит о праве менее обеспеченных спартиатов пользоваться собаками своих зажиточных соседей. При повсеместном увлечении спартанцев охотой это важная составляющая часть спартанских литургий. Содержание охотничьих собак, как и лошадей, было знаком принадлежности к богатым и знатным слоям общества. Так, например, царь Агесилай «держал своры охотничьих собак и разводил породистых, годных к военной службе лошадей (Xen. Ages., 9, 6). «Высокий престиж обладания лошадьми и породистыми собаками был характерен для

аристократической культуры»¹³, но спартанское государство, не запретив своей аристократии владеть этими предметами роскоши, заставило делиться ими с менее обеспеченными согражданами. Это было одно из многочисленных средств, к которым прибегали в Спарте для поддержания спокойствия внутри гражданского коллектива.

Точно так же они пользуются и лошадьми...

Здесь лошади упоминаются только как транспортное средство. Ксенофонт ничего не говорит о конях в связи с охотой или войной. Это объясняется тем, что охотились в Спарте, скорее всего, без применения лошадей, а на военное дело совместное владение лошадьми вообще не распространялось. В «Греческой истории» Ксенофонт рассказывает, что содержании лошадей «поручалось богатейшим из граждан», которых обязывали поставлять их для спартанской конницы (Hell., VI, 4, 11; Ages., 9, 6).

§ 5

При таком взаимном обмене услугами, у них даже те, кто обладают незначительной собственностью, в случае нужды в чем-либо имеют долю во всем том, что производит страна.

Ксенофонт намеренно избегает употреблять слово πένητες, т. е. «бедные люди», «бедняки». Он стремится создать впечатление у читателя о наличии социальной гармонии среди спартанцев, хотя и не отрицает самого факта их экономического неравенства. Аристотель более правдив, когда

¹³ Карпюк М. Г. Персидская роскошь в демократических Афинах // ВДИ. 2012. № 3. С. 61.

называет неимущих спартанцев «бедняками» (πένητες) (Pol., II, 6, 13, 1270 b).

В этой главе Ксенофонт описывает формы благотворительности богатых в отношении бедных, принятые в Спарте. Имущим гражданам приходилось считаться с главной национальной идеей своего государства — провозглашенным еще Ликургом всеобщим равенством. Возведенная в ранг гражданской добродетели благотворительность являлась по существу примитивной формой литургии, которую государство возложило на имущую часть своих граждан. Пресс общественного мнения в Спарте был настолько велик, что граждане вполне добровольно соглашались уделить часть своего состояния (в разных формах) своим менее удачливым согражданам. Частичное перераспределение собственности способствовало сохранению внутреннего мира и согласия внутри коллектива граждан.

Глава VII

§ 2

В Спарте же Ликург запретил свободным людям касаться чего-либо, имеющего отношение к погоне за наживой...

Судя по контексту, под свободными людьми Ксенофонт явно имеет в виду полноправных спартиатов. Он их называет свободными, в отличие от илотов, явно несвободных. Периеки в этой схеме им, по-видимому, вообще во внимание не принимались.

Вся образовательная и воспитательная система в Спарте была направлена исключительно на формирование военных

навыков. При этом надо учесть, что любая другая профессиональная деятельность, кроме военной, была запрещена и считалась абсолютно невозможной для полноправных граждан (Plut. Lys., 24, 2; Apophth. Lac., 2, 72 = Mor., 214 a; Inst. Lac., 41 = Mor., 239 d; Aelian. V. h., VI, 6). Ксенофонт приписывает это запрещение Ликургу, но мы можем только предполагать, когда оно на самом деле возникло и насколько строго соблюдалось. Вероятнее всего, «запрет на профессию», как и многие другие подобные акты, связан с именем эфора Хилона (сер. VI в.).

В трактате «О хозяйстве» Ксенофонт объясняет, почему в государствах подобных Спарте представляется разумным запрещение любой деятельности, имеющей отношение к ремеслу: во-первых, занятие ремеслом наносит вред здоровью, а во-вторых, ремесленники — плохие солдаты, так как у них нет времени заниматься военным делом и они не могут в случае войны оказать достойную помощь своему отечеству. «Поэтому, — заключает Ксенофонт, — в некоторых городах, особенно в городах славящихся военным делом, ни один гражданин не имеет права заниматься ремеслом» (Хен. Оес., 4, 2—4 / Пер. Г. А. Янчевецкого). В том же духе высказывается и Аристотель, утверждая, что ремесленные занятия «лишают людей необходимого досуга и принижают их» (Pol., VIII, 2, 1, 1337b). О презрении спартанцев к физическому труду и ремеслу говорит и Геродот (II, 167).

В Спарте основные очаги ремесла и торговли были вынесены за пределы города и расположены в местах проживания периеков и илотов. Для спартанца считалось позорным проявление какого-либо интереса к делам, непосредственно не связанным с военной службой или подготовкой к ней.

В течение столетий спартиатам внушалась мысль о невозможности каких-либо манипуляций с землей, и воспитывалось презрение к любой торговой деятельности (Plut. Inst. Lac., 23 = Mor., 238 f). Даже посещение рынка в глазах общественного мнения выглядело делом, недостойным гражданина. По словам Плутарха, под запретом были даже темы разговоров, связанные с торговлей или наживой (Lys., 25, 3–4).

§ 3

...разве богатство может быть предметом серьезных устремлений...

Конечно, усиленное «промыывание мозгов» идеями равенства не могло полностью подавить стремления граждан к богатству. В источниках довольно часто упоминается жадность как черта имманентно присущая спартиатам. Так, Исократ осуждает их жадность, своекорыстие и праздность (XI, 20; XII, 241). Аристотель утверждает, что Ликург сделал государство «бедным денежными средствами, а частных лиц — корыстолюбивыми» (Pol., II, 6, 23, 1271 b). Оба философа говорят об огромных богатствах, попавших в руки спартиатов после Пелопоннесской войны, и об обогащении элиты (Plat. Alc. I., 122 e-123 a; Arist. Pol., II, 6, 6, 1269 b). Ксенофонт, конечно, знал о богатстве, скопившемся в Спарте, и принимал его как свершившийся факт. Но страсть к богатству была в глаза Ксенофонта качеством, недостойным истинных спартиатов и даже заслуживающим запрещения, поскольку оно служило распушенности и падению нравов. Эта точка зрения амбивалентна. С одной стороны, Ксенофонт — землевладелец и аристократ, для которого богатство — гарантия достойной жизни; с другой стороны,

он — ученик Сократа, который считал богатство и борьбу за него абсолютно ненужным и пустым делом (Хен. Memorab., IV, 1, 5; 2, 35–39).

...он, установив равные взносы на обеды...

В Спарте каждый гражданин ежемесячно должен был поставлять для сисситий строго фиксированное количество продуктов и денег. Плутарх приводит их перечень: «Каждый сотрапезник приносил ежемесячно медимн¹⁴ ячменной муки, восемь хоев¹⁵ вина, пять мин¹⁶ сыра, две с половиной мины смокв и, наконец, совсем незначительную сумму денег для покупки мяса и рыбы» (Лус., 12, 3). Неимущие члены гражданского коллектива лишались права посещать коллективные обеды и тем самым — части своих гражданских прав, попадая в разряд гипомейонов. Аристотель считал неправильным и опасным для государства спартанский принцип финансирования сисситий: «Ведь участвовать в сисситиях людям очень бедным нелегко, между тем как участие в них, по унаследованным представлениям, служит показателем принадлежности к гражданству» (Pol., II, 6, 21, 1271a 35–37).

§ 5

...он ввел такую монету, что появление в доме даже 10 мин никогда не осталось бы скрытым ни от хозяев, ни от рабов, поскольку для этих 10 мин потребовалось бы много места и целая телега для перевозки.

¹⁴ Аттическая мера сыпучих тел, равная 52,53 л.

¹⁵ Мера жидкости, равная 3,28 л.

¹⁶ Мера веса, равная 436,6 г.

Плутарх, взяв за основу Ксенофонта, рисует примерно такую же картину: Ликург «одолел алчность и корыстолюбие косвенными средствами... Во-первых, он вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, оставив в обращении только железную, да и той при огромном весе и размерах назначил ничтожную стоимость, так что для хранения суммы, равной десяти минам, требовался большой склад, а для перевозки — парная запряжка» (Лус., 9, 1–2). В жизнеописании Лисандра Плутарх подробно описывает, что это были за деньги: «То были деньги из железа... деньги эти при большом весе и размерах имели весьма малую стоимость, были очень тяжелы, их было трудно переносить с места на место. По-видимому, обычай пользоваться в качестве денег железными или медными палочками в форме вертела был очень древним» (Лус., 17, 4–5). Павсаний в своем рассказе о царе Полидоре (2-я пол. VII в.) поясняет, что «тогда не было ни серебряной, ни золотой монеты, но по древнему обычаю платили быками, рабами или необделанными кусками серебра и золота» (III, 12, 3). Однако у Ксенофонта, в отличие от поздних авторов, ничего не сказано о том, что деньги были железными и что до железных денег использовали серебро и золото. Не совсем ясно, отражает ли информация о хождении железных денег Ликургов идеал простого образа жизни или еще домонетарную историческую эпоху.

Спартанские власти упорно стремились сохранить в неприкосновенности неудобные железные деньги, которые подходили только для внутреннего употребления, были абсолютно неконвертируемы и являлись одним из элементов «железного занавеса» (Polyb., VI, 49, 8). Это делалось совершенно сознательно для увековечивания существую-

щих социально-экономических отношений. Сама идея железных денег заключалась в том, чтобы изолировать спартанскую экономику. Согласно традиции железные деньги ввел Ликург. Ксенофонт первым указал на их громоздкость и огромный вес: 10 мин весят примерно 7,5 кг. Обозначением железной денежной единицы был термин пеланор. Спартанские деньги представляли собой плоские железные слитки. Спартанцы утвердили пеланоры в качестве законного платежного средства. Правда, в источниках не сохранилось ни одного свидетельства об использовании железных денег в какой-либо сделке. Железные деньги в Спарте, являющиеся по сути дела квазиденьгами, можно рассматривать как компонент идеологической системы¹⁷.

Лакония имела свои собственные ресурсы железа. Железные деньги в форме вертелов были найдены в святилище Артемиды Орфии — они датируются геометрической или архаической эпохами. Способ изготовления таких железных вертелов описан Плутархом (Лус., 9, 3; Lys., 17, 4). Полагают, что подобный метод нереален, и Плутарх, вернее его источники, были дезинформированы на этот счет. Спарта стала чеканить собственную монету не ранее 265 г. до н. э.

§ 6

Более того, тщательно разыскиваются также золотые и серебряные монеты, и если где они обнаружатся, владельцу наказывается.

¹⁷ О железных деньгах см.: *Фигейра Т. Дж.* Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 5–28.

В конце Пелопоннесской войны начался приток денежных богатств в Спарту. В начале IV в. Спарта считалась самой богатой страной в Греции, второй после Персии (Plat. Alc. I., 122 d-e). Перемены в финансовом состоянии страны повлекли за собой и перемены в законодательстве. Ведение активной внешней политики и содержание постоянного военного корпуса за границей требовали очень много денег. В связи с этим государство уже не могло довольствоваться старой денежной системой и столь же строго, как раньше, осуществлять финансовый контроль над своими гражданами. Несмотря на традиционное для Спарты неприятие всякой коммерческой деятельности и, соответственно, враждебное отношение к деньгам, сразу же после Пелопоннесской войны было принято решение, частично снявшее запрет с золотой и серебряной монеты. Это означало, что власти наконец признали абсурдность дальнейшего употребления архаичных национальных денег — тяжелых железных прутьев, — которые тормозили любые торговые операции и делали Спарту в глазах внешнего мира экономическим «зазеркальем».

Правда, и тут спартанские власти остались верными себе, введя государственную монополию на использование иностранной валюты: «Постановлено было... ввозить эти деньги только для государственных надобностей; если же они оказывались во владении частного лица, за это была определена смерть» (Plut. Lys., 17). Принятие закона именно в такой форме еще раз показывает, что в Спарте баланс интересов личности и государства всегда разрешался в пользу государства. Частным лицам за обладание золотой и серебряной монетой грозила смертная казнь. Однако известен только один случай, когда этот закон был применен:

так, эфоры казнили Форака, одного из друзей Лисандра, «обвиненного в присвоении себе денег» (Plut. Lys., 19, 4). Геродот и Фукидид не знали о подобном запрете, и многие граждане владели иностранной валютой как до, так и во время Пелопоннесской войны. Вероятно, этот закон действительно был принят, но имел не столько экономическую, сколько сугубо политическую подоплеку: он был издан во время кампании против Лисандра и своим острием был направлен против его офицеров, особенно обогатившихся во время войны. Поэтому любые денежные операции граждане были вынуждены проводить тайно или через посредников. Спартанская элита предпочитала держать свои капиталы за границей и пополнять их по скрытым каналам. Когда же приходилось хранить деньги дома, для этого оборудовались тайники. Такой тайник, устроенный под крышей собственного дома, был, к примеру, у известного полководца и друга Лисандра Гилиппа (Plut. Lys., 16).

Глава VIII

§ 1

Все мы, конечно, знаем, что в Спарте более всего повинуются властям и законам.

Это утверждение ко времени Ксенофонта стало уже аксиомой. Спартанцы считались самым законопослушным народом, беспрекословно подчиняющимся своим властям, как гражданским, так и военным, и своим законам. Об этом свидетельствует, в частности, одна из эпитафий Симонида Кеосского (557—469), посвященная спартанцам, погибшим при Фермопилах:

Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемон, Что, их заветы блюдя¹⁸, здесь мы костями полегли.

(Simonid. ap. Her., VII, 228 = fr. 92 Bergk /
Пер. Л. Блуменау)

Обращает на себя внимание своеобразная переключка между поэтом Симонидом и историком Геродотом. Так, Геродот передает беседу между Ксерксом и находящимся в его ставке бывшим спартанским царем Демаратом. Последний на просьбу персидского царя рассказать ему о спартанцах, произносит следующее: «Есть у них владыка — это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (VII, 104). И Геродот и Симонид говорят об одном и том же — о некоем законе, который запрещает спартанцам бежать с поля боя. Правда, у Геродота это общая сентенция, а у Симонида — конкретный случай применения данного закона.

...Ликург до тех пор не приступал к установлению такого порядка, пока не сделал своими единомышленниками самых влиятельных людей в государстве.

Большинство античных авторов связывают древнейшее законодательство Спарты с именем Ликурга. Но само имя Ликурга как спартанского законодателя впервые упомина-

¹⁸ Буквально: «подчиняясь их законам». Это более точный, но менее поэтичный перевод, чем предложенный Л. Блуменау. В эпиграфическом употреблении ионийское слово $\rho\eta\mu\alpha$, дорийским вариантом которого согласно всем этимологическим словарям является слово $\rho\eta\tau\alpha$, рано ставшее в Спарте политическим термином, означавшим закон, одобренный или прямо внушенный божеством.

ется только Геродотом, т. е. сравнительно поздно — не ранее сер. V в. В кратком и сухом рассказе Геродота о реформах Ликурга ничего не сказано о существовании каких-либо его сторонников. Впервые эта версия встречается именно у Ксенофонта (Хен. Лас. pol., 10, 8; Хен. ар. Plut. Лус., 1, 5). Однако вряд ли Ксенофонт был ее изобретателем. Скорее всего, он заимствовал ее из более ранних источников, как письменных, так и устных. Он был, вероятно, знаком с творчеством Тиртея, в чьей поэме «Евномия» встречаются следующие строки:

В Спарту они принесли из Дельф многомудрый оракул,
Вещие Феба слова пифия им изрекла...

(Турт. ар. Plut. Лус., 6, 5 / Пер. В. Г. Боруховича)

Вероятно, Тиртей имел в виду Ликурга и его спутников из числа знатнейших спартанцев, поддержавших реформы. Плутарх, подведший итог многовековой литературной традиции о Ликурге, добавляет красочные детали к краткой реплике Ксенофонта о наличии у великого законодателя политических союзников: «Ободренный возвещаниями оракула, Ликург решил привлечь к исполнению своего замысла лучших граждан и повел тайные переговоры сначала с друзьями, постепенно захватывая все более широкий круг и сплачивая всех для задуманного им дела. Когда же приспел срок, он приказал тридцати знатнейшим мужам выйти ранним утром с оружием на площадь, чтобы навести страх на противников» (Лус., 5, 8).

§ 2

...самые влиятельные люди (οἱ κράτιστοι)...

Это субстантивированное прилагательное (досл. «сильнейшие») часто используется как термин с четко выра-

женной социальной окраской. Наряду с οἱ ἄριστοι (досл. «лучшие») и οἱ δυνατοί (досл. «сильные», «могущественные») служит обозначением родовой знати. Под οἱ κράτιστοι имеются в виду люди, одновременно богатые и влиятельные, в чьих руках аккумулировалась движимая и недвижимая собственность.

§ 3

Вероятно (εἰκὸς δέ), что те же самые люди совместно наделили силою и эфорат...

Выражение εἰκὸς δέ, дословно означающее «естественно» или «вероятно», делает всю фразу несколько сомнительной. Отсюда вроде бы следует, что в создании эфората самое непосредственное участие принимали οἱ κράτιστοι. О Ликурге в этом параграфе вообще нет ни слова. Но, с другой стороны, упомянув эфорат, Ксенофонт в § 5 той же главы как бы подводит итог ранее сказанному, говоря, что «Ликургу принадлежит и много других прекрасных средств» (8, 5). Это пусть косвенное, но указание на то, что эфорат — также изобретение Ликурга. Следует напомнить, что в ЛП все прочие высказывания Ксенофонта о спартанском законодательстве безоговорочно связаны с одним лишь Ликургом. Сам Ксенофонт вслед за Геродотом (I, 65, 5) считал эфорат изобретением Ликурга. Но вряд ли случайно, что в данной фразе он не связал напрямую и безоговорочно Ликурга с эфоратом. Ведь уже в его время существовала и другая версия, приписывающая основание эфората царю Феопомпу. Употребление здесь несколько двусмысленного слова εἰκὸς предполагает, что Ксенофонт, вероятно, был знаком с обеими версиями, но, исходя из своих задач, попытался высказаться как можно дипломатичнее в пользу

первого варианта. Если бы он собирался полностью отвергнуть версию с Феопомпом, он, скорее всего, прямо назвал бы Ликурга создателем эфората.

...эфорат (ἡ ἐφορεία)...

Во времена Аристотеля общепринятым было мнение, что эфорат возник после Ликурга и никак не был связан с этим великим законодателем. Его автором античная традиция, начиная с Аристотеля, считала царя эпохи Первой Мессенской войны (2-я пол. VIII в.) Феопомпа (Arist. Pol., V, 9, 1, 1313 а 25—34; Plut. Cleom., 10). Список эфоров-эпонимов в Спарте велся с 754/3 г. Но более ранние историки — Геродот (I, 65, 4) и, вероятно, Ксенофонт (Lac. pol., 8, 3) — полагали, что эфорат — Ликургов институт. Разногласия в традиции объясняются тем, что в Спарте одновременно существовало две параллельные версии о происхождении эфората: одна приписывала создание эфората Ликургу, а другая — царю Феопомпу.

Эфоры избирались из всех граждан Спарты сроком на один год. Претендовать на должность эфора можно было только после достижения 30-летнего возраста. Выборы были прямыми и проходили непосредственно в народном собрании. Способ избрания был примитивным: решение принималось в зависимости от силы крика. Эфоры образовывали коллегиальный орган власти, состоящий из пяти членов. Возможно, внутри коллегии эфоров существовала иерархическая структура (Plut. Lys., 30, 5). В любом случае один из эфоров давал свое имя году. Новая коллегия эфоров избиралась осенью в начале лаконского служебного года. Местом заседания эфоров было особое помещение на рыночной площади, которое называлось эфореийон.

Эфоры обязаны были давать отчет о своей деятельности только следующей за ними коллегии эфоров, т. е. своим преемникам (Arist. Rhet., III, 18, 1419 a). С царями эфоры как представители гражданской общины обменивались взаимными клятвами. Законными считались только такие решения, которые принимались эфорами коллегиально. Руководствовались они при этом не столько законами, сколько прецедентным правом, т. е. действовали «по собственному усмотрению» (Arist. Pol., II, 6, 16, 1270 b). Только эфоры, как известно, созывали апеллу и председательствовали в ней.

В период классики эфоры господствовали над всеми ведомствами, им принадлежала вся исполнительная и контрольная власть в государстве. Недаром у многих древних авторов (например, у Фукидида и Ксенофонта) эфорат идентифицируется с правительством (τὰ τέλη) Спарты, настолько эта магистратура заслонила собою все остальные правящие институты. Спарта поистине превратилась в «государство эфоров». Эфорат был уничтожен в 227 г. до н. э. царем Клеоменом III (Plut. Cleom., 8; 10).

§ 4

...эфоры вправе наказывать всякого, кого захотят, властны они и сразу же взыскивать наложенный штраф...

Самым распространенным видом наказания в Спарте были денежные штрафы. Эфоры имели право налагать штраф на любого спартиата, даже царя, который, по их мнению, в чем-то нарушил обязательные для граждан нормы поведения. Они же и исполняли свои собственные решения. Об этом также свидетельствует Теофраст (Theophr. ap. Plut. Ages., 2; 5). Привычная для Спарты пустота казны вполне могла провоцировать эфоров на увеличение суммы

штрафов. Эти штрафы, получаемые как с частных лиц, так и с магистратов, в некоторые периоды спартанской истории, вероятно, становились основной статьёй дохода. Известно, что довольно часто к огромным штрафам приговаривались спартанские цари (до 20 талантов) (Schol. ad Aristoph. Nub., 859; Thuc., V, 63; Diod., XII, 78). Эфоры с помощью штрафных санкций пополняли опустевшую казну и держали в постоянном напряжении богачей. Они могли отстранять от должности магистратов, заподозренных в превышении полномочий или в дурном исполнении должностных обязанностей.

Деспотическая власть эфоров распространялась также на периеков и илотов. Согласно Исократу, по приказу эфоров можно было убивать периеков без какого-либо суда и в любом количестве (XII, 181). Но поскольку само это место явно проникнуто антиспартанским духом, то, возможно, Исократ сознательно перепутал периеков с илотами. Последние рассматривались как безусловная собственность государства, и эфоры, как главные государственные «чиновники», могли делать с ними что угодно.

...подобно тиранам...

В древности стало трюизмом сравнивать власть эфоров с тиранической властью (Plat. Leg., IV, 712 d; Arist. Pol., II, 6, 14, 1270 b 14). Правда, Аристотель полагал, что эфорат самым фактом своего существования внес существенные изменения в политическое устройство Спарты. По его словам, с появлением эфоров «из аристократии возникала демократия» (Pol., II, 6, 14, 1270 b 16–17). Практически неограниченная власть эфоров нашла свое видимое выражение в святилище Страх, расположенном близ сисситии эфоров.

§ 5

...он объявил народу свои законы лишь после того, как вместе с самыми знатными людьми (τοῖς κρατίστοις) побывал в Дельфах...

Впервые версия о том, что Ликург получил свои законы от Дельфийского Аполлона, встречается у Геродота: «...Пифия... предрекла Ликургу даже все существующее ныне спартанское государственное устройство. Но, как утверждают сами лакедемоняне, Ликург принес эти нововведения из Крита...» (I, 65, 4). Критский вариант происхождения законодательства Ксенофонт совершенно отбрасывает. По его версии, санкцию на введение в Спарте новых законов Ликург получил из Дельф, а не вывез с Крита. Здесь Ксенофонт, конечно, только повторяет господствующую в его время официальную версию о дельфийском происхождении законов Ликурга. Надо заметить, что этот вариант и его самого больше всего устраивал: во-первых, Ксенофонт был заинтересован в том, чтобы особо выделить уникальность спартанских законов, во-вторых, ему было важно подчеркнуть, что законы Ликурга были освящены самим Аполлоном Дельфийским. У Эфора, историка IV в. до н. э., мы находим комбинацию обеих версий о происхождении Ликургова законодательства. Согласно Эфору, Ликург был связан как с Критом, так и с Дельфами (Ephor. ap. Strab., X, 4, 19, p. 482).

Согласно Ксенофонту, Ликург обращался в Дельфы только один раз. Но, судя по сохранившемуся фрагменту из «Лакедемонской политики» Аристотеля, Ликург регулярно совершал визиты в Дельфы для консультации с Аполлоном (Arist. Lac. pol. ap. Clement. Alex. Strom., I, 152 = fr. 535 Rose³). По-видимому, Аристотель, так же как Платон и

Эфор, считал обе традиции о происхождении законов Ликурга — критскую и дельфийскую — вполне совместимыми: Ликург копировал критские законы, но получал санкцию на их введение в Дельфах.

Самое знаменательное в этом сообщении — то, что Ликург отправился в Дельфы не один, а в компании «с самыми знатными людьми» (τοῖς κρατίστοις). Ксенофонт мог найти эту деталь в какой-нибудь неизвестной нам версии о законодательстве Ликурга, но мог и выдумать сам, желая еще раз подчеркнуть необычайное единство спартанцев, сумевших с помощью Ликурга создать так называемую общину «равных».

Глава IX.

§ 1

Следующее достижение Ликурга также достойно восхищения: он добился, чтобы в государстве прекрасная смерть стала предпочтительнее позорной жизни.

Ксенофонт, с несвойственной ему взволнованностью описывая превосходство мужества над трусостью, скорее всего, находился под сильным влиянием Тиртея, спартанского поэта VII в., который первым воплотил в своих произведениях идеалы спартанской военной доблести. Тиртей прославлял павшего за родину героя, утверждая, что «добрая слава и имя его никогда не погибнут» (Тирт., fr. 12 [8], 31 Bergk / Пер. В. Латышева). Фукидид говорит об убежденности всех греков в том, что спартанцы скорее умрут с оружием в руках, сражаясь до последней возможности», чем сдадутся (IV, 40, 1). Так что Ксенофонт в данном случае принимает

и развивает ставший уже традиционным к V в. хрестоматийный образ спартанца, без колебания следующего закону даже перед лицом смерти.

Героизация ратного труда и проповедь сладостной гибели за отечество со времен Тиртея стали лейтмотивом спартанской военной пропаганды. Для спартанцев удача на военном поприще была единственным способом добиться высокого положения в обществе. В этом деле они достигли больших высот. Был разработан целый ритуал разнообразных поощрений за ратные подвиги. Так, граждане, которые умирали за отечество, в отличие от остальных, заслуживали привилегию иметь свое имя на могильном камне (Plut. Lyc., 27, 3; Inst. Lac., 18 = Mor., 238 d). Проявившие исключительную храбрость получали еще бóльшие почести, включая героизацию, причем слава эта распространялась и на семью героя:

Славится всюду могила его средь народа, и дети,

Дети детей и весь род славой покрыты навек...

(Tyr. t., fr. 12 [8]. 29–30 Bergk / Пер. В. Латышева).

§ 3

Он явно уготовил счастливую участь храбрым (*ἀγαθοῖς*) и злую участь трусам (*κακοῖς*).

Ἀγαθός здесь явно означает «храбрый», κακός — «трусливый». В «Киропедии» Ксенофонт отмечает, что в основе храбрости солдат лежат законы, которые гарантируют храбрым «почет и свободу», а трусам — такую позорную жизнь, что она «станет для них невыносимой» (III, 3, 51–52). В Спарте трусов не увольняли с военной службы (Her., VII, 231), но, возможно, лишали части гражданских

прав. Трусость, проявленная во время сражения, скорее всего, согласно закону наказывалась смертью (Lysurg. Leocr., 129–130)¹⁹. Но есть целый ряд конкретных примеров, где речь идет о менее суровых наказаниях, например об атимии (Plut. Ages., 30) или даже об амнистии для трусов. Часто наказание не применялось в полном объеме там, где оно касалось больших групп людей. Так, воинов, сдавшихся в плен на Сфактерии, приговорили к частичной атимии, но вскоре восстановили в гражданских правах (Thuc., V, 34, 2), а те, кто остался в живых после Левктр, были полностью амнистированы по решению эфоров и царя Агесилая, наложивших мораторий на закон о трусах, «так как таких было очень много» (Plut. Ages., 30, 6; Reg. et imp. apophth., 60, 10 = Mor., 191 b-c; Polyae., II, 1, 13). Ксенофонт в этой связи отмечает, что уважение к старости не было в Спарте безусловным. Его полностью лишались те, кто проявил трусость или запятнал себя недостойным спартанца поведением. Такие граждане, даже если они не были официально осуждены и приговорены к атимии, т. е. частичной или полной потере гражданских прав, тем не менее подвергались общественному ostracismu. В присутственных местах они должны были уступать места даже людям младше себя. Ксенофонт в § 4–5 перечисляет весь круг репрессивных мер, которые призваны были сделать невыносимой не только жизнь самого «убоявшегося», но и всех его родственников. Трус становился изгоем общества.

¹⁹ Эфоры наказывали не только за трусость, но и за излишнюю смелость. Так, Плутарх сообщает, что спартанец Исад за безрассудную храбрость был оштрафован на весьма существенную сумму в 1000 драхм (Ages., 34, 11).

§ 4

Ибо в прочих государствах, когда кто окажется трусом, то приобретает лишь репутацию труса, но по-прежнему трус показывается на площади рядом с доблестным гражданином, сидит с ним рядом и посещает тот же самый гимнасий, если пожелает.

Обычная для Ксенофонта антитеза: противопоставление прочих греческих государств (главным образом Афин) Спарте, причем всегда к выгоде Спарты. Эта установка приводит Ксенофонта к искажению действительного состояния дел в его собственном полисе. Так, у афинского оратора Эсхина мы находим совершенно иную картину: «...и уклоняющегося, и беглеца, и труса наш законодатель отлучает от площади, окропляемой жертвенною кровью, от венчания венком, от участия во всенародных жертвоприношениях» (Aeschin. Ctes., 176 / Пер. С. Ошерова).

§ 5

Часто такой человек остается без места, когда разделяются на команды те, кто собирается играть друг с другом в мяч...

В Спарте, в отличие от прочих греческих государств, значительная роль отводилась командным соревнованиям. Они были настолько значимы, что Ксенофонт включает один из видов командных состязаний — игру в мяч — в свой список наиболее важных родов деятельности, к которым не допускаются те, кто проявил трусость.

Игра в мяч засвидетельствована в Спарте начиная с классического периода: очевидно, мяч перебрасывался между игроками. Игрок, который ловил или удерживал мяч, выигрывал. Техническим термином для этой игры, очевидно,

являлось слово τὰ σφαίρομαχία. Игра в мяч была хорошо известна в Спарте. Некоторые даже полагали, что Спарта была изобретательницей этой игры (Hippiasus ap. Athen., I. 25 d-e = FHG IV 430).

...во время праздничных хоров его загоняют на самые позорные места...

Это свидетельство того, что место, занимаемое участником хора, соответствовало его социальному статусу. Руководитель хора расставлял выступающих согласно их «достоинству» и не разрешал им покидать своих мест. Благодаря месту, занимаемому в хоре, очевидным для всех становилось позорное положение «убоявшихся». Руководители хоров считались важными магистратами. Они непосредственно подчинялись эфорам, которые, в свою очередь, осуществляли общее руководство государственными праздниками (Xen. Hell., VI, 4, 16).

...своих незамужних дочерей ему приходится содержать дома...

Речь идет о том, что в Спарте девочки, так же как и юноши, принимали участие во всякого рода общественных мероприятиях, включая спортивные и хоровые состязания. Для труса особенно тяжелым наказанием было недопущение его дочерей к такого рода занятиям.

...ему приходится мириться с тем, что очаг остается без жены и еще за это платить штраф...

Ксенофонт здесь имеет в виду наказание за безбрачие (δίκη ἀγαμίου). О существовании подобных наказаний свидетельствует и стоик Аристон Хиосский (1-я пол. III в. до

н. э.) (Ariston ap. Stob., IV, 22, 16), чье сообщение почти дословно повторяет Плутарх (Lys. 30. 7). Правда, Плутарх ничего не говорит о денежном штрафе, но зато перечисляет целый ряд мер, направленных против холостяков: их не пускали на гимнопедии, зимой они должны были обходить нагими площадь, распевая позорящую их песню, они не могли требовать от молодых людей уважительного к себе отношения (Lys., 15, 1—3). Дополняет этот список унижений перипатетик Клеарх из Сол: у него даже женщины могли оскорблять холостяков (Clearch. Sol. ap. Athen., XIII, 555 c-d). Возможно, во времена Ксенофонта действительно существовало какое-то наказание за безбрачие. Но подробности, приводимые поздними писателями, скорее всего, плод философских спекуляций.

Глава X

§ 1

...высокими нравственными нормами (τὴν καλοκάγαθειαν).

Калокагатия (καλοκάγαθεια) — этический термин, составлен из двух прилагательных, буквально значащих соответственно «хороший» и «добрый»²⁰. Переводится чаще всего как «нравственная красота», «порядочность», «благородство», хотя адекватно перевести этот термин, сохранив

²⁰ Об этом понятии см.: Никитюк Е. В. Формирование понятия идеального человека (καλὸς κάγαθός) в греческой литературе архаического и классического периодов // Феномен досуга в античном мире / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. С. 43—81.

его социальную сущность, затруднительно. В любом случае перевод всегда приблизителен и описателен. Удачно, как нам кажется, его перевел С. А. Жебелев: у него *καλοὶκάγαθοί* — это «люди высокого общества» (Arist. Pol., II, 6, 15, 1270b 24).

Если говорить о древних источниках, то случаи употребления выражений *καλοὶκάγαθοί* и *καλοὶκάγαθία* — сравнительно редкие и поздние (не ранее сер. V в. до н. э.). Греческие писатели V—IV вв. употребляли эти выражения по большей части как особые социальные термины в старинно-аристократическом духе, будучи уверены, что *калокагатия* органически присуща родовой знати. Такой же смысл вкладывает в это понятие и Ксенофонт. Для него *καλοὶκάγαθοί* — узкий круг лучших людей, т. е. аристократов (Hieron., 10, 4). Согласно источникам, которыми мы располагаем, термин *καλοὶκάγαθία* был сперва исключительно спартанским, тесно связанным с политическим режимом Спарты. У Аристотеля применительно к Спарте *калокагатой* — это «люди высокого общества», которые могут претендовать на членство в герусии (Pol., II, 6, 15, 1270b 24—25). Из числа *καλοὶκάγαθοί* в Спарте назначались педономы — магистраты, отвечающие за воспитание юношей (Plut. Lys., 17, 2).

Благодаря Сократу и софистам это выражение приобрело вне Спарты значение скорее морально-этическое, чем социальное. Оно, как правило, не применялось для обозначения интеллектуальных способностей.

§ 1—2

...герусия (*γερουσία*)...

Γερουσία — собственно спартанский термин, вместо общепринятой формы *γερουσία*. Засвидетельствован только

здесь. Редкое для Ксенофонта употребление местных терминов придает ЛП особый колорит и свидетельствует об его отличном знании спартанских реалий.

Герусия, спартанский совет старейшин, вместе с царями фигурирует в Большой ретре — первом конституционном документе Спарты. Количество геронтов, установленное Ликургом, оставалось неизменным на протяжении всей истории Спарты. Всего геронтов было 28 и вместе с царями они составляли корпорацию в 30 человек. На эту должность могли претендовать «лучшие по добродетели» граждане, достигшие 60 лет (Plut. Lys., 26, 1). Желаясь баллотироваться в геронты, по-видимому, сами выдвигали свою кандидатуру (Arist. Pol., II, 6, 19, 1271 a). Кандидатов оценивали с помощью силы крика. Аристотель считал такой способ избрания слишком примитивным и ненадежным, называя его «ребяческим» (Pol., II, 6, 18, 1271a 11). Хотя законное право быть избранными в герусию сохранялось за всеми спартиатами, геронты традиционно избирались из круга привилегированных семей без какого-либо юридического оформления этой практики. Избрание в герусию представлено Ксенофонтом как награда для тех, кто в течение жизни публично «упражнялся во всех гражданских добродетелях» (10, 7) и демонстрировал поведение, имманентно присущее элите греческого общества.

В источниках герусия представлена как фактически правящий орган спартанского полиса. Одна из основополагающих особенностей коллегии геронтов — пожизненное пребывание в ней раз туда попавших (Polyb., VI, 45, 5; Plut. Ages., 4, 3). Эта огромная привилегия давала возможность геронтам проводить достаточно самостоятельную политику и быть источником независимой власти. При малой

специализации спартанских органов управления на герусию ложились весьма многочисленные функции, в частности охранительная. Именно геронты следили за соблюдением законов (Justin., III, 3, 2), объединяя в своем лице цензоров и судей. Совет был верховным уголовным судом. Если свои судебные функции геронты делили с царями и эфорами, то предварительное обсуждение всех вопросов, вносимых на рассмотрение народного собрания, принадлежало исключительно им одним: герусия выступала в качестве постоянно действующего комитета при народном собрании и в этом своем качестве разрабатывала предварительные решения, так называемые пробулевмы, которые затем передавались для окончательного утверждения народному собранию.

Среди государств классической Греции Спарта отличалась формальной концентрацией власти в руках стариков. Режим геронтократии, существовавший в Спарте, создал особый психологический настрой: поскольку для любого спартиата членство в герусии рассматривалось как высшая точка его карьеры, старший возраст в глазах всего общества приобрел несвойственную ему в иных обстоятельствах ценность. Больше всего герусия напоминала Афинский ареопаг до его реформирования. Оба эти института были никому не подотчетными «стражами закона».

§ 2

...предоставив геронтам полномочия в процессах, касающихся жизни и смерти...

Герусия была верховным уголовным судом, в чью юрисдикцию входили дела государственной важности. Геронты (γέροντες) имели законное право приговаривать спартанских граждан, включая даже царей, к самым различным

наказаниям — от общественного порицания и денежного штрафа вплоть до изгнания и смертной казни (Arist. Pol., II, 1271 a; Plut. Lyc., 26, 2; Paus., III, 5, 2). Действовали они, как правило, совместно с эфорами, образуя высшую судебную коллегия (Paus., III, 5, 2). По словам Плутарха, «геронты судят в течение многих дней о смертной казни, или о тех случаях, когда положено изгнание. Ничто меньшее не подлежит их суду».

...старость оказалась в большем почете, чем полный силы цветущий возраст.

Спартанская этика отличалась бóльшим, чем это было принято в остальной Греции, уважением к старикам. Можно сказать, что в Спарте существовал настоящий культ старости. Этот пиетет по отношению к старшим по возрасту гражданам прокламировался как обязательная норма поведения, внушаемая молодому поколению с детства. В формирование этих представлений значительный вклад внес участник Второй Мессенской войны поэт Тиртей. В своих элегиях он не раз затрагивал тему героической старости, призывая молодых воинов следовать примеру своих старших товарищей (Tyrte., fr. 6—7 Diehl³). По его словам, на прославленного воина, достигшего старости, смотрят все почтительно и «повсюду в собраниях народа друг перед другом спешат место ему уступить» (Tyrte., fr. 9 v. 37 sqq. Diehl³ / Пер. В. В. Латышева).

Об этой особенности спартанского менталитета не раз писали древние авторы. Так, Геродот хвалит спартанцев за то, что «при встрече со старцами юноши уступают дорогу, отходя в сторону, и при их приближении встают со своих мест» (II, 80). Ксенофонт вслед за Геродотом также

с похвалой отзываясь об исключительной почтительности, проявляемой спартанской молодежью по отношению к своим отцам и дедам. В «Меморабилиях» Перикл, сын знаменитого Перикла и Аспасии, задает Сократу риторический вопрос: «Когда еще афиняне будут уважать старших так, как спартанцы?» И сам на него отвечает: «Увы! У нас презируют всех стариков, начиная с отцов» (Memorab., III, 5, 15 / Пер. С. И. Соболевского). Цицерон в трактате «О старости», повторяя расхожее мнение о различном отношении к старости в Афинах и Спарте, приводит следующий анекдот: «В Афинах во время праздника в театр вошел один старик. Хотя много народа сидело там, но его сограждане нигде не дали ему места. Когда же он подошел к спартанцам, которые как послы сидели на определенном месте, то они все, говорят, встали и дали старику место для сидения...» (De senect., 63 / Пер. С. И. Соболевского). Этот же анекдот, причем в двух вариантах, передает и Плутарх (Arophth. Lac., 69, 55 = Mor., 235 c-d). Он же приводит краткое изречение относительно старости, которое, скорее всего, является афоризмом, бытовавшим в Греции задолго до Плутарха: «Только в Спарте выгодно стареть» (Arophth. Lac., 69, 60 = Mor., 235 f).

§ 3

И, конечно, вполне естественно, что такое соревнование является предметом величайшего старания среди людей.

На агонистический аспект выборов в герусию обращают внимание многие авторы (Aeschin. Tim., 180; Isocr. XII, 154; Arist. Pol., II, 6, 15, 1270 b; Plut. Lyc., 26, 2). Однако, судя по замечанию Аристотеля, который назвал выборы геронтов

династическими (Pol., V, 6, 8, 1306 а), происхождение кандидатов играло решающую роль. Кроме социального статуса большое значение имело и богатство.

§ 4

...так и Спарта, естественно, превосходит своей доблестью (ἀρετῇ) все государства, поскольку только она заботится о нравственном совершенстве (τῆν καλοκάγαθειαν) своих граждан в государственном порядке.

У Гомера арэтэ (ἀρετῇ) — это прежде всего доблесть, храбрость, мужество, т. е. военная добродетель. У Платона и Аристотеля — это уже скорее нравственная категория: добродетель, достигнутая путем нравственного совершенства. Что касается Спарты, то, по словам Фукидида, спартанцы пользовались такими обычаями и законами, которые отвечали основному критерию гражданской состоятельности — выработке у граждан ἀρετῇ, т. е. особой гражданской доблести (V, 105, 4). Он же отмечает, что спартанцы «искони... высоко ставят славу своей доблести» (VI, 11, 6).

Примерно то же самое говорит и Ксенофонт. Согласно ему, спартанцы приписывали внедрение калокагатии Ликургу: великий законодатель установил диктат государства над частной жизнью граждан, провозгласив гражданскую доблесть (ἀρετῇ) как обязательное для спартанского гражданина качество, без которого нельзя было успешно интегрироваться в спартанское общество. В качестве образцового спартанца, чьи добродетели/доблести были примером для всех его сограждан, Ксенофонт называет царя Агесилая: «...прекрасным примером... должны служить и добродетели Агесилая для всех, кто хочет стать доблестным мужем...

Агесилай... видел свою славу не столько в том, чтобы вести сограждан в бой против врага, сколько в том, чтобы вести их по пути добродетели» (Ages., X, 2).

§ 6

...трусы и малодушные предают целые города...

В Спарте трусость была самым большим моральным преступлением, последствия которого как для самого труса, так и для всей его семьи были чрезвычайно тяжелы. Так, Геродот рассказывает о судьбе Аристодема, оставшегося в живых после Фермопильского сражения. По его словам, Аристодем «не имел мужества [умереть] и остался жив» (VII, 229). Далее Геродот описывает ту обстановку враждебной нетерпимости по отношению к Аристодему, которая окружала его в Спарте: «По возвращении в Лакедемон Аристодема ожидало бесчестие и позор. Бесчестие состояло в том, что никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним, а позор — в том, что ему дали прозвание Аристодем-Трус». «Впрочем, — добавляет Геродот, — в битве при Платеях Аристодему удалось совершенно загладить тяготевшее над ним позорное обвинение» (VII, 231). Этот исторический анекдот демонстрирует, какая исключительная важность придавалась в Спарте групповой солидарности. Для подавляющего большинства спартанцев принадлежность к группе значила больше, чем сама жизнь. Общественное мнение осудило поведение Аристодема, и только проявленный им впоследствии героизм спас как его самого, так и его семью от полной изоляции и бойкота.

Еще более драматичной оказалась судьба второго оставшегося в живых спартанца, Пантиты. Он был отправлен Леонидом в Фессалию с каким-то поручением. И несмотря

на то что Пантит не принял участие в сражении по объективным обстоятельствам, «по возвращению в Спарту его также ожидало бесчестие, и он повесился» (VII, 232).

Существует целая серия анекдотов об отношении к трусам в спартанском обществе. В этих анекдотах часто изображаются спартанские матери, которые предпочитают видеть сыновей скорее мертвыми, чем трусами. Например, в «Изречениях спартанских женщин» некая Даматрия, «узнав, что ее сын оказался трусом, недостойным ее, убила его» (Plut. Lacaen. apophth., 4 = Mor., 240 f).

Характерно, что в Риме, где эффективность военной организации также была очень велика, были выработаны уже писанные законы, направленные против трусов. Так, согласно римскому военному праву, «если легионер, находясь в строю, первый обратился в бегство, то в целях назидания он должен быть казнен в присутствии всех легионеров» (Dig., 49, 16, 6, 3).

§ 7

...к числу равных (ὅμοιων).

«Равные» или в греческом варианте «гомеи» (ὅμοιοι) — неофициальный термин для обозначения спартанских граждан²¹. Впервые встречается именно у Ксенофонта (Lac. pol., 13, 1; 13, 7; Hell., III, 3, 5; Anab., IV, 6, 14). «Равными» называли себя те спартиаты, которые обладали в полном

²¹ О «равных» в Спарте см.: Зайков А. Спартанская община одинаковых в аспекте сословной семантики // Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 315–321.

объеме гражданскими правами. Скорее всего, этот термин возник в среде самих лакедемонян в еще достаточно раннее время (Ксенофонт полагал, что уже при Ликурге). Но поскольку все спартанские установления Ксенофонт, как, впрочем, и большинство других авторов, принципиально связывал с Ликургом, его свидетельство относительно времени возникновения данного термина мало что дает. Каким бы ни было его происхождение, ясно одно: он был изобретен самими спартанцами для отделения себя от другой социальной группы или групп.

В Спарте архаического и классического периодов действительно существовало политическое равенство, нашедшее свое выражение, в частности, в появлении термина «равные». Так, даже Исократ, не будучи поклонником Спарты, признает, что «лакедемоняне наилучшим образом управляют своей страной потому, что они как раз и являются наиболее демократичными. И при избрании должностных лиц, и в повседневной жизни, и во всех остальных занятиях мы можем видеть, что равенство в правах и обязанностях у них имеет гораздо большее значение, чем у других» (VII, 61 / Пер. К. М. Колобовой). Само появление такого термина, как «равные», — важный этап в развитии общественного сознания. И хотя, конечно, ни о каком экономическом и социальном равенстве не могло быть и речи, благодаря внедрению идеологии равенства в спартанских гражданах надолго сохранилось представление, пусть иллюзорное, о своем обществе как обществе равных прав и равных возможностей. По аналогии с гомеями Ксенофонт, по-видимому, изобрел термин «гомотимы» для правящего сословия Персидского государства, изображенного им в «Киропедии» (Сугор., I, 5, 5; II, 1, 2).

Но если кто-нибудь будет малодушно не выполнять законов, того он провозгласил не считать более принадлежащим к числу «равных».

Под гражданами, «малодушно не выполняющими законы», Ксенофонт, скорее всего, имел в виду тех спартиатов, которые оказались дурными воинами или даже проявили трусость во время сражения. Они присуждались к атимии (ἀτιμία), т. е. к лишению гражданской чести, что означало автоматическое понижение статуса гражданина и превращение его в гипомейона (Plut. Apophth. Lac., 2, 73 = Mor., 214 b). Хотя основную массу гипомейонов составляли «финансовые неудачники», среди них было незначительное количество и тех, кто оказался исключенным из общины «равных» из-за своих физических недостатков или моральной ущербности (Arist. Pol., II, 6, 21, 1271 a 26–37).

Спартиаты, подвергнувшиеся полной атимии, больше не могли состоять в гражданском ополчении и, естественно, переставали быть участниками сисситий.

§ 8

А в том, что эти законы очень древние, не может быть никакого сомнения: ведь Ликург, говорят, жил во времена Гераклидов...

Миф о возвращении в Пелопоннес Гераклидов, т. е. потомков Геракла, впервые упомянут Тиртеем (Tyr., fr. 2 Bergk). Гераклиды, бесспорно, были самым знатным родом в Спарте.

Ксенофонт относит Ликурга к более раннему периоду, чем кто-либо из античных авторов: он делает Ликурга современником первых Гераклидов (XI в.). Плутарх, прекрасно

знавший «Лакедемонскую политику», комментируя это место, указывает, что «Гераклидами по происхождению были и позднейшие из спартанских царей, но Ксенофонт, вероятно, имеет в виду первых Гераклидов, ближайших к Гераклу» (Лус., 1, 5).

Возможно, Ксенофонт скомбинировал две традиции: одну, идущую от Гелланика, другую — от Геродота. У Гелланика государственное устройство Спарте дали Еврисфен и Прокл, первые спартанские цари (Hellanic. ap. Strab., VIII, 5, 5, p. 366), а у Геродота это сделал веком позже Ликург. У Геродота Ликург — дядя и опекун малолетнего царя Леобота (нач. X в.) (Her., I, 65). У историка IV в. Эфора Ликург уже не Агиад, как у Геродота, а Еврипонтид (Ephor. ap. Strab., X, 4, 19, p. 482). Эфор относит Ликурга и его реформы примерно к 870 г. Самую позднюю датировку из всех, имевших хождение в древности, предлагает Аристотель. Он считает Ликурга современником царя Элиды Ифита. По его словам, имена Ликурга и Ифита были прочитаны им на архаическом диске из Олимпии, на котором, скорее всего, были записаны правила священного перемирия (Arist. ap. Plut. Лус., 1, 2 = fr. 533 Rose³). Аристотель, таким образом, относил Ликурга ко времени первой Олимпиады (776 г.).

Глава XI

§ 1

...он и в военном деле придумал лучше, чем у других...

Противопоставление спартанцев остальным грекам проходит в ЛП постоянным рефреном. Особенно явным, по

мнению Ксенофонта, было их превосходство в военном деле. Спартанское общество было самым милитаризованным во всем древнем мире. Здесь очень рано, — вероятно, уже в конце VIII в. — появилось принципиально новое построение войска — фаланга гоплитов. Спартанцы сделали свою фалангу лучшей в Греции. В VIII—VII вв. спартанцы завоевали Мессению, а в середине VI в., после успешной борьбы с Аркадией, встали во главе созданного ими Пелопоннесского союза. В это же время, в VI в., они прославились как тираноборцы, силой освобождая греческие города от местных тиранов. Благодаря своим военным успехам Спарта уже к концу архаического периода приобрела славу самой сильной в военном отношении державы, а ее армия считалась непревзойденной.

Главной целью государственной пропаганды было воспитание в гражданах уверенности, что они во всех отношениях лучше всех остальных греков и тем более варваров. В них всячески культивировалось презрение к врагам. Тема изнеженности и распушенности потенциальных противников была постоянной компонентой военной пропаганды. Ксенофонт не раз писал о тех способах, которыми пользовались спартанские власти для дискредитации врагов в глазах собственных граждан: «Полагая также, что презрение к силе врага побудит воинов охотнее и храбрее бросаться в бой, он (Агесилай. — Л. П.) приказал глашатаям на публичных аукционах продавать пойманных при набегах на вражескую территорию варваров голыми. Воины увидели, что кожа их бела, так как они никогда не раздевались, что они изнежены и не привыкли к тяжёлой работе, так как они всегда совершали передвижение в повозках. Заметивши это, они решили, что война, которую им предстоит вести, ничем не

отличается от войны с бабами» (Hell., III, 4, 19). В римской литературе тема превосходства римлян над всеми другими народами станет общим местом.

§ 2

...эфоры заранее объявляют, какие возрасты призываются на военную службу...

Набор в спартанскую армию производился по призывным возрастам. Военнообязанными в Спарте считались все мужчины от 20 до 60 лет (Хен. Hell., V, 4, 13; Ages., 24, 3). Но тотальная мобилизация, когда призыву подлежало всё взрослое мужское население, была редким явлением и применялась только в случае крайней опасности. Как правило, не призывались в действующую армию самые младшие (18—19 лет) и самые старшие (55—59 лет) возрастные категории. Они составляли резерв. Уже со временем Греко-Персидских войн мобилизацию осуществляли эфоры, т. е. гражданские магистраты, а не цари-военачальники. Эфоры объявляли, какие возрастные группы подлежат призыву (Нер., IX, 10, 1). Все военнообязанные — спартанцы и периеки — делились на 8 групп в зависимости от возраста. В каждой группе находилось по 5 призывных возрастов.

...в качестве всадников...

О спартанской кавалерии впервые упоминает Фукидид. Как он сообщает, после захвата афинянами Киферы в 424 г. спартанцам «пришлось впервые в своей военной практике создать отряд конницы из 400 всадников» (IV. 55. 2). Плачевное состояние спартанской кавалерии перед битвой при Левктрах описывает Ксенофонт (Hell., VI, 4, 11). По его словам, она была разбита фиванской

конницей «через самое короткое время» и «при отступлении врезалась в ряды своих же гоплитов» (VI, 4, 13). В Спарте, по-видимому, специально кавалеристов не готовили. Их по мере надобности набирали, скорее всего, из двух младших возрастных категорий (от 20 до 30 лет). За экипировку всадника платили или государство, или владелец лошади. В кавалерии служили не только спартанцы, но и периеки (Hell., V, 4, 39).

...а также и ремесленников...

Ремеслом на территории Лаконии занимались исключительно периеки (досл. «окрестные жители»), так как для самих спартанцев такой вид деятельности был под запретом. Периеками назывались граждане лаконских городов, находившихся в подчинении у Спарты. В отличие от самих спартиатов периеки никак не были ограничены в своей профессиональной деятельности. Они, как и метеки в Афинах, являлись самой энергичной и подвижной частью общества. Их основные профессиональные занятия — торговля, мореплавание, ремесла. В эту область их деятельности спартанцы, как правило, не вмешивались. Все периеки были военнообязанными. Так, уже в V в. основная часть спартанской армии состояла из периеков. Причем спартанцы и периеки, т. е. все совокупное свободное население Спарты, называли себя общим термином «лакедемоняне», подчеркивая тем самым свою общность перед внешним миром. Как союзники периеки участвовали во всех военных кампаниях Спарты и были обязаны поставлять в действующую армию требуемое количество специалистов-ремесленников. Среди ремесленников могли быть также и гипомейоны. Набором ремесленников в армию занимались эфоры.

А все те инструменты, которые могут понадобиться войску в целом, согласно приказу доставляются одни — на телегах, другие — на вьючных животных.

Ксенофонт здесь ничего не говорит о такой важной теме, как обеспечение армии продовольствием. Неизвестно, в какой мере государство брало решение этой проблемы на себя. Но есть свидетельство, что Агесилай перед походом получил от периеков хлеба и зерна на 6 месяцев (Xen. Hell., III, 4, 3).

В качестве вьючных животных использовались ослы (Hell., V, 4, 17), они вместе с телегами составляли обоз (Thuc., V, 72, 3).

§ 3

А для вооруженной борьбы он придумал вот какие вещи: пурпурную одежду, считая, что она меньше всего похожа на женскую и выглядит очень воинственно...

В источниках от эпохи классики сохранилось еще только одно свидетельство о пурпурной одежде спартанцев (Aristoph. Lys., 1140). Схолиаст Аристофана, ссылаясь на «Лакедемонскую политику» Аристотеля, объясняет, что в походах спартанцы носили пурпурную одежду по двум причинам: во-первых, это выглядело мужественно, во-вторых, на красном фоне не так заметна была кровь (Schol. in Aristoph. Acharn., 320 = fr. 542 Rose)²². Аристотель, очевидно, стал источником и для большинства поздних свидетельств (Inst. Lac., 24 = Mor., 238 f; Aelian. V. h., VI, 6; Val. Max., II, 6, 2). Блеск оружия и красный цвет одежд были характерны для спартанской фаланги. Ксенофонт говорит, что войско

²² Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 232.

Агесилая «все сверкало медью и пурпуром» (Ages., 2, 7). Пурпур, добываемый из раковин, был местного происхождения (Paus., III, 21, 6).

...медный щит...

Щит был обязательной частью вооружения гоплита. Об особой важности щита см.: Plut. Arrophth. Lac., 28, 2 = Mor., 220 а. Знамениты некоторые спартанские поговорки, связанные со щитом (Plut. Lacaen. arrophth. 16—17 = Mor., 241 f).

Тем, кто вышел из юношеского возраста, он разрешил носить длинные волосы...

Спартанских мальчиков, достигших 12 лет, коротко стригли (Plut. Лус., 16, 11), и в таком виде они оставались до 18—19 лет. Иренам уже разрешали отращивать волосы (Plut. Лус., 22, 2), но, возможно, не всем, а наиболее отличившимся в учении и военных тренировках. Все взрослые спартанцы носили длинные волосы. Геродот рассказывает, что этот обычай был введен в Спарте после успешной войны с Аргосом за Фирею (сер. VI в.). Аргосцы же, наоборот, ввели закон, запрещающий им носить длинные волосы, пока они не отвоюют Фирею (I, 82). Длинные волосы со времен архаики стали знаком свободного человека. Они символизировали мужественность. Лаконские статуэтки и вазы архаического периода изображают гоплитов с длинными волосами. Сам эпизод, рассказанный Геродотом, свидетельствует, что отращивание волос до определенной длины было давно установившейся модой, сложившейся еще в период архаики. Перед битвой спартанцы дополнительно украшали голову (Her., VII, 209, 3). У афинян длинные волосы, борода и усы спартанцев часто становились предметом насмешек (Aristoph.

Av., 1282). Обычай носить длинные волосы сохранился в Спарте и во времена Аристотеля (Rhet., I, 1367 а 29—31).

В военизированной общине, какой была Спарта, существовали очень строгие правила относительно внешнего вида граждан, дифференцированные в зависимости от их возраста. Ограничения такого рода были характерны для обществ с сильно выраженной возрастной сегрегацией. В Спарте подобное деление всячески культивировалось. Спартанцы были «равными» только внутри своих возрастных групп. С возрастом они приобретали все новые права и возможности. Так что запрет на ношение длинных волос для мальчиков и подростков был введен не только из гигиенических или дисциплинарных соображений. В паравоенных обществах, подобных спартанскому, внешнему виду граждан придавалось огромное значение. Причем, как правило, самые строгие требования к прическе и одежде предъявлялись младшим возрастным группам.

§ 4

...он разделил всадников и гоплитов на 6 мор.

Этот отрывок не так просто интерпретировать. Формально можно понять так, что речь идет о 12 морах (по шесть мор тех и других). Но в источниках речь всегда идет о шести морах. Ксенофонт первый указывает на наличие мор в спартанской армии (Hell., II, 4, 31). Этот термин засвидетельствован только для Спарты и обозначает воинскую часть, состоящую из спартиатов и периеков, что исключает какую-либо связь этих воинских подразделений с внутренним делением спартанской гражданской общины²³. Мора — самое

²³ Андреев Ю. В. Мужские союзы... С. 179.

большое деление внутри спартанской армии. В каждой море было по 600—750 человек. Во главе моря стоял полемарх.

Каждая мора... имеет... четырех лохагов...

По Ксенофону мора делилась на четыре лоха. Лохи как в Спарте, так и в других греческих полисах были чисто военными, тактическими подразделениями. Первоначально согласно административно-территориальному делению в Спарте было пять лохов по числу об, и в свой состав они включали только спартиатов. Эти пять лохов, подобно имперским римским легионам, имели свои названия. Так, существовал Месоатский лох (Μεσοάτης λόχος), имеющий то же название, что и оба Месоа (Μεσόα). Схолиаст Аристофана дает их перечень (Schol. ad Aristoph. Lys., 453). Ко времени Ксенофонта, возможно в результате проведенной где-то во 2-й пол. V в. военной реформы, число лохов уменьшилось: в ЛП их уже четыре, а не пять. Можно предположить, что жители Амикл больше не составляли отдельного лоха (Хен. Hell., IV, 5, 11). Во время похода войско стремилось маршировать по лохам (Хен. Anab., IV, 5, 4—6).

...восемь пентеконтеров...

Пентеконтер возглавлял пентекостию — одно из подразделений спартанской армии V—IV вв. В этот период данный термин уже не соответствовал более своему номинальному значению — «пять сотен». Число воинов в спартанских военных подразделениях не было постоянной величиной, оно менялось в зависимости от числа призванных на военную службу и могло сильно отличаться от первоначально планируемого. Так, при Мантинее в 418 г. одна пентекостия в среднем насчитывала 128 человек (Thuc., V, 68), а при

Левктрах в 371 г., по некоторым подсчетам, только 72 человека. По-видимому, в спартанской армии классического периода пентекостия была лишь реликтом какой-то более уже не существующей военной организации²⁴.

...подразделения то по три, а то и по шесть эномотий в ряд.

Слово эномотия (ἐνωμοτία) в переводе означает «группа, связанная вместе клятвой». Это наименьшая тактическая единица спартанской пехоты, состоящая из 25—36 воинов, связанных взаимной клятвой. Численность эномотии колебалась в зависимости от полноты набора. Эномотии, состоящие только из гоплитов, являлись основой военной организации Спарты, ее ядром, будучи, вероятно, столь же древними, как и сама армия гоплитов.

80 эномотий входили в 5 лохов по 16 эномотий в каждом. «Количество эномотий (3 или 6) в море зависит от того, какой набор — сокращенный или полный. При полном наборе в море, исходя из количества эномотархов, должно быть 16 эномотий, при сокращенном — 8. Остальные эномотии — 10 при полном наборе и 5 при сокращенном — формировались из периеков. Такое соотношение... достаточно хорошо согласуется с данными Ксенофонта о численности спартиатов в войске лакедемонян в битвах при Коринфе в 394 г. до н. э., Левктрах в 371 г. до н. э., а также других, более мелких столкновениях»²⁵.

²⁴ Андреев Ю. В. Мужские союзы... С. 195.

²⁵ Зайков А. В. Периеки в структуре спартанского полиса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1988. Вып. 24. С. 24 сл.

О структуре спартанской армии мы знаем очень мало, так как все сведения на этот счет или противоречивы, или темны. По-видимому, в какой-то момент перед Пелопоннесской войной в Спарте произошла военная реформа, после которой спартиаты и периеки перестали составлять отдельные контингенты и смешали свои ряды. В этой связи, возможно, изменилась и структура армии. Необходимость реорганизации, скорее всего, объясняется сокращением численности спартанских граждан. Исократ прямо указывает, что в его время, по крайней мере, периеки сражались в тех же отрядах, что и спартиаты (XII, 180). В трудах античных авторов спартанское войско, обязательно включавшее в себя и периеков, обозначалось, как правило, общим для этих двух категорий этником — лакедемоняне.

Судя по свидетельствам, относящимся главным образом к концу V в., внутри спартанской армии существовала хорошо структурированная система соподчинения, обеспечивающая высокую эффективность исполнения приказов. Фукидид, с большим интересом относящийся к военным реалиям, с нескрываемым восхищением перечисляет все ступени спартанской военной иерархии: «Он [царь] передает необходимые распоряжения полемархам, те — лохагам, лохаги — пентеконтерам; эти же — эномотархам, а последние, наконец, — эномотиин. Таким образом, приказы царей идут в одном и том же порядке и последовательности и быстро достигают своего назначения. Ведь лакедемонское войско почти целиком состоит из начальников над начальниками, и ответственность за точное выполнение приказов лежит на целом ряде лиц» (V, 66, 3—4).

§ 5

Ибо в лаконском строю воины первого ряда руководят...

Воины первого ряда принимали на себя главный удар. Кроме первого ряда очень важен был и последний ряд. По словам Ксенофонта, «на войне... надо ставить в первые и последние ряды лучших солдат, а в середине худших, чтобы одни их вели, а другие подталкивали» (Memorab., III, 1, 8 / Пер. С. И. Соболевского).

...каждая колонна имеет все, что нужно для ее сохранения.

Точное значение не ясно и текст, вероятно, испорчен.

§ 7

И даже если ряды расстроены, они все равно будут сражаться с появившимся неожиданно врагом.

То же самое у Плутарха: «Известно, что лакедемоняне, непревзойденные мастера и знатоки военного искусства, прежде всего старались приучить себя не теряться и не страшиться, если строй оказывается расторгнутым, но, где бы ни застигла каждого опасность, одновременно и восстанавливать порядок и отражать врага, используя поддержку всех товарищей позади и с обеих сторон» (Pelop., 23, 3—4 / Пер. С. П. Маркиша).

§ 8

Очень легко лакедемоняне делают и то, что инструкторам по тактике (τοῖς ὀπλομάχοις) кажется весьма затруднительным.

Слово ὁ ὀπλομάχος (досл. «сражающийся в тяжелом вооружении») у Ксенофонта засвидетельствовано только

здесь. Само слово и его производные не встречаются ранее IV в. до н. э. В это время так называли профессиональных учителей военного дела. Судя по контексту, их, скорее всего, и имел в виду Ксенофонт.

Если же враги... покажутся сзади, каждый ряд разворачивается так, чтобы лучшие воины всегда оказывались лицом к лицу с врагами.

Если армия была построена в виде фаланги, т. е. одна эномотия следовала за другой, а враг атаковал с тыла, каждый ряд эномотии совершал контрмарш: все воины разворачивались на 180 градусов и двигались в сторону арьергарда. Вся процедура называлась ἐξελυμός, т. е. поворот. Преимущество этого тактического маневра заключалось в том, что порядок построения гоплитов внутри каждого ряда оставался неизменным. Когда Агесилаю сообщили после битвы при Коронее, что враг напал на его обоз, находящийся в тылу, он сделал «маневр поворота» и отогнал нападавших (Xen. Hell., IV, 3, 18).

Глава XII

§ 3

Он постановил, чтобы в ночное время в случае ухода фаланги из лагеря лагерь охранялся скиритами...

Скириты — особый отряд спартанского войска, состоявший, видимо, из 600 легковооружённых воинов (Thuc., V, 68, 3) и небольшого количества всадников. Формировался отряд из горцев, населявших Скиритиду, горную область на границе Лаконии и Аркадии. Скириты принадлежали к

периекам, но находились на привилегированном положении. В регулярном сражении скиритский лох прикрывал левое (слабое) крыло. Действовал во взаимодействии с конницей. Использовался для самых трудных и опасных дел. Во время похода выполнял авангардную и арьергардную службу. Это был своего рода отряд быстрого реагирования²⁶. Диодор причисляет скиритский лох к элите спартанской армии: «Так называемый скиритский лох у спартиатов не входил в общий состав войска, а находился непосредственно при царе и оказывал поддержку тем частям войска, которые находились в затруднительном положении. Так как он состоял из лучших воинов, то это являлось важным фактором в решении сражения и зачастую определяло победу» (Diod., XV, 32, 1 / Пер. Д. В. Мещанского). Скириты непосредственно подчинялись спартанскому царю. Со временем, вероятно, далеко не весь скиритский лох стал набираться исключительно из жителей Скиритиды. (Вспомним о папских швейцарцах!)

...а теперь уже и наемниками (ὑπὸ ξένων) <...>, если кто-либо из них есть налицо.

Под ξένοι Ксенофонт явно имеет в виду наемников. Для спартанской армии это по преимуществу аркадяне и фракийцы. Аркадия находилась по соседству с Лаконией и поставляла наемников всей Греции, а Фракия славилась своими легковооруженными воинами (пелтастами), которые особенно подходили для ночных маневров и охраны благодаря своей исключительной мобильности. На спартан-

²⁶ О скиритах см.: Зайков А. В. Скириты в спартанском войске // Известия УрГУ: гуманитарные науки. Т. 63. 2009. № 1/2. С. 175–188.

ской службе фракийцы, очевидно, впервые появились при Брасиде (Thuc., V, 6, 4).

§ 4

...рабов (τοὺς δούλους) они не допускают к оружию...

Почему в данном месте Ксенофонт не прибегает к хорошо известному в Греции слову «илоты» (εἰλωτες)? Знаменательно, что на протяжении всего трактата Ксенофонт нигде не говорит об илотах, хотя он, конечно, прекрасно знал это местное наименование рабов (Hell., III, 3, 8). Но вряд ли стоит сомневаться, что в данном случае он имел в виду именно илотов, хотя и воспользовался общегреческим термином δοῦλοι для их обозначения. Для него эти слова были взаимозаменяемы: так, в «Греческой истории» (VII, 1, 12–13), судя по контексту, он явно использовал оба наименования в качестве синонимов. Что касается данного трактата, то замена специфически спартанского термина более общим его эквивалентом — это обычная стилизация, характерная для подобного рода трактатов с сильной идеологической компонентой. Ведь в «Лакедемонской политике» Ксенофонт, в отличие от «Греческой истории», сознательно избегает употребления локальных названий для обозначения различных групп полугражданского населения, таких, например, как гипомейоны, неодамоды или мофаки. Он только намекает на существование подобных групп.

Илоты, по своему положению больше напоминавшие средневековых крепостных, чем классических рабов, во много раз превышали своей численностью самих спартанцев. Недоверие последних к илотам во многом объясняется их многочисленностью. Уже Фукидид хорошо знал о том страхе, который спартанцы испытывали перед своими

рабами. Об этом свидетельствует целый ряд эпизодов в его «Истории»: восстание илотов 464 г. (I, 102, 3), их резня на Тенаре (I, 128, 2), массовое убийство двух тысяч илотов перед походом Брасида (I, 80, 4) и, наконец, договор 421 г., где афиняне брали на себя обязательство помогать спартамцам в случае восстания илотов (V, 23, 3). Фукидид поясняет, что «большинство лакедемонских мероприятий искони было, в сущности, рассчитано на то, чтобы держать илотов в узде» (I, 80, 3). О том же свидетельствует и Ксенофонт в «Греческой истории» (III, 3, 6). У Аристотеля картина еще более зловещая: спартанская молодежь, участвовавшая в криптиях, с благословения эфоров имела право убивать любого не понравившегося им илота (Arist. ap. Plut. Lyc., 28 = fr. 538 Rose). Воспринимая илотов как внутренних врагов, спартамцы питали к ним глубочайшее недоверие. По словам Крития, «спартаец всегда ходит, держа в руке копье, чтобы оказаться сильнее илота, если тот взбунтуется... Они изобрели себе также и запоры, с помощью которых они полагают преодолеть козни илотов...» (Critias ap. Liban. Or., XXV, 63 = fr. 37 Diels / Пер. А. Я. Гуревича).

Спартамцы старались держать илотов подальше от оружия. Как известно, в Спарте только члены гражданского коллектива имели право в мирное время носить оружие. Однако в военное время этот запрет часто нарушался. Уже во время Пелопоннесской войны спартамцы не раз вооружали илотов и включали их в состав своей армии (Thuc., V, 34, 1; 67, 1; VII, 19, 3; 58, 3; VIII, 5, 1; Xen. Hell., I, 3, 15). Правда, отряды бывших илотов никогда не смешивались с гражданскими полками: они не входили в спартанские лохи (ср. Thuc., V, 67, 1) и моры (Xen. Hell., IV, 3, 15), а представляли собой особый контингент гоплитов внутри спартанской армии. За

военную службу илоты, как правило, получали свободу и попадали в разряд так называемых неодамодов (досл. «новые граждане»), хотя это название скорее эвфемизм. Полноправными гражданами неодамоды не становились.

Неодамоды составляли незначительную часть от общего количества илотов. Как воины они считались намного слабее спартанских граждан (Xen. Hell., VI, 1, 14).

§ 6

...первый полемарх...

Первый полемарх, вероятно, возглавлял первую мору боевого построения войска. Он по своему положению в военной иерархии стоял непосредственно за царем. Этот пост, возможно, занимал Динон в армии Клеомброта во время битвы при Левктрах. Во всяком случае, Ксенофонт, говоря о гибели самых знатных спартанцев, называет среди них и Динона (Hell., VI, 4, 14). Из слов Геродота можно понять, что обычно полемархи были царского рода (VII, 173, 2).

§ 7

...пеан...

Пеан — хоровой гимн в честь богов. Особенно распространен был в Спарте. Во время военных кампаний, согласно Ксенофонту, армейские подразделения каждый вечер вместе пели пеаны. Исключение не составляла и царская палатка (Xen. Hell., IV, 7, 4). Филохор сообщает, что кроме пеанов спартанцы исполняли также отрывки из Тиртея: «Когда лакедемоняне с помощью Тиртея победили мессенцев, они завели воинский обычай: после обеда и после пения пеанов каждому пропеть еще что-нибудь из Тиртея, а полемарх решает, кто поет лучше, и в награду победителю дает мясо» (Philoch. ap. Athen., XIV, 630 f.).

Хоровому пению обучали всех спартанских мальчиков. Пеан был обязательным элементом спартанских праздников. В хоровом исполнении пеанов принимали участие все полноправные граждане, включая царей. Так, по свидетельству Ксенофонта, Агесилай исполнял пеан во время празднования Гиакинфий, «заняв то место в хоре, которое указал ему устроитель» (Ages., 2, 17).

Глава XIII

§ 1

Теперь я хочу изложить, какую власть и какие почетные права Ликург дал царю над войском.

Цари в Спарте прежде всего являлись верховными главнокомандующими. В архаический период, до значительного усиления эфората, цари обладали неограниченной военной властью. Как руководители войска они имели право по собственному усмотрению объявлять набор в армию и отправляться в поход в любую землю и в любом направлении, не советуясь с прочими спартанскими властями. Во время похода цари обладали всей полнотой власти и даже имели право карать смертью без какого-либо судебного разбирательства любого воина, проявившего трусость или недисциплинированность (Thuc., V, 66; Arist. Pol., III, 9, 2, 1285 a). Они могли заключать с врагом перемирие, вырабатывать предварительные условия мира и уводить армию домой (Thuc., V, 60, 1; 63, 1; Xen. Hell., III, 4, 5; 5, 23; 5, 34).

Вплоть до конца VI в. цари в военное время, как правило, осуществляли коллективное руководство. Но в 506 г. был принят закон, «запрещающий обоим царям вместе идти

в поход» (Her., VI, 75). Благодаря этому закону к началу V в. позиции царей в военной сфере несколько ослабли. Постепенно все большее значение в принятии решений и организации всей военной деятельности Спарты начинает приобретать народное собрание, возглавляемое эфорами. В классическое время процедура посылки царей в поход была следующей: народное собрание объявляло войну, а эфоры проводили военный набор. Для руководства армией спартанская апелла назначала одного из двух царей (Xen. Hell., IV, 2, 9; VI, 4, 18; 5, 10), который получал, таким образом, *carte blanche* для ведения данной военной кампании. В классический период царя в походе сопровождали один или два эфора в качестве своеобразных гражданских наблюдателей, следивших за поведением царя вне Спарты. Кроме того, начиная с 418 г. при царе в армии появляется штаб из десяти военных советников (Thuc., V, 63, 4; Xen. Ages., I, 7; Diod., XII, 78, 6; XIV, 79, 1; Plut. Lys., 23; Ages., 6). В дальнейшем мы не раз встречаемся с подобными советниками (не обязательно в количестве десяти) при спартанских царях и полководцах. Так, например, при Агесилае в Малой Азии в 395 г. находился штаб из тридцати советников (Xen. Hell., III, 4, 20; IV, 1, 5; 30; 34; Diod., XIV, 79; Plut. Lys., 30).

Несмотря на общую тенденцию в сторону уменьшения власти спартанских царей и передачи части их функций эфорам и другим полисным магистратам, царская власть сохраняла возможность оставаться де-факто доминирующей политической силой. Успешные цари-полководцы приобретали в Спарте подчас огромное влияние, подчиняя себе остальных полисных магистратов, в том числе и эфоров, ибо даже самые честолобивые из последних, будучи ограничены

жесткими временными рамками, не могли соревноваться с царями за влияние на граждан.

С ним питаются полемархи...

Полемарх в Спарте не являлся главнокомандующим подобно афинскому полемарху. Это лишь командир одной из 6 мор, подразделений, на которые делилось спартанское войско.

Вместе с царем также питаются три человека из числа «равных»...

В ближайшее окружение царя в качестве его постоянных сотрапезников кроме шести полемархов входили также три высших офицера, отвечающих за снабжение армии и руководящих вспомогательными службами. Важность этих интендантов была столь велика, что они даже питались за одним столом с царем-главнокомандующим. Интенданты, по-видимому, назначались из ближайшего окружения царя и входили в его свиту. Не случайно Ксенофонт подчёркивает, что они относились к числу «равных», т. е., безусловно, были полноправными гражданами. Станным кажется то, что Ксенофонт не упоминает в качестве сотрапезников царя эфоров. Трудно себе представить, чтобы эти высшие магистраты, сопровождавшие царя в походе, питались отдельно от него, вне царской походной сисситии. Молчание Ксенофонта можно объяснить его нежеланием вообще без особой нужды упоминать эфорат — институт, имманентно враждебный царской власти в Спарте.

Судя по составу сотрапезников, царская походная сиссития представляла собой военный совет при царе. Дома, в Спарте, оба царя, полемархи (Xen. Hell., V, 3, 20; Plut.

Ages., 20, 8), четыре пифия (Лас. pol., 15, 5) и несколько приближенных обедали вместе в одной сисситии.

§ 2—5

Столь подробное описание военных дивинаций свидетельствует о том, с каким дотошным вниманием спартанцы, как и сам Ксенофонт, относились к религиозному фактору и какое огромное значение они придавали точному исполнению всех необходимых для успеха военной кампании ритуалов. Спартанские военачальники, в том числе и цари, независимо от их собственной религиозности, старались выполнять все положенные обряды, чтобы не потерять доверия и уважения войска. Спартанцам нравились ясные директивы, исходящие от божества. Им необходима была уверенность, что боги на их стороне. Как всякие профессиональные военные, они были исключительно суеверны. Так, Агесилай в 396 г. отказался от продвижения вглубь Малой Азии из-за того, что «печень жертвенного животного оказалась без одной дольки» (Xen. Hell., III, 4, 15), и вернулся к морю. Известен только один, да и то незначительный, случай во всей спартанской истории, когда военачальник не отказался от экспедиции, несмотря на неблагоприятные предзнаменования (Xen. Hell., IV, 8, 35—36).

§ 2

...он приносит жертву Зевсу-Агетору и божествам, его спутникам.

У спартанцев «Агетор» (досл. «вождь», «руководитель») — эпитет Зевса. Под спутниками Зевса, по-видимому, имеются в виду покровители Спарты мифологические братья-близнецы Диоскуры, Кастор и Полидевк, сыновья

Зевса и Леды. Диоскуры во всех преданиях, связывающих их со Спартой, выступают как идеальный образец эфебов и воинов. Когда спартанец говорил о «двух богах», он имел в виду Кастора и Полидевка, в то время как афинянин — Деметру и Персефону. К спутникам Зевса спартанцы могли причислять и Менелая. Во всяком случае, на войне, как кажется, именно Диоскуры (Her., V, 75, 2; Paus., IV, 27, 2) и Менелай приобретали первостепенную важность для спартанцев (Simonid. fr. 11. 29–32 IEG).

Детальное описание предварительных жертвоприношений, приводимых здесь Ксенофонтom, иллюстрирует мелочный символизм спартанского ритуала, отработанного до автоматизма.

...«носитель огня» (πυρφόρος)...

Так в Спарте назывался жрец, сопровождавший в походе армию со священным неугасимым огнем и пользовавшийся привилегией неприкосновенности.

Здесь царь вновь приносит жертвы Зевсу и Афине.

Жертвоприношение Зевсу и Афине идентифицируется с жертвоприношением, совершаемым при переходе границы и называемым диабатериями (Xen. Hell., III, 4, 3; Polyae., I, 10). Диабатерии в строгом смысле, очевидно, ограничивались Спартой. Цари первыми переходили границу и последними оставляли вражескую территорию (Her., VI, 56).

Уже в Большой ретре Зевс Силланий и Афина Силлания²⁷ упомянуты в общем контексте (Plut. Lys., 6, 2).

²⁷ Все попытки дать приемлемое объяснение непонятному эпитету «Силланий» (Συλλάγιος), прилагаемому к именам богов,

По-видимому, в Спарте существовал их объединенный культ (Paus., III, 11, 11; 13, 6). Если Ксенофонт здесь имеет в виду Зевса Силлания и Афину Силланию (как в Большой ретре), то это было бы доказательством огромного значения этих божеств для спартанской общины.

§ 3

Огонь, взятый от жертвенного костра, несут все время впереди, не давая ему угаснуть...

Огонь следовало брать из дома, поскольку огонь вражеской страны считался нечистым. По этой причине после нашествия персов Пифия повелела потушить «по всей Греции оскверненный варварами огонь» и только после этого зажечь «другой, чистый, взятый с общего очага в Дельфах» (Plut. Arist. , 20, 4 / Пер. С. Я. Лурье).

Каждый раз царь начинает приносить жертвы в пред-рассветных сумерках, стремясь заранее снискать благосклонность божества.

Очевидно, греки считали, что боги пребывают в лучшем настроении по утрам. Возможно, именно поэтому

нельзя считать вполне удовлетворительными. Эпитет этот, по-видимому, был загадочен уже для Плутарха, так как он оставил его без какого-либо комментария. Наиболее удачным представляется чтение, основанное на глоссе Гезихия и принятое, в частности, издателем Плутарха К. Циглером, — Σκυλλάνιος. Гезихий толкует его как «воинственная», по всей видимости, считая это слово эпитетом Афины (Hesych., s. v. Σκυλλανίς· ἡ πολέμικη). В словаре Стефана Византийского Скиллием названа гора и местность на Крите, где почитался Зевс Скиллий (Steph. Byz., s. v. Σκύλλιον· ὄρος Κρήτης...). Это сильный аргумент в пользу критского происхождения законодательства Ликурга.

Агесиполид не стал совершать жертвоприношение вечером после землетрясения, но дождался следующего утра (Xen. Hell., IV, 7, 5).

Для Спарты особенно характерна была близость политики и религии. Отсюда та исключительная важность, которую придавали спартанцы военным дивинациям. Ведь в авторитарных обществах, подобных спартанскому, ответственные решения скорее принимались под воздействием религиозных чувств, чем исходя из рациональных соображений. Известно, что за спартанской армией гнали целое стадо животных для жертвоприношений с тем, чтобы в любое время можно было узнать волю богов. Когда спартанская армия уже находилась на вражеской территории, консультативные жертвоприношения проводились регулярно перед принятием любых решений (Xen. Hell., III, 4, 15; IV, 7, 7; Hell. Оху., 7, 4). Сами цари свято верили в дивинации, ибо, как и все их сограждане, были убеждены в том, что «одни боги знают все, и кому желают, предуказывают в жертвах, птицах, человеческом голосе и сне» (Xen. Hippiarch., 9, 9 / Пер. Г. А. Янчевицкого). Исключительная даже для греков религиозность спартанцев заставляла их неукоснительно исполнять все предписания богов. В результате любые неблагоприятные дивинации могли стать причиной задержки войска (Her., IX, 36; Xen. Hell., III, 1, 17–19) и уважительным поводом для выхода из битвы. В спартанской истории было немало случаев, когда цари-военачальники изменяли планы и даже отказывались от военных кампаний из-за нерасположения богов или прибывали к театру военных действий с большим опозданием (Her., VI, 76; Thuc., V, 54, 1; 55, 3; 116, 1). Как правило, сами спартанцы объясняли своим союзникам подобные задержки обстоятельствами религиозного плана:

необходимостью проведения празднеств в честь государственных богов, изречениями оракулов, запрещающими поход, а также неблагоприятными небесными знамениями или неудачными ауспициями.

§ 4—5

При жертвоприношениях присутствуют полемархи, лохаги, пентекостеры... Также присутствуют два эфора...

Ксенофонт специально обращает внимание читателей на то, что в полевых условиях публичная церемония жертвоприношения происходит в присутствии высшего военного и гражданского руководства страны. Эти высокопоставленные свидетели — гаранты правильности совершаемых царем манипуляций. Столь подробное для небольшого трактата описание походных жертвоприношений — свидетельство исключительной важности подобных ритуалов для всех спартанцев. Армии требовалась уверенность, что их лидер неукоснительно следует указаниям богов.

§ 5

...два эфора...

Важнейшей сферой деятельности эфоров было руководство внешней политикой спартанского государства. Хотя эфоры были сугубо гражданскими магистратами, их присутствие в армии во время заграничных походов было обязательным. Обычай посылать в действующую армию эфоров ведет свое начало еще от эпохи Греко-Персидских войн. Во всяком случае, присутствие эфоров в армии впервые засвидетельствовано именно для этого периода (Нер., IX, 76, 3). Количество эфоров при этом не оговаривалось,

но чаще всего при царе был только один эфор. К концу Пелопоннесской войны, как видно из сообщений Ксенофонта, каждого спартанского царя, кроме советников, стали сопровождать уже два эфора вместо прежнего одного (Hell., II, 4, 36). Решение увеличить присутствие эфоров в армии с одного до двух выглядит как очередная превентивная мера, острейшим своим направленная на предотвращение коррупции в армии.

...все прочие — профаны в военном деле, и только одни лакедемоняне — истинные знатоки.

Согласно Ксенофону, военный успех был гарантирован тем людям, которые «почитают богов, предаются военным упражнениям и ревностно исполняют приказы военачальников» (Ages., 1, 27). В этой триаде успеха важной составляющей является умение воевать. Мнение Ксенофонта об особых военных талантах спартанцев не уникально. Уже Фукидид отмечал, что спартанцы проявляли большее старание в военном деле, чем союзники, потому что они были свободны от добывания хлеба насущного (III, 15, 2). Плутарх называет спартанцев «непревзойденными мастерами и знатоками военного искусства» (Pelop., 23, 4).

Спарта обладала самой профессиональной армией в Греции. Здесь рано, еще в первые века архаики, произошла гоплитская реформа и по крайней мере уже ко времени Второй Мессенской войны фаланга стала основным построением спартанской армии. У Тиртея мы находим прекрасное описание спартанской фаланги (или протофаланги) (fr. 6—9 Diehl³).

В отличие от любого другого гражданского ополчения, спартанская армия состояла только из профессионалов,

поскольку для граждан не существовало такого понятия, как выбор профессии: они все были профессиональными военными (Plut. Arrophth. Lac., 2, 72 = Mor., 214 a-b) и все свое время посвящали подготовке к войне. Созданная еще в эпоху ранней архаики (начало VIII в.) уникальная общественно-политическая система, превратившая всех граждан в воинов, а Спарту — в военный лагерь, полностью оправдала себя. Как замечает Арнольд Тойнби, «Ликургова система во всех своих проявлениях была направлена только к одной цели; и эта цель была Спартой достигнута. При Ликурговой системе спартанская тяжелая пехота была лучшей пехотой эллинского мира... Почти два столетия эллинский мир боялся встречи с лакедемонской армией в открытом сражении. Тренированность и моральный дух лакедемонян были неподражаемы...»²⁸. Недаром Ксенофонт, сам долгое время служивший в спартанской армии, считал ее лучшей в Греции и приложил немало сил, чтобы внушить эту мысль своим читателям. Даже став свидетелем полного разгрома спартанцев при Левктрах в 371 г., он не отказался от этой своей уверенности.

§ 6

...царь берет агему первой моры...

Что означала агема в спартанской армии, неясно. Возможно, это была передовая часть маршевой колонны (исходя из значения глагола ἄγω — веду). Позднее этим словом назывался элитный отряд (царская агема) при македонском царе (Polyb., V, 82, 4). Вероятно, македоняне заимствовали этот термин у спартанцев.

²⁸ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 202.

§ 7

...самый старший из царских советников (ὁ πρεσβύτατος τῶν περὶ δαμοσίαν).

Дамосия (δαμοσία) — царская палатка (у спартанцев). Это лаконский *terminus technicus*. Встречается у Ксенофонта еще дважды (Hell., IV, 5, 8; VI, 4, 14), и каждый раз в его дорийской форме²⁹. «Самый старший» (ὁ πρεσβύτατος) при неукоснительном соблюдении спартанцами возрастной субординации означает скорее возраст, чем военное звание (старшина).

...прорицатели (μάντιες)...

Ксенофонт причисляет прорицателей к свите царя. Во время походов в распоряжении спартанских царей находились профессиональные жрецы-прорицатели, гадавшие, как правило, по внутренностям жертвенных животных. Их услуги высоко ценились, а сама «профессия» была наследственной. Так, прорицатель Тисамен из знаменитого жреческого рода Иамидов из Элиды в 480 г. был принят в спартанскую общину и на протяжении многих лет занимал пост главного жреца-прорицателя в Спарте (Hec., IX, 33, 35; Paus., III, 11, 5—8). По словам Геродота, Тисамен и «его брат были единственными людьми, которые сделали спартанскими гражданами» (IX, 35).

...врачи (ἰατροί)...

Греческие военные врачи впервые упомянуты Гомером (Il., II, 731—32). У Ксенофонта военные врачи в «табели о рангах» стоят за прорицателями, но перед музыкантами.

²⁹ Андреев Ю. В. Мужские союзы... С. 182.

Такой порядок перечисления, вероятно, отражает их социальный статус: ниже, чем у жрецов, но выше, чем у профессиональных музыкантов. Согласно поздней, возможно, идеализированной традиции, в классической Спарте к врачебному искусству относились в целом скептически. Так, царю Павсанию приписывают целый ряд остроумных изречений о врачах, обращение к которым смертельно опасно для больного (Plut. Arophth. Lac., 59, 4—7 = Mor., 231 a)³⁰.

...флейтисты (αὐληταί)...

Фукидид пишет, что лакедемонская фаланга наступала на врага «медленно под звуки воинственной мелодии, исполняемой множеством флейтистов, стоявших в их рядах». При этом историк объясняет, что это делалось не из религиозных соображений, а из тактических: под музыку легче было сохранять боевой порядок (V, 70). Скорее всего, флейтисты занимали строго фиксированное место в боевом строю, стоя позади «трехсот». Они, конечно, были безоружны. В Спарте профессия флейтиста считалась почетной и передавалась по наследству (Her., VI, 60). Флейтист Ферсандр даже составлял компанию известному спартанскому военачальнику Фиброну, на досуге занимающемуся метанием диска (Xen. Hell., IV, 8, 18).

§ 8

...перед лицом неприятеля приносят в жертву молодую козу...

Об этом же, но более подробно — в «Греческой истории»: «Когда между армиями осталось меньше стади

³⁰ Вот пример одного из таких изречений: Один врач сказал Павсанию: «Ты стал стар». — «Потому, — отвечал царь, — что не лечился у тебя» (Plut. Arophth. Lac., 59, 6).

расстояния, лакедемоняне принесли, как у них водится, в жертву Сельской Артемиде козу и пошли против врага...» (IV, 2, 20). Артемиды Агротера (Сельская) являлась по преимуществу богиней охоты, но охота в Спарте была тесно связана с войной.

Закон предписывает, чтобы... каждый спартанец надел венок...

Геродот сообщает, что когда спартанцы идут «на смертный бой, они украшают себе головы» (VII, 209, 3). Судя по краткой реплике Сосибия, это правило не распространялось на спартанскую молодежь, еще проходящую или только что закончившую обучение (Sosibius ap. Athen., XV, 674 b). По всей видимости, венки одевались только во время жертвоприношения, совершаемого непосредственно перед битвой (ср.: Xen. Anab., VII, 1, 40; Сугор., III, 3, 34).

§ 8 послужил образцом для Плутарха (Лус., 22, 4: «Когда построение боевой линии заканчивалось, царь на глазах у противника приносил в жертву козу и подавал знак всем увенчать себя венками, а флейтистам приказывал играть Касторов напев и одновременно сам затягивал походный пеан»).

§ 9

Молодому человеку (τῷ νέῳ)...

Слово ὁ νέος не обязательно означает «юноша», как его нередко переводят. Как и слово ὁ νεαῖος, с помощью которого Ксенофонт определяет возраст главы заговорщиков Кинадона (Hell., III, 3, 9), его не надо понимать буквально: ведь русское слово «юноша» дает несколько другой, романтический оттенок. Оба слова могут относиться

к людям от 20 и до 40 лет, но чаще всего, однако, речь идет о молодых людях между 25 и 30 годами, как можно понять из некоторых указаний источников (Хен. Memorab., I, 2, 35; Plat. Leg., VI, 760 с). Именно они стояли в первых рядах фаланги и должны были своим видом производить особенно устрашающее впечатление на врага.

А приказания передают эномотарху; ибо они не могут быть услышаны через всю эномотию каждым эномотархом, который стоит снаружи.

Текст не очень ясен. Ксенофонт, по-видимому, имел в виду следующую ситуацию: пентекостер, как положено, стоял справа от своего отряда, т. е. справа от двух эномотий, которыми он командовал. Когда он отдавал приказ, тот с трудом достигал эномотарха внешней левой эномотии, потому что в каждой пентекостии этот приказ должен был пройти расстояние в целую эномотию, прежде чем достигнуть второго эномотарха. По этой причине приказ передавался тем солдатам, которые стояли на передней линии эномотии, слева от пентекостера. Таким образом приказ доходил до второго эномотарха, который стоял вне видимости пентекостера.

§ 10

Однако право отправлять посольства к друзьям или врагам не (οὐ) принадлежит царю.

Большинство издателей следуют чтению οὐ (отрицание «не») вместо αὖ — частица со значением «потом», «далее», имеющая место в рукописной традиции. Эта конъектура придает, конечно, всему изложению более естественный и логичный вид.

Исторические свидетельства касательно этого спорного вопроса разделились. Существует немало сообщений о царе, принимающем или посылающем посольства (Her., V, 49—51; Thuc., II, 12, 1; V, 59, 5- 60, 1; VIII, 5, 1—3; Xen. Hell., II, 4, 31; III, 4, 11; 4, 25). Не меньше свидетельств и о дипломатической деятельности эфоров, осуществлявших общее руководство внешней политикой страны (Her., IX, 7—11; Xen. Hell., II, 2, 12; 2, 17; III, 4, 26). Ксенофонт прямо говорит, что «одни лишь эфоры полномочны в вопросах мира и войны» (Hell., II, 2, 18). Эфорам были предоставлены самые широкие полномочия в делах, связанных с приемом иностранных послов (Her., IX, 7—9; Xen. Hell., II, 2, 13; 2, 19; 4, 38; III, 1, 1; V, 2, 11; Polyb., IV, 34). Эфоры по собственной инициативе могли также посылать посольства, уполномоченные принимать ответственные решения. Во время войны коллегия эфоров поддерживала постоянную связь с армейскими и флотскими командирами (Thuc., VIII, 11, 3; Xen. Hell., III, 1, 1; 1, 7; 2, 6; 2, 12; 5, 6; V, 1, 1; Plut. Ages., 17) и регулярно посылала им поручения и приказы, — вероятно, по древнему способу, с помощью скиталы (Thuc., I, 131, 1; Xen. Hell., III, 3, 9; V, 2, 34). В действующую армию эфоры часто направляли письма, порицающие или хвалящие поведение как главнокомандующего, так и рядовых воинов. Эти послания в обязательном порядке зачитывались всему войску (Xen. Hell., III, 2, 6). Причем мнение эфоров, находящихся в действующей армии, при решении любых общих вопросов имело бóльший вес, чем мнение царя (Xen. Hell., II, 4, 35).

Создается впечатление, что цари могли принимать или отправлять посольства, заключать перемирия или собирать деньги с союзных и подчиненных общин только с ведома

и согласия центральных властей, т. е. прежде всего, эфоров. Вот хрестоматийный пример: царь Агис, не пользующийся особым авторитетом в Спарте, тем не менее на тот период, пока он с армией находился в Декелее, получил мандат от спартанских властей на право действовать самостоятельно, как стратег-автократор: «Ведь пока царь стоял с войском в Декелее, он имел право посылать куда ему угодно отдельные отряды, собирать налоги, взыскивать деньги» и по собственному усмотрению распоряжаться союзниками (Thuc., VIII, 8, 5). Как видно из этого свидетельства, царь имел не только военные, но и политические полномочия. Однако эти полномочия не принадлежали царям на постоянной основе, а были даны «по случаю», исходя из конкретных военных задач.

§ 11

Так, если кто-нибудь приходит искать правосудия, царь отправляет его к элланодикам...

По своим функциям спартанские элланодики (οἱ ἑλλανοδίκαι — досл. «эллинские судьи»³¹), вероятно, походили на киферодиков — магистратов, ежегодно посылаемых на остров Киферу (Thuc., IV, 53, 2), чье изолированное местоположение требовало постоянного присутствия там представителя Спарты с судебными полномочиями. В период существования спартанской державы, когда велись многочисленные военные кампании вдалеке от метрополии, было невозможно переносить все судебные разбирательства в Спарту. Элланодики, вероятно, были членами

³¹ У Пиндара элланодики — главные судьи на Олимпийских играх.

военно-полевых судов по делам союзников, находящихся в составе спартанского войска, точно так же, как цари (или эфоры) — судьями по делам спартиатов. Сам термин и должность, очевидно, появились в Спарте не ранее середины VI в. в связи с образованием Пелопоннесского союза под спартанской гегемонией. «Говорящее» наименование — знак претензий Спарты на великодержавность. Впрочем, источники о спартанских элладодиках практически отсутствуют.

...к лафирополам.

Лафирополы — торговцы военной добычей, уполномоченные по продаже награбленного. Греческую армию обычно сопровождало множество лафирополов, которые прямо на месте сражения продавали захваченную добычу и пленников.

В Спарте военная добыча, как правило, считалась собственностью казны, и потому лафирополы (οἱ λαφυροπῶλαι — досл. «продавцы военной добычи») были государственными магистратами, которые продавали государственную собственность. Правда, это не исключало всякого рода махинаций со стороны армейского руководства, желавшего с помощью военной добычи обогатить себя и своих друзей (Xen. Ages., 1, 16—18). Спарта была единственным греческим полисом, где лафирополы являлись государственными «чиновниками».

Глава XIV

Это единственная глава, посвящённая критике современной Ксенофону Спарты. Она противоречит всему

предыдущему изложению и потому иногда принимается или за позднюю вставку, не принадлежащую Ксенофону, или за его собственный критический очерк, позже добавленный к прежней апологии. Общепринятым является мнение, что Ксенофонт был вынужден сделать эту реалистическую поправку в качестве уступки своим читателям, которые были осведомлены о действительном состоянии спартанского общества, очень далекого от изображённого им идеала.

§ 2

...прежде спартанцы предпочитали скорее жить в своем отечестве... чем быть гармостами в городах...

Фраза не совсем точная. Гармосты (οἱ ἀρμοσταί) осуществляли руководство не только городами, но и целыми областями.

Первоначально гармостами в Спарте назывались должностные лица, ежегодно посылаемые в города периеков для наблюдения за состоянием дел в этих общинах и для поддержания в них порядка (Schol. ad. Pind. Olymp., VI, 154 с). Модификацией этих древних гармостов можно считать новый их тип, который появился и сформировался в ходе Пелопоннесской войны. Гармостов стали посылать в союзные города в качестве военных комендантов. Здесь вместе с местными олигархическими правителями они отстаивали интересы Спарты. Модифицированный институт гармостов просуществовал около 30 лет вплоть до битвы при Левктрах (Xen. Hell., VI, 3, 18; Paus., IX, 6, 4) и высшей точки своего развития достиг в 90-е годы IV в., став той базой, на основе которой Спарта строила свои отношения с новыми союзниками.

Для спартанского полиса институт гармостов был во многом чужеродным элементом. Он так и не вписался в общий контекст обычных полисных магистратур. Гармосты назначались и эфорами, и навархами, и царями. Не были строго определены ни сроки их деятельности, ни круг полномочий, ни границы подотчетных им территорий. Военная и финансовая самостоятельность гармостов неизбежно ставила их вне полиса и нередко приводила к перерождению этой военной магистратуры в тиранию. Правление гармостов было суровым, даже тираническим, как утверждал фиванский оратор у Ксенофонта (Xen. Hell., VI, 3, 8; см. также Xen. Hell., III, 5, 12; VI, 3, 7–9; Isocr. IV, 117; Diod., XIII, 66, 5; XIV, 3; 12, 2–9; Paus., IX, 32. 8–10; Plut. Lys., 15; 19; Mor., 773 c-d). По словам К. Ю. Белоха, «многие спартанские гармосты обращались с союзниками так, как они на родине привыкли обращаться со своими илотами»³². Грубое обращение гармостов с союзниками иногда становилось предметом судебного разбирательства в Спарте. Характерна в этом отношении судьба Клеарха. В 403 г., будучи во второй раз назначен гармостом в Византий, он повел себя как классический тиран, устроив в городе настоящий террор с массовыми убийствами, изгнаниями и конфискацией имущества (Diod., XIV, 12, 2–9). Жестокое обращение Клеарха с союзниками во многом способствовало складыванию у греков традиционного образа спартанского гармоста-тирана³³. Недаром поведение Клеарха вызвало недовольство в Спарте и привело в конце

³² Белох К. Ю. История Греции. Т. II. М., 1899. С. 91.

³³ О тирании Клеарха см.: Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972. С. 61 сл.

концов к отрешению его от должности (Diod., XIII, 66, 5; XIV, 12, 2—9). Ксенофонт в «Греческой истории» об этих «подвигах» своего друга умалчивает.

§ 3

Я знаю также, что раньше, если у кого было золото, они боялись показать это. Теперь же некоторые даже гордятся тем, что им владеют.

Уже в древности не раз высказывалась мысль, что спартанская гегемония над Грецией положила начало моральному разложению спартанцев и отходу их от прежнего образа жизни. Так, по словам Плутарха, «начало порчи и недуга Лакедемонского государства восходит примерно к тем временам, когда спартанцы, низвергнув афинское владычество, наводнили собственный город золотом и серебром» (Ages., 5). Гранью, таким образом, для Плутарха является конец V — начало IV в.

Действительно, в ходе Пелопоннесской войны и особенно во время спартанской гегемонии правящая корпорация приобрела большие богатства. Сумела обогатиться также и военная верхушка. Так что успешная военная деятельность Спарты помогла составить состояния как древней аристократии, так и новым людям, высшим офицерам Лисандра и Агесилая. Прежний закон, запрещающий частным гражданам владеть золотой и серебряной монетой, если и не был официально отменен, больше фактически не соблюдался. Ксенофонт в ЛП говорит о тех временах (90—80 гг. IV в.), когда богачи уже перестали скрывать свое богатство и не боялись открыто его демонстрировать.

О богатствах, скопившихся в руках спартанской элиты, дает представление Плутарх в жизнеописании Агиса IV

(Agis, 4, 1–2; 9, 5–6). Царь-реформатор Агис (правил с 244 по 241 гг.), его семья и ближайшее окружение обладало такими средствами, что на них можно было проводить социальную реформу, не обращая при этом к государственной казне.

§ 4

...в прежнее время для того и существовали ксенеласии (ξενελασίαις) и не разрешалось ездить за границу, чтобы граждане не заражались от чужеземцев легкомыслием...

Ксенеласия (ἡ ξενελασία — досл. «изгнание чужеземцев») — исключительно спартанское явление. Предание свидетельствует об очень настороженном отношении спартанских властей к иностранцам. По свидетельству Плутарха, нежелательные иностранцы изгонялись из Спарты (Inst. Lac., 20 = Mor., 238 e). Из Геродота (III, 148) следует, что эфоры, а не цари были инициаторами этих изгнаний. Источники сохранили названия профессий, носители которых определенно подвергались ксенеласии. Это были в основном ремесленники, производившие предметы роскоши: изготовители благовоний, красильщики шерсти, ювелиры (Chrysipp. ap. Athen., XV, 686 f-687 a; Plut. Apophth. Lac., 53, 19 = Mor., 228 b). Изгонялись также люди творческих профессий, которые, по мнению властей, могли пагубно повлиять на граждан. Так, Плутарх передает следующий анекдот: «Когда поэт Архилох пришел в Спарту, его в тот же день изгнали, так как он написал в стихотворении, что бросить оружие лучше, чем умереть» (Inst. Lac., 34 = Mor., 239 b).

Примерно с сер. VI в. спартанцы перестали приглашать к себе сколько-нибудь известных поэтов, тогда как раньше

делали это охотно. Последним таким гостем был, возможно, Стесихор. По словам Плутарха, поскольку Спарта не нуждалась в образованных людях, то из страны изгонялись «не только сами науки, но и люди, ими занимающиеся» (Inst. Lac., 4 = Mor., 237 a).

Однако ксенеласия в Спарте не носила тотального характера и не стоит преувеличивать число изгнанных иностранцев. Подобная практика применялась избирательно только в отношении тех иностранцев, которые представляли какую-либо опасность для государства. А друзья Спарты могли жить там годами. Примером длительного проживания в Спарте иностранца было пребывание там Алкивиада (415—412 гг.) или самого Ксенофонта. Наш историк с явным одобрением относится к практике ксенеласии, препятствующей, по его мнению, порче нравов.

Другой стороной ксенеласии было наличие «железного занавеса» для самих спартанцев или по крайней мере для большей их части (Isocr. XI, 18). Власти старались не выпускать собственных граждан за пределы страны (Aristoph. Av., 1012; Plut. Lyc., 27), «чтобы они не могли приобщаться к чужеземным нравам и образу жизни людей, не получивших спартанского воспитания» (Plut. Inst. Lac., 19 = Mor., 238 d-e). Вот что пишет Плутарх об этих двух практиках: «...он (Ликург. — Л. П.) не разрешил выезжать за пределы страны и путешествовать, опасаясь, как бы не завезли в Лакедемон чужие нравы, не стали подражать чужой, неупорядоченной жизни и иному образу правления. Мало того, он изгонял тех, что стекались в Спарту без какой-либо нужды или определенной цели — не потому, как утверждает Фукидид, что боялся, как бы они не переняли учрежденный им строй и не выучились доблести, но, скорее,

страшась, как бы эти люди сами не превратились в учителей порока. Ведь вместе с чужестранцами неизменно появляются и чужие речи, а новые речи приводят новые суждения, из которых неизбежно рождаются многие чувства и желания, столь же противные существующему государственному строю, сколь неверные звуки — слаженной песне. Поэтому Ликург считал необходимым зорче беречь город от дурных нравов, чем от заразы, которую могут занести извне» (Лус., 27, 3–4)³⁴.

Гражданам было запрещено под страхом смерти покидать Спарту с тем, чтобы поселиться за рубежом (Plut. Agis, 11, 2). В древности стало трюизмом упрекать спартанцев в том, что они теряют все свои хваленые достоинства, как только попадают за границу (Plut. Apophth. Lac., 32, 8 = Mor., 220 f.)³⁵. Действительно, спартанская аристократия стремилась служить подальше от дома главным образом ради того, чтобы избежать традиционной спартанской дисциплины. В Спарте, особенно в ее лучший, имперский, период, существовало немало энергичных и инициативных людей, подобных Деркилиду, чья любовь к заграничной службе даже была отмечена Ксенофонтom (Hell., IV, 3, 2). Как свидетельствует Плутарх, традиция ксенеласии была жива в Спарте очень долго, вплоть до эпохи эллинизма (Agis, 10, 1–6).

³⁴ Аналогичные меры были приняты в Японии: законы 1636 и 1639 г. запрещали японским подданным путешествовать за границу, а португальцам — оставаться в Японии.

³⁵ О ксенеласии см.: Зайков А. В. Спартанские ксенеласии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 6–25).

...теперь же, как мне известно, лица, считающиеся первыми в государстве, прилагают все усилия к тому, чтобы постоянно находиться в качестве гармостов на чужбине.

На практике гармостов редко назначали, руководствуясь исключительно их личными качествами, скорее, значение имели их семейные и политические связи. Как известно, на местах гармосты обладали почти неограниченной властью — во многом благодаря весьма отдаленному местоположению своих «провинций». Назначение гармостом, особенно в молодом возрасте, часто рассматривалось как начало военной карьеры. Редкие свидетельства заставляют предположить, что гармосты и прочие высшие офицеры, несущие службу за границей, происходили в основном из лучших спартанских семей (Xen. Hell., II, 2, 2; Diod., XIV, 3, 5: Сфенелай, гармост Византия и Халкедона, и Форак, гармост Самоса); наличие наследственных ксенических связей было важным аргументом для получения искомой должности.

Нельзя исключить, что весь этот параграф является скрытой критикой Деркилида, которого Ксенофонт, возможно с некоторым сарказмом, называет «любителем путешествовать» (Hell., IV, 3, 2). Действительно, Деркилид, служа в течение 20 лет (с 411 по 389 гг.) гармостом в различных областях спартанской державы, доказал свой необыкновенный талант в деле добывания денег как для своей армии (Xen. Hell., III, 1, 28), так и для себя лично (Xen. Hell., III, 2, 9; Diod., XIV, 38, 7). По словам Ксенофонта, Деркилид за ловкость и изобретательность даже получил прозвище Сизиф (Hell., III, 1, 8). Деркилид поставил

абсолютный рекорд среди спартанских гармостов³⁶ по продолжительности своего пребывания за границей.

§ 6

...прежде эллины, приходя в Лакедемон, просили спартанцев предводительствовать в их борьбе против тех, кого они считали своими обидчиками...

Намек на выдающуюся роль Спарты в Греко-Персидских войнах. Ксенофонт мог думать об афинском посольстве в Спарту за поддержкой против персов в 490 г. (Her., VI, 106). Хотя к Спарте нередко обращались за военной помощью, но получали ее далеко не всегда. Спарта очень осторожно относилась к любым внешнеполитическим инициативам, требующим от нее отправки больших воинских контингентов за границу. Так, около 517 г. Спарта отказалась помочь правителю Самоса Меандрию, который рассчитывал на ее военную поддержку для организации сопротивления персам (Her., III, 148). Другая очень похожая история относится ко времени Ионийского восстания. В 499/8 г. в Спарту прибыл Аристагор, тиран Милета, и лично попытался убедить спартанцев начать военные действия против Персии, но получил решительный отказ (Her., V, 49–51). И таких примеров немало.

Но можно найти и несколько случаев, когда Спарта оказывала помощь тем, кто ее об этом просил. Так, в 400 г. в Спарту обратились за помощью греки Малой Азии, чью территорию захватил персидский сатрап Тиссаферн. И эта помощь была им немедленно оказана (Hell., III, 1, 3).

³⁶ Список гармостов см.: Bockisch G. 'Ἀρμόσται (431–387) // Klio. Bd. 46. 1965. S. 236–239.

У Спарты часто просили и военачальников. Самый известный пример — Гилипп, который в 415 г. был послан в Сицилию, чтобы возглавить войско сиракузян (Thuc., VI, 93, 2).

...теперь же многие призывают друг друга всячески препятствовать спартанцам снова захватить власть над ними.

Судя по смыслу этого фрагмента, 14-я глава писалась, когда Спарта уже утратила свою гегемонию в Греции. Исследователи с полным основанием видят в этом замечании намек на создание Второго Афинского морского союза.

Глава XV

Последняя глава «Лакедемонской политики» полностью посвящена царской власти в Спарте. Обо всех остальных политических институтах, — таких, как герусия, эфорат и народное собрание, — Ксенофонт или вообще не говорит, или упоминает их только *ad hoc*. Такой выбор свидетельствует об огромной, с точки зрения Ксенофонта, значимости царской власти для Спарты. На решение Ксенофонта сделать акцент именно на институте царской власти повлиял, по-видимому, и чисто субъективный фактор — его личная дружба с Агесилаем и искреннее им восхищение.

В этой главе Ксенофонт останавливается в основном на сюжетах, представляющих царскую власть в наиболее привлекательном виде. К сожалению, далеко не все темы, интересующие нас, были интересны и Ксенофонту. Так, Ксенофонт не касается такого важного сюжета, как воспитание спартанских царей. Подобное умолчание логично объяснить

тем, что эта сторона их жизни, по мнению Ксенофонта, ничем не отличалась от общепринятых норм, и цари подобно всем прочим спартиатам подвергались общественному воспитанию в спартанских школах-казармах. Хотя возможно, их вовлечение в эту систему было только частичным, поскольку будущим царям необходимы были знания, лежавшие за пределами требований, предъявляемых к рядовым ученикам.

§ 1

...царская власть — единственная, которая остается именно такой, какой она была установлена с самого начала.

Это очередная «передержка» Ксенофонта: он хотел представить царскую власть как некий идеальный институт, настолько хорошо изначально устроенный, что никакие изменения его больше не коснулись. В своем трактате «Агесилай» Ксенофонт высказывает ту же самую мысль, но в более развернутом виде: «Государство спартанцев никогда не пыталось свергнуть их (царей. — Л. П.) с престола, проникшись завистью к их главенствующему положению, а сами цари никогда не стремились выйти за пределы тех полномочий, на условиях которых они с самого начала получили царскую власть. Поэтому нигде нельзя отыскать другого управления — демократии, олигархии, тирании или царской династии, — которое обладало бы такой непрерывной преемственностью власти, как в Спарте. Только здесь власть переходит без перерыва от одного поколения царей к другому» (1, 4).

Конечно, Ксенофонт, желая выделить царскую власть как единственно устойчивый и не склонный к переменам

политический институт, допускает сильное преувеличение. В действительности начиная по крайней мере с середины VI в. власть царей постепенно ослабевала: многие царские полномочия перешли в руки эфоров, такие важные, например, как председательство в народном собрании. Несмотря на общую тенденцию в сторону уменьшения власти спартанских царей и передачи части их функций эфорам и другим полисным магистратам, цари сохранили за собой особое, присущее только им положение в государстве и не превратились просто в наследственных и несменяемых военачальников, как их статус определил Аристотель (Pol., II, 9, 2, 1285 a). Ксенофонт, по-видимому, преувеличивал масштабы власти спартанских царей, исходя не только из своих политических пристрастий, но и находясь под обаянием личности одного из величайших царей Спарты — Агесилая. Последний обладал особенными дарованиями, благодаря которым в течение своего долгого правления (399—360 гг.) сумел сохранить всю полноту военно-политической власти (Xen. Ages., I, 7; Diod., XIV, 79, 1; Plut. Lys., 23; Ages., 6).

§ 2

...царь, ведущий свое происхождение от бога...

Под богом в данном контексте может иметься в виду только Зевс. Спартанские цари уже в период классики перестали быть верховными судьями своего народа и утратили часть своего военного империя, но это не привело к уничтожению самой царской власти главным образом потому, что за царями оставалась в нетронутom виде их функция верховных жрецов общины. Цари были жрецами своего божественного предка Зевса и воспринимались как символы его двух сыновей Диоскуров (Thuc., V, 16, 2). Так, уже

в стихах Тиртея четко выражена идея о богоданности власти спартанских царей:

Сам ведь Кронион, супруг прекрасноувенчанной Геры,
Зевс, Гераклидам вручил город, нам ныне родной.

(Fr. 3a Diehl³ / Пер. Г. Церетели)

Смысл этого фрагмента Тиртея, несмотря на лакуны, вполне ясен: спартанцы должны подчиняться своим царям, Гераклидам, поскольку их власть санкционирована богами, и более того, сам Зевс, считавшийся защитником царской власти как установления, вручил Спарту в управление Гераклидам.

Оба царя могли довести свое происхождение до Геракла и, таким образом, до самого Зевса. Геродот в рассказе о герое Фермопил царя Леониде перечисляет поименно всех его предков вплоть до Геракла (VII, 204). Ксенофонт в свою очередь называет Геракла родоначальником (архагетом) спартанцев (Hell., VI, 3, 6), а царя Агесилая — его потомком (Ages., 1, 2). В 446 г. пифия потребовала от спартанцев вернуть из изгнания царя Плистоанакта, называя его «полубожественным сыном Зевса» (Thuc., V, 16, 2). На протяжении всего существования царской власти в Спарте для спартанских граждан их басилевсы продолжали оставаться священными особами, от магической силы которых зависело благополучие всего государства.

...царь... совершал все общественные жертвоприношения от лица государства...

Согласно Геродоту, оба царя были жрецами Зевса Лакедемонского и Зевса Урания (VI, 56). Возможно, они также

были жрецами Аполлона (Нер., VI, 57, 2). Их жреческие функции предполагали регулярные ритуальные практики. Ксенофонт в рассказе о заговоре Кинадона подробно описывает процедуру жертвоприношения, совершаемую Агесилаем вместе с прорицателем «от имени города» (Xen. Hell., III, 3, 4). Выполнение жреческих функций от имени всего государства входило в обязанности царя, а их невыполнение вело к наказанию в виде штрафа (Plut. Лус., 12, 5).

§ 3

Ликург... постановил выделять (царю. — Л. П.) во многих городах периеков участок земли...

Цари владели так называемыми теменами — обширными участками на территории периеков. Правда, строго говоря, эти участки им выделяли многие, но не все города периеков. Подобно гомеровским басилевсам, цари получали лучшие участки земли, и, в отличие от клеров рядовых граждан, эти темены³⁷ были их безусловной собственностью. Не исключено, что обычной практикой была сдача этих царских теменов в аренду периекам. Регулярные доходы с земельных наделов, возможно, являлись основой экономического процветания спартанских царей. Кроме недвижимости, которая составляла главное богатство царей, в их распоряжении также были большие денежные средства. Так, Платон среди прочих доходов спартанских царей упоминает и о «царском налоге» (βασιλικὸς φόρος), который лакедемоняне выплачивают своим царям. Под

³⁷ Слово τέμενος в микенских документах означало земельные владения царя. Во времена Гомера этим словом назывались как царские наделы, так и священные участки богов.

лакедемонянами в данном контексте, конечно, имеются в виду периеки. Философ утверждает, что этот налог являлся весьма значительным (Alc. I., 123a).

Власть спартанских царей равномерно распространялась как на самих спартиатов, так и на периеков, чьими военачальниками они являлись. Это позволяло регулировать отношения между полноправной общиной, каковой являлась Спарта, и подчиненными ей общинами периеков. Цари выступали посредниками между центром и миром периферийных полисов.

§ 4

А чтобы и цари столовались вне дома, он назначил им общественную палатку...

Здесь в первый раз Ксенофонт говорит о царях во множественном числе. Это замечание Ксенофонта предполагает, что в его дни цари в обязательном порядке обедали в сисситиях. Но есть сведения, что они могли обедать и дома (Her., VI, 57, 3). Так, Плутарх рассказывает, что, «когда царь Агис³⁸, разбив афинян, возвратился из похода и, желая пообедать с женой, послал за своей частью, полемархи отказались ее выдать» (Лус., 12, 5). Здесь явный конфликт интересов: Агис уверен, что он имеет право обедать дома, а полемархи, сотрапезники царя, оскорблены его отсутствием в царской палатке, считая такое поведение знаком неуважения лично к ним, а может быть, и ко всей общине. Видимо, в Спарте не существовало какого-либо формального запрета

³⁸ Речь идет об Агисе II, спартанском царе, который командовал сухопутными войсками на протяжении всей Пелопоннесской войны.

царям обедать дома, но обществом уклонение царей от посещения сисситий воспринималось крайне негативно. Цари, подобные Агесилаю, думающие об общественном мнении, старались не нарушать принятых норм и лишний раз не раздражать народ.

...и даже почтил двойной порцией за обедом...

О двойной царской порции впервые упоминает Геродот (VI, 57). В отличие от всех прочих граждан цари в Спарте питались полностью на государственный счет. Им единственным из спартиатов разрешалось, — правда, с оговорками — обедать дома. При этом за ними вроде бы сохранялось право на двойную порцию, которая доставлялась царям прямо домой (VI, 56; 57). О праве высших магистратов на дополнительные порции упоминает Аристотель в «Критской политике» (fr. 611, 15 Rose³). Он сообщает, что за обедом архонт сисситии получает четыре порции: «...одну как и все, вторую как архонт, третью за дом и четвертую за утварь».

§ 5

С другой стороны, он даровал каждому из них право выбирать дополнительно двух сотрапезников, которые назывались пифиями.

Очень рано, вероятно, еще в период ранней архаики (VIII в.), в Спарте появилась новая постоянно действующая коллегия — так называемые пифии (οἱ πύθιοι). Должность с подобным названием существовала только в Спарте. Возможно, эта магистратура возникла по инициативе царя Феопомпа в середине VIII в., в пору крепнущих связей Дельф со Спартой. Каждый царь выбирал из своего

ближайшего окружения двух доверенных лиц, пифиев (Her., VI, 57; Cic. De div., I, 43; 95). Последние рассматривались как alter ego царей в их сношении с пифийским Аполлоном. Пифии регулярно ездили в Дельфы, с тем чтобы узнать волю Аполлона и привести полученный оракул в Спарту. В Спарте, вероятно, существовал архив, где хранились записи оракулов, в том числе и из Дельф. Кроме царей только пифии имели к нему доступ (Her., VI, 57). Совместные трапезы царей с пифиями должны были представлять собой нечто вроде заседаний жреческой коллегии³⁹. Пифии, как и цари, не вносили платы за свое питание (VI, 57). Должность пифиев, скорее всего, была наследственной. Пифиями становились, вероятно, члены правящего дома, т. е. люди, близкие царю и по происхождению, и по образу жизни, и по семейным и дружеским связям.

§ 6

А озеро, находящееся поблизости от дома [царя], обеспечивает [его] водой.

Не совсем понятно, о каком доме здесь идет речь. Каждый царь имел свой собственный дом, как, например, Демарат (Her., VI, 67, 3), Леотихид (VI, 72, 2), Агис (Thuc., V, 63, 2) или Агесилай (Plut. Ages., 19, 6). Но нельзя исключить, что Ксенофонт в данном случае имел в виду не частные резиденции царей, которые, вероятно, находились далеко друг от друга, в разных обихах, но общественное здание, в котором размещалась «царская сиссития». Как известно, оба царя посещали один и тот же обеденный клуб (Xen. Hell., V, 3, 20; Plut. Ages., 20, 8).

³⁹ Андреев Ю. В. Мужские союзы... С. 182.

И все встают с сиденья перед царем, кроме эфоров, которые продолжают сидеть на своих эфоровых креслах.

При общении с царями соблюдался определенный церемониал. Так, подать руку царю было недопустимо (Plut. Agis., 19; 21). Никто, кроме эфоров, не имел права сидеть в присутствии царей. Такое привилегированное положение эфоров, возможно, объясняется сакральным характером их власти. Предполагают, что вместо эфоров первоначально выступали астеропы (ἄστερῶποι), или «наблюдатели за звездами». Эти «звездочеты представляли собой древнейшую сакральную коллегия, чьи функции авгуров со временем перешли к эфорам. Религиозный характер власти эфоров подтверждается и их бесспорной связью с оракулом Пасифаи в Таламах (IG V, 1, 1317; Plut. Cleom., 7, 2—3). В этом храме эфоры получали предсказания во время сна (Paus., III, 26. 1). Еще один возможный намек на сакральный характер власти эфоров — обычай, предписывающий царям откликаться только на их третий призыв (Plut. Cleom., 10, 3). Не исключено, что в этой игровой комбинации заключается религиозная символика. Так что эфоры не были обычными светскими магистратами. Символом вечности и непрерывности их власти были кресла, которые переходили от одной коллегии эфоров к другой. Недаром в 227 г. до н. э. спартанский царь-реформатор Клеомен III, убив четырех из пяти эфоров и уничтожив эфорат как институт, приказал убрать все кресла эфоров, оставив только одно — для себя самого (Plut. Cleom., 10, 1). Таким образом, он показал всей Спарте, что с этого момента в нем одном сосредоточена совокупная власть царей и эфоров.

§ 7

Эфоры и цари ежемесячно обмениваются клятвами: эфоры присягают от лица полиса, царь — от своего имени.

Очевидно, уже на раннем этапе существования эфорта между царями и эфорами как знак компромисса между монархическими и республиканскими началами в государстве была установлена ежемесячная клятва. Цари клялись, что они будут править согласно законам, а эфоры от имени общины клялись, что они будут сохранять незыблемой царскую власть. Вероятно, этот акт основывался на формальном договоре, который был заключен между общиной и царями. Обязательное ежемесячное повторение клятвы можно рассматривать как своеобразную превентивную меру, призванную защитить общину от возможной тирании царей (Her., V, 92). Данная практика была введена вследствие какого-то царского (судебно наказуемого) проступка. Иногда предполагают, что взаимная клятвенная церемония появилась после весьма подозрительной смерти Клеомена I, официально объявленной суицидом (Her., VI, 75)⁴⁰. Но, скорее всего, она была инициирована эфором Хилоном в середине VI в. Эта клятва была знаком сильного изначального недоверия общины к своим царям. С ее помощью царям постоянно внушалась мысль, что их власть конституционна до тех пор, пока они соблюдают законы (VII, 104). С другой стороны, наличие подобной клятвы между двумя высшими коллегиями — это постоянное напоминание всему обществу о законности обоих институтов и невозможности их существования друг без друга. Это был тандем, мыслящийся как неразрывный.

⁴⁰ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London; Baltimore, 1987. P. 107.

§ 8

...Ликург не желал ни внушать царям стремление к тирании, ни возбуждать зависть сограждан к их могуществу.

Архаическая Спарта, по сути дела, была единственным крупным греческим полисом, избегшим тирании. Так что на уровне идей тираноборческие настроения здесь были весьма сильны. Первенствующей задачей правящего сословия Спарты всегда оставалось сохранение стабильности внутри собственного государства. Отсюда желание и способность правящей верхушки находить компромиссные решения, не прибегая к силовым вариантам. Одним из таких решений было сохранение диархии — двойной царской власти. Диархия была интегральной частью спартанской евномии наряду с эфоратом и герусией. Спартанская диархия по сути своей являлась саморегулирующейся системой. Естественное соперничество двух царских домов автоматически ограничивало царскую власть как таковую и существенно сокращало усилия полиса в борьбе с царским самовластием. Стремление царей к тирании ограничивал и эфорат, ставший сильнейшим противовесом царской власти.

Внешне образ жизни царей мало отличался от образа жизни их сограждан. Принятие уже в архаический период целой серии законов против роскоши (сер. VI в.) лишило царей и их окружение очень важного для любых элит атрибута — возможности не только жить по иным, чем прочие граждане, стандартам, но и постоянно демонстрировать эти свои возможности в зримых категориях. Цари, во всяком случае внешне, не должны были выделяться из общей массы граждан. Судя по некоторым данным, спартанские цари и на самом деле жили весьма скромно. Так, мы ничего не знаем

о существовании в Спарте царских дворцов. Авторитет того или иного царя зависел не только от его военных успехов, но и от умения соблюдать принятые в его родном городе стандарты поведения. Образцовым в этом отношении был царь Агесилай, сумевший без каких-либо конфликтов с общиной просидеть на престоле сорок лет — отчасти благодаря стремлению хотя бы внешне ничем не отличаться от рядовых спартанцев (Plut. Ages., 36). Как рассказывает Плутарх, Агесилай пользовался огромным уважением сограждан не столько за военные успехи, сколько за умеренность, проявленную им в своей частной жизни: «По возвращении в Спарту он сразу же завоевал симпатии граждан и всеобщее удивление своими привычками и образом жизни. Ибо, в отличие от большинства полководцев, он не вернулся с чужбины другим человеком, преобразившимся под воздействием чужеземных нравов, недовольным всем отечественным, ссорящимся со своими согражданами; наоборот, он вел себя так, как если бы никогда не переходил на другую сторону Эвроты, уважал и любил родные обычаи, не изменил ничего ни в пище, ни в купаньях, ни в образе жизни своей жены, ни в украшении своего оружия, ни в домашнем хозяйстве. Даже двери собственного дома, которые были настолько древними, что, казалось, были поставлены еще Аристодемом, он сохранил в прежнем состоянии» (Ages., 19).

§ 9

Что касается почестей, воздаваемых царю после смерти, то из законов Ликурга видно, что лакедемонских царей чтили не как обыкновенных людей, но как героев.

Судя по данному тексту, Ксенофонт весьма положительно относился к процедуре царских похорон и не возмущался

их излишним, с точки зрения спартанского минимализма, великолепием. Существует немало источников, свидетельствующих, что похороны спартанских царей действительно были исключительным явлением. Сама процедура погребения царей подробно описана Геродотом. Царю, не запятнавшему себя преступлением, после смерти оказывали героические почести. Ему устраивали торжественные похороны «как герою» и объявляли траур на десять дней (Her., VI, 58). На этот срок отменялись все общественные дела. Как свидетельствует Геродот, царские погребения были одними из самых зрелищных спектаклей, которые Пелопоннес когда-либо видел. В Греции классического периода, где почти нигде уже не сохранилось даже воспоминания о царской власти, эти погребальные церемонии казались очень странными и даже сравнивались с подобными же обычаями у варваров. Геродот подробно описывает саму процедуру и энтузиазм ее участников. Важно отметить, что на царское погребение в столицу собирались представители всего населения страны, в том числе и подчиненные классы, которые, возможно, в обычное время никогда Спарту не посещали. Царское погребение, таким образом, символизировало объединение всех сословий вокруг спартанских царей. После смерти царя в течение трех дней прекращалась всякая торговля, и агора посыпалась мякиной (Heraclid. Pont., FHG II, II, 5). Подобное помпезное зрелище явно контрастировало не только с аскетическими обычаями спартанских граждан, но и с общими достаточно скромными установками всего греческого мира. На примере царской погребальной церемонии, совершаемой «на варварский манер», эксклюзивность спартанской царской власти в рамках общегреческого контекста выступает в высшей степени рельефно.

...не как обыкновенных людей, но как героев.

Это выражение Ксенофонта не поддается однозначному толкованию. С одной стороны, можно думать, что Ксенофонт считал спартанского царя человеком, который формально после смерти получал героический статус. Таким образом, героизация царя *post mortem* была связана исключительно с его «должностью», а не с какими-либо его личными качествами. С другой стороны, Ксенофонт мог думать, что героизации удостоивался только тот царь, кто заслужил это благодаря своим личным качествам. Так, например, эфор Хилон или военачальник Брасид были почитаемы при жизни и получили героический статус после смерти вовсе не за то, что один был эфором (Paus., III, 16, 4—6), а другой — главнокомандующим (Thuc., V, 11, 1). Они были героизированы за свои личные заслуги.

Царей вряд ли героизировали только за то, что они были царями. Так, Геродот не упоминает посмертную героизацию царей среди их привилегий. Означает ли это, что наш отрывок — единственное в традиции свидетельство героизации спартанских царей *in corpore*? Но в нем эксплицитно вовсе не говорится о посмертной героизации царей, а лишь о том, что царей почитали как героев.

Известны случаи, когда царей лишали трона за совершенные ими преступления, реальные или вымышленные, так что о каком-либо героическом культе их и вовсе говорить не приходилось. Так, тело героя Греко-Персидских войн Павсания, человека царского происхождения и опекуна царя Плистарха, вообще хотели сперва выбросить в Кеадскую пропасть, куда обычно бросали преступников (Thuc., V, 134, 4), а тело другого Павсания, царя, приговоренного к смерти за измену, бежавшего в Тегею и там

умершего ок. 385 г. (Xen. Hell., III, 5, 6–7; 17–25; Paus., III, 5, 6–7; Plut. Lys., 28–29; Diod., XIV, 89), никогда и не пытались вернуть в Спарту, чтобы там перезахоронить. Правда, в обычных условиях тела царей, которые умирали за границей, в отличие от тел прочих спартанцев, перевозили в Спарту (Plut. Ages., 40, 4), но это не обязательно было связано с необходимостью провести погребальную церемонию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сборники источников, справочные пособия, общие труды

- Bergk — *Bergk Th. Poetae Lyrici Graeci. Editio IV. Vol. I–II. Lipsiae, 1882.*
- Diehl³ — *Diehl E. Anthologia Lyrica Graeca. Editio III. Fasc. 1–3. Leipzig, 1954–1955.*
- Diels — *Die Fragmente der Vorsokratiker. Ed. H. Diels / W. Kranz. 9. Aufl. Bd. I–III. Berlin, 1959–1960.*
- FgrHist — *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958. (Nachdruck: 1961–1969)*
- FHG — *Mülleri K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I–V. Paris, 1841–1872.*
- IEG — *Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Ed. M. L. West. Oxford, 1992.*
- IG (IG²) — *Inscriptiones Graecae. Vol. I–XV. Berlin, 1873– (Ed. 2. Vol. I–. Berlin. 1913–).*
- PMGF — *Poetarum Melicorum Graecorum Fragmenta. Ed. M. Davies. Oxford, 1991.*
- Rose — *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Ed. von Val. Rose. Lipsiae, 1886. (Stuttgart, 1966).*

Периодические издания

- AJPh — *American Journal of Philology*
- CQ — *Classical Quarterly. New Series*
- JHS — *The Journal of Hellenic Studies*

СПИСОК ИЗБРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 245–274.
- Андреев Ю. В. Спартанская гинекократия // Ю. В. Андреев. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 410–432.
- Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.
- Белох К. Ю. История Греции. Т. II. М., 1899.
- Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965.
- Зайков А. В. Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 5–15.
- Зайков А. В. Спартанские ксенеласии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 6–25.
- Зайков А. В. Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики // Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического ф-та УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 315–321.
- Зайков А. В. Скириты в спартанском войске // Известия УрГУ: гуманитарные науки. Т. 63. 2009. № 1/2. С. 175–188.

- Никитюк Е. В. Формирование понятия идеального человека (καλὸς καγαθός) в греческой литературе архаического и классического периодов // Феномен досуга в античном мире. СПб., 2013. С. 43–81.
- Печатнова Л. Г. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001.
- Печатнова Л. Г. Спартанские цари. М., 2007.
- Фигейра Т. Дж. Спартанские железные деньги и идеология средств существования в архаической Лаконии // Античная древность и средние века. Екатеринбург: УрГУ, 2001. Вып. 32. С. 5–28.
- Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972.
- Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.
- Aristotle and Xenophon on Democracy and Oligarchy / Ed. J. M. Moore. University of California Press, 1975.
- Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London; Baltimore, 1987.
- Chrimes K. M. T. The Respublica Lacedaemoniorum Ascribed to Xenophon. Manchester, 1948.
- Flower M. A. Revolutionary Agitation and Social Change in Classical Sparta // Georgica: Greek Studies in Honour of G. Cawkwell. Bulletin Supplement. 58. 1991. P. 78–97.
- Humble N. The Author, Date and Purpose of Chapter 14 of the Lakedaimonion Politeia // Xenophon and his world. Ed. Ch. Tuplin. Stuttgart, 2004. P. 215–228.
- Lipka M. Xenophon's Spartan Constitution: Introduction. Text. Commentary. Berlin, 2002.
- Murray O. Early Greece: 2nd ed. London, 1993.
- Wüst F. R. Laconica // Klio. Bd. 37. 1959. S. 53–60.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Г. Печатнова. Место «Лакедемонской политики» Ксенофонта в греческой историографии</i>	5
<i>Ксенофонт. Лакедемонская политика</i>	45
<i>Исторические комментарии к «Лакедемонской поли- тии» Ксенофонта</i>	75
<i>Список сокращений</i>	220
<i>Список избранной литературы</i>	221

Ксенофонт
ЛАКЕДЕМОНСКАЯ ПОЛИТИЯ

Ответственный редактор *Ю. С. Довженко*

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.

Тел. (812) 430-99-21. E-mail: gumak@mail.ru

www.humak.ru

Подписано в печать 01.10.2013. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,77.

Тираж 1000 экз. Заказ № 131.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ООО «ИПК «БИОНТ»»,

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86.

Тел. (812) 322-68-43, 320-52-85.

ISBN 978-5-93762-099-6

9 785937 620996